

МИШЕЛЬ ФЕЙБЕР

18+

КНИГА
СТРАННЫХ НОВЫХ
ВЕЩЕЙ

Мишель Фейбер

Книга Станных Новых Вещей

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фейбер М.

Книга Станных Новых Вещей / М. Фейбер — «Азбука-Аттикус», 2014

ISBN 978-5-389-10775-5

Впервые на русском – новейший роман от автора таких международных бестселлеров, как «Багровый лепесток и белый» и «Побудь в моей шкуре» (книга экранизирована в 2014 г. со Скарлет Йохансон в главной роли). На «Книгу Станных Новых Вещей» у Фейбера ушло более десяти лет, и, по словам прославленного шотландца, это будет его последний роман. Священник Питер Ли получает предложение, от которого не в силах отказаться, – и отправляется миссионером в невероятную даль, оставив дома самое дорогое, что у него есть: любимую жену Беатрис и кота Джошуа. Путь его лежит в неведомую землю, аборигены которой жаждут приобщиться к учению Библии – «Книги Станных Новых Вещей». Этот удивительный, и удивительно оригинальный роман повествует о приключениях тела и духа, о вере и неверии перед лицом величайших катастроф, о силе и слабости тех невидимых нитей, что связывают двух любящих людей, разделенных целой вселенной.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-10775-5

© Фейбер М., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

I	6
1	6
2	18
3	26
4	34
5	49
6	61
7	71
8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мишель Фейбер
Книга Станных Новых Вещей
Эве, навечно

I

Да придет Царствие Твое

1

Сорок минут спустя он был уже в небе

– Я хотел кое-что тебе сказать, – произнес он.

– Так скажи, – ответила она.

Он молчал, не отводя глаз от дороги. В темноте городской окраины видеть было нечего, кроме габаритных огней далеких машин, бесконечно разматывающегося клубка бетонного шоссе да громадных фонарей автомагистрали.

– Бог, наверное, разочаровался во мне за одну только мысль об этом, – сказал он.

– Что ж, – вздохнула она, – раз Он уже все знает, то можно и мне рассказать.

Он мельком взглянул на нее, чтобы определить, в каком она настроении, но верхнюю половину ее лица, включая глаза, скрывала тень от кромки ветрового стекла. А нижняя половина отсвечивала лунной чистотой. Ее щеки, губы и подбородок – такие знакомые и родные, ставшие частью его жизни с тех пор, как он их узнал, – всколыхнули в нем острое и горькое чувство утраты.

– Мир кажется гораздо лучше при рукотворном свете, – произнес он.

Они ехали в молчании. Оба не выносили трескотни радио или назойливой музыки в записи. Это была только одна из многих черт характера, которые их объединяли.

– И это все? – спросила она.

– Да, – откликнулся он. – Я хочу сказать... считается, что девственная природа – абсолютное совершенство, правда? А все, что привносит человек, только позорит ее, захламляет – и все. Но мы потеряли бы половину наслаждений мира, если бы мы – человек, то есть человеческие существа...

(Она усмехнулась: «Ну-ну, продолжай!»)

– ...если бы мы не развесили повсюду фонари. В электрических лампах есть своя притягательность. Они скрашивают ночные поездки, вот как сейчас. Красота! Ты только представь, что нам пришлось бы ехать в кромешной темноте. Потому что это и есть нормальное, естественное состояние мира ночью, так ведь? Кромешный мрак. Просто представь. Как бы ты нервничала, не разбирая дороги, не видя ничего дальше нескольких метров. Скажем, едешь ты в город... впрочем, в мире без технологий – какие города... но предположим, ты направляешься туда, где живут люди, живут в естественных условиях, может, жгут кое-где костры... ты их не увидишь, пока не приблизишься вплотную. И не откроется чудесный вид, когда ты в нескольких милях от города, а огоньки на склоне холма мерцают, словно звезды.

– Ага.

– И даже внутри машины, допустим, она у тебя есть или другое средство передвижения в этом естественном мире, повозка, запряженная лошадьми, например... и в ней будет непроглядный мрак. И еще холод, если ночь зимняя. И только посмотри, что нам дано взамен!

Он поднял руку (обычно он вел машину двумя руками, симметрично расположив их по обе стороны руля) и показал на приборную панель. Огоньки привычно горели. Температура. Время. Уровень воды. Масло. Скорость. Расход топлива.

– Питер...

– О, смотри!

В нескольких сотнях метров впереди крошечная, груженная сверх всякой меры фигурка стоически маячила в лужице света.

– Кто-то голосует. Я остановлюсь, да?

– Нет!

Тон ее голоса отбил у него всякое желание перечить, хотя до сих пор они редко упускали возможность проявить милосердие к посторонним.

Человек на дороге с надеждой поднял голову. Окутанный светом фар, он превратился – на мгновение – из слабо различимой человекоподобной фигуры в нечто индивидуальное. Автостопщик держал в руках картонку с надписью «Хитрау».

– Странно, – заметил Питер, когда они промчались мимо. – Будто нельзя просто сесть на метро.

– Последний день в Британии, – отозвалась Беатрис. – Последний шанс развлечься. Наверно, спустил всю валюту в пабе, полагая, что ему еще хватит на поезд. Еще каких-то шесть кружек – и вот он на свежем воздухе, трезвея, а все, что завалялось в кармане, – билет на самолет и один фунт семьдесят пенсов.

Вполне правдоподобно. Но если и так, зачем бросать в беде заблудшую овцу? Не в правилах Би бросать кого-то в трудной ситуации. Он снова повернулся к затененному лицу и с тревогой заметил слезы, мерцающие на подбородке и в уголках рта.

– Питер... – сказала она.

Он снова снял руку с руля, в этот раз чтобы сжать ей плечо. Впереди над шоссе висел знак с изображением самолета.

– Питер, это последняя возможность.

– В каком смысле?

– Заняться любовью.

Индикаторы на приборной панели мягко вспыхнули и замигали – тик-тик-тик-тик, когда он направил машину в полосу, ведущую к аэропорту. Словосочетание «заняться любовью» билось в оболочку мозга, стараясь пробраться внутрь, хотя места для него там не было. Он чуть не сказал: «Ты шутишь», но хотя Би обладала тончайшим чувством юмора и обожала посмеяться, она никогда не шутила по поводу действительно важных вещей.

И пока они ехали вот так, чувство, что они не на одной волне, что в критический момент для них важно разное, проникло в машину, словно неудобный попутчик. Он думал – он чувствовал! – что вчера утром они попрощались как следует и что это путешествие в аэропорт – просто... послесловие или почти послесловие. Вчерашнее утро было *таким правильным*! Они наконец-то добрались до конца списка «Что сделать». Его сумка была собрана. Би взяла выходной, и они спали без задних ног, их разбудило сверкающее солнце, согревшее желтое пуховое одеяло на кровати. Кот Джошуа развалился у них в ногах в смешной позе, они турнули его и занялись любовью – безмолвно, медленно и нежно-нежно. Потом Джошуа опять вспрыгнул на кровать и неуверенно положил лапу на голую лодыжку Питера, как будто хотел сказать: «Не уходи, я задержу тебя». Это был трогательный момент, объясняющий происходящее лучше, чем слова, или, возможно, просто нездешняя чуткость кота послужила меховой защитой от оголенной человеческой боли, смягчая ее, делая переносимой. Что бы это ни было, это было превосходно. Они лежали в обнимку, слушая хриплое мурчание Джошуа, пот испарялся под солнцем, сердцебиение постепенно возвращалось к норме.

– Последний раз, – попросила она, пытаясь перекрыть гул мотора на темной дороге, ведущей к самолету, который унесет его в Америку и еще дальше.

Он проверил часы на приборной панели. До регистрации оставалось два часа, а езды до аэропорта – минут пятнадцать-двадцать.

– Ты замечательная, – сказал он.

Возможно, если бы он произнес эти слова единственно правильным образом, она поняла бы их смысл: что не стоит улучшать вчерашнее, что лучше им просто оставить все как есть.

– Я не хочу быть замечательной, – вскинулась она, – я хочу почувствовать, что ты внутри меня.

Несколько секунд он ехал молча, спешно приспособливаясь к перемене. Быстрая реакция на изменившиеся обстоятельства тоже была их общим качеством.

– Тут вблизи аэропорта полно этих жутких корпоративных гостиниц, – сказал он. – Мы могли бы снять номер на час.

Он тут же чуть пожалел, что сказал «жутких», – это прозвучало, как если бы он пытался разубедить ее, одновременно притворяясь, что это не так. А он лишь подразумевал, что гостиницы эти того сорта, которого они оба избегали как могли.

– Просто найди укромный съезд, – сказала она. – Мы можем сделать это в машине.

– О-го! – воскликнул он, и они оба засмеялись.

«О-го» было слово, которым он приучил себя заменять восклицание «О Господи!». Начинались они одинаково, так что возможно было избежать упоминания имени Его всуе, когда восклицание уже почти срывалось с языка.

– Я серьезно, – сказал она. – Любой сгодится. Просто остановись так, чтобы никто не пристроился позади.

Шоссе теперь выглядело для него иначе. В теории это все еще была полоса гудрона, оснащенная дорожными знаками и хлипкими металлическими ограждениями, но теперь их намерение все преобразило. Это уже была не прямая дорога к аэропорту, а потаенная глушь с тенистыми объездными дорогами и укрытиями. Доказывая снова, что реальность необъективна, но всегда только и ждет, чтобы изменить форму и найти новые определения для себя, в зависимости от людского отношения.

Конечно, каждый человек на земле властен изменить реальность. Питер и Беатрис много раз обсуждали эту тему. Трудно заставить людей понять, что их жизнь жестока и ограничена только потому, что они ее так воспринимают. Трудно заставить людей увидеть, что неоспоримые факты существования не так уж бесспорны. Трудно найти слово проще, чем «непреложно», чтобы сказать о «непреложном».

– Может, здесь?

Беатрис не ответила, только положила руку ему на бедро. Он плавно направил машину на стоянку грузовиков. Надеясь, что Господь не запланировал превратить их в лепешку с помощью грузовика весом в сорок четыре тонны.

– Я никогда этого не делал, – сказал он, повернув ключ зажигания.

– Думаешь, я делала? Мы справимся, давай переберемся назад.

Они открыли дверцы, каждый со своей стороны, и встретились через несколько секунд на заднем сиденье. Они сидели, как пассажиры, плечо к плечу. Обивка пахла чужими – друзьями, соседями, прихожанами их церкви, теми, кого им случалось подвезти на дороге. Оттого-то Питер засомневался, сможет ли он заниматься любовью здесь и сейчас. Хотя... было во всем этом и нечто возбуждающее. Они потянулись друг к другу, предполагая нежное объятие, но руки их неуклюже заблудились в темноте.

– Как долго может гореть лампочка, чтобы не сел аккумулятор? – спросила она.

– Понятия не имею, – ответил он. – Но лучше не рисковать. Кроме того, всем проезжающим будет на что поглядеть.

– Это вряд ли, – сказала она, обернувшись к фарам, проносящимся мимо. – Я как-то читала статью о похищенной маленькой девочке. Она ухитрилась выскочить из машины, когда та замедлила ход на дороге. Похититель ухватил ее за шиворот, девочка вырывалась и звала на помощь. Мимо мчался поток машин. Никто не остановился. Потом одного из водителей

спросили, почему он проехал и не помог. Он сказал: «Я ехал так быстро, что не поверил своим глазам».

Он неловко заерзал на сиденье:

– Что за жуткая история. И наверно, не самое лучшее время вспомнить ее.

– Я знаю, знаю, извини, но я немного... не в себе сейчас. – Она нервно засмеялась. – Так тяжело тебя терять.

– Ты не теряешь меня. Я просто отлучусь на время. И я буду...

– Питер, пожалуйста. Не сейчас. Мы уже покончили с этим. Все, что мы могли сказать, уже сказано.

Она наклонилась вперед, и он подумал, что она сейчас заплачет. Но она всего лишь пыталась выудить что-то между передними сиденьями. Маленький фонарик на батарейках. Она включила его и уложила на подголовнике пассажирского сиденья, но фонарик свалился. Тогда она пристроила фонарик в узком месте между сиденьем и дверцей, наклонив так, что луч освещал пол.

– Вот, и удобно, и свет приглушен, – сказала она опять ровным голосом. – Вполне достаточно для того, чтобы ласкаться.

– Я не уверен, что смогу, – сказал он.

– Ну, там видно будет, – ответила она и начала расстегивать блузку, обнажив белый лифчик и холмики груди.

Она позволила блузке скользнуть с плеч, повела плечами и локтями, стряхивая шелк с запястий. Потом сняла юбку, колготки и трусики одним грациозным и неторопливым движением, крепко сжав резинки пальцами.

– Теперь ты.

Он расстегнул брюки, и она помогла ему их снять. Потом завела руки за спину, чтобы расстегнуть лифчик, а он постарался поменять позу, чтобы не давить на Би коленями. Голова стукнулась о потолок салона.

– Мы как пара подростков, – посетовал он, – просто какое-то...

Она положила ладонь ему на лицо, прикрывая рот.

– Мы – это ты и я, – сказала она. – Ты и я. Муж и жена. Все хорошо.

Она была нагая, если не считать часов на тонком запястье и жемчужного ожерелья на шее. В свете фонарика ожерелье больше не казалось элегантным подарком на годовщину свадьбы, скорее стало примитивным эротическим украшением. Ее сердце билось так сильно, что грудь ходила ходуном.

– Ну же, – сказала она. – Давай!

И они начали. Прижавшись, они уже не могли видеть друг друга, фонарик сослужил свою службу. Губы слились, глаза закрылись, а тела могли принадлежать всем и каждому со времен Сотворения мира.

– Глубже, – выдохнула Беатрис.

В голосе появилась хрипотца, животная целеустремленность, какой он не слышал до сих пор. Их соития всегда были чинными, дружелюбными, безукоризненно заботливыми друг к другу. Иногда безмятежные, иногда нетерпеливые, иногда даже с некоторыми «элементами акробатики», но никогда не было этого отчаянного «Глубже!».

Скорчившись, неловко упираясь ногами в окно, натирая колени о меховую синтетику заднего сиденья, он старался изо всех сил, но ритм и угол были непривычными, и он неправильно оценил, как долго ей нужно до оргазма и как долго он сможет продержаться.

– Не останавливайся, ну же! Еще, еще!

Но все кончилось.

– Ничего, все хорошо, – наконец сказала она и выбралась из-под него, липкая от пота. – Все хорошо.

Они прибыли в Хитроу задолго до отлета. Регистраторша вернула Питеру паспорт, взглянув на него мельком:

– Билет в один конец до Орландо, Флорида, правильно?

– Да, – отозвался он.

Девушка осведомилась о багаже. Он забросил спортивную сумку и рюкзак на ленту. Все это получилось как-то неловко. Но условия его путешествия были слишком сложными и неопределенными, чтобы рассчитывать дату возвращения. Он предпочел бы, чтобы Беатрис не стояла рядом, прислушиваясь к подтверждению его неминуемого отлета. Хоть бы она не слышала этого «билет в один конец»!

А потом, когда ему вернули билет, конечно, было достаточно времени, прежде чем разрешили посадку. Бок о бок они с Беатрис отошли от стойки регистрации, слегка ослепленные избытком света и чудовищными размерами терминала. Не из-за этого ли флуоресцентного сияния лицо Беатрис казалось осунувшимся и тревожным? Питер обнял ее ниже талии. Она улыбнулась ободряюще, но он не чувствовал бодрости. «ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАЧАТЬ ОТПУСК ЭТАЖОМ ВЫШЕ? – соблазняла реклама. – ОТ ИЗОБИЛИЯ НАШИХ МАГАЗИНОВ ВАМ НЕ ЗАХОЧЕТСЯ УЛЕТАТЬ».

В это вечернее время толчеи в аэропорту не было, но все же было достаточно тех, кто катил чемоданы или околачивался в магазинчиках. Питер и Беатрис сели напротив табло, ожидая объявления о том, к какому выходу подали самолет. Не глядя друг на друга, они держались за руки, рассматривая несколько десятков будущих пассажиров, дефилирующих мимо. Из дьюти-фри донеслось хихиканье хорошеньких девушек, одетых как стриптизерши в начале смены и обвешанных пакетами. Они покачивались на высоченных каблуках, с трудом волоча многочисленные свертки. Питер наклонился к Беатрис и прошептал:

– И придет же в голову сесть в самолет с такой тяжестью? А когда они приземлятся и отправятся восвояси, то еще чего-нибудь прикупят по дороге. Гляди, они уже еле передвигаются.

– Ага.

– Но вот в этом-то все и дело. Может, это зрелище здесь нарочно для нас? Грандиозная непрактичность во всем, вплоть до дурацкой обуви. Только для того, чтобы все знали: эти девушки так богаты, что им не надо беспокоиться о реальном мире. Богатство делает их иными существами, экзотическими созданиями, которым не обязательно функционировать как люди.

Би покачала головой.

– Эти девушки не богаты, – сказала она. – Богатые не путешествуют группами. И богатые женщины не ходят, как будто они впервые встали на каблуки. Эти девушки просто молоды и получают удовольствие от покупок. Для них это приключение. Они красуются друг перед другом, а не перед нами. Мы невидимки для них.

Питер взглянул на девушек, враскачку шедших к кофейне «Старбакс». Их ягодичные лепестки под мятыми юбками, а голоса звучали пронзительно, выдавая провинциальный акцент. Би права.

Он вздохнул и сжал ей руку. Как он будет обходиться без нее там, куда он едет? Как он управится без нее, не имея возможности обсудить свои ощущения? Она одна останавливала его, когда он нес вздор, она обуздывала его привычку создавать грандиозные всеобъемлющие теории. Она заземляла его. Если бы она была рядом в его миссии, это стоило бы целого миллиона долларов.

На самом деле предприятие обошлось куда дороже миллиона долларов, только для того, чтобы послать его одного, и СШИК платил за все.

– Ты не голодна? Принести чего-нибудь?

– Мы же ели дома.

– Шоколадку или еще что?

Она устало улыбнулась:

– Все хорошо, честно.

– Мне жаль, что я подвел тебя.

– Подвел меня?

– Ну... там в машине. Это нечестно, не закончено, и особенно сегодня... непереносимо, когда так случается.

– Это действительно ужасно, – сказала она. – Но не по этой причине.

– Просто угол был непривычный, вот и...

– Пожалуйста, Питер, вовсе незачем обсуждать это. Я не заполняю ведомость или реестр. Мы любили друг друга. И этого достаточно.

– Но я чувствую, что...

Она сжала ему губы двумя пальцами, потом поцеловала его:

– Ты лучший мужчина на свете. – И снова поцеловала его, на этот раз в лоб. – Если уж ты собираешься делать «вскрытия», то мне кажется, тебе и без того будет о чем думать в командировке.

Он нахмурился под ее губами. Что она имеет в виду, говоря о «вскрытии»? Имеет ли она в виду, что препятствия и неудачи неизбежны? Или она уверена, что все его предприятие обречено на неудачу? Вплоть до смерти?

Он встал, и она встала вместе с ним. Они крепко держались за руки. Большая партия туристов, только что с автобуса, влилась в зал, страстно намереваясь отправиться к солнцу. Устремившись к соответствующим дверям, журчащие гуляки разделились на два ручья, обтекающая Питера и Би. Когда они исчезли и в зале снова стало сравнительно тихо, голос в репродукторе произнес: «Держите ваш багаж все время при себе. Вещи, оставленные без присмотра, будут изъяты и уничтожены».

– Ты чувствуешь... инстинкт тебе подсказывает, что моя миссия провалится? – спросил он.

Она замотала головой, стукнув его челюсть.

– Ты полагаешь, что Провидение не с нами? – настаивал он. Она кивнула.

– Ты думаешь, что Он шлет меня так далеко, чтобы...

– Пожалуйста, Питер. Помолчи, – сказала она севшим голосом. – Мы все подробно обсуждали много раз. Уже нет смысла. Все, что остается, – это вера.

Они сели снова и попытались удобно устроиться в креслах. Она положила голову ему на плечо. Он думал об истории, о тайных человеческих тревогах, лежащих в подоплеке знаменательных событий. Какие-то мелочи, вероятно, заботили Эйнштейна, или Дарвина, или Ньютона, когда они создавали свои теории, – ссора с хозяйкой пансиона или озабоченность по поводу выстуженного камина. Пилоты, бомбившие Дрезден, взбудораженные фразой в письме из дому («Что она хотела этим сказать?»). Или Колумб, когда он плыл в Новый Свет... кто знает, что было у него на уме? Может, последние слова, сказанные старым другом, упоминание о котором не найдешь в книгах по истории...

– Ты уже решил, – прошептала Би, – какими будут первые слова?

– Первые слова?

– К ним. Когда ты встретишься с ними.

Он постарался сосредоточиться.

– Все будет зависеть от... – начал он неуверенно. – Я ведь не знаю, что я там найду. Бог поведет меня. Он вложит в мои уста слова, которые мне понадобятся.

– Но когда ты воображаешь... встречу... что предстает перед твоими глазами?

Он уставился в пространство прямо перед собой. Работник аэропорта в комбинезоне с ярко-желтыми, отражающими свет лентами отпирал дверь с надписью: «ДЕРЖАТЬ НА ЗАМКЕ ПОСТОЯННО».

– Я заранее вообще ничего не воображаю, – сказал он. – Ты же меня знаешь. Я не могу ничего переживать наперед. В любом случае все, что происходит, всегда отличается от того, что мы можем представить.

Она вздохнула:

– А вот я могу вообразить. Мысленно.

– Так расскажи мне.

– Пообещай, что не будешь смеяться.

– Обещаю.

Она проговорила, уткнувшись ему в грудь:

– Я вижу тебя на берегу огромного озера. Ночь, и в небе полно звезд. Сотни рыбацких суденышек покачиваются на воде. В каждой лодке по крайней мере один человек, в некоторых – трое или четверо, но никого конкретно нельзя различить, слишком темно. Ни одна лодка не движется, все стоят на якоре, потому что всё обратилось в слух. Так тихо, что тебе нет необходимости кричать. Твой голос просто плывет над водой.

Он погладил ее по плечу.

– Чудесный... – он чуть не сказал «сон», но это прозвучало бы как-то пренебрежительно, – образ.

Она издала звук, который мог быть жалобным согласием или сдавленным криком боли. Она приникла к нему всей тяжестью тела, но он дал ей успокоиться, стараясь не шевелиться. Против того места, где сидели Питер и Беатрис, располагалась кондитерская. Там еще бойко торговали, несмотря на поздний час, пятеро посетителей сгрудились у кассы, и еще несколько просто разглядывали витрины. Питер наблюдал за молодой, хорошо одетой женщиной, сгибающейся охоткой товаров с витрины. Огромные коробки пралине, длинные тонкие картонки с песочным печеньем, швейцарская плитка «Тоблероне» величиной с дубинку полицейского. Прижимая сласти к груди, она скрылась за пилоном, поддерживающим потолок магазинчика, будто намеревалась проверить, нет ли чего, выставленного снаружи. Потом просто удалилась в круговорот толпы, по направлению к женским туалетам.

– Я только что стал свидетелем преступления, – прошептал Питер в ухо Беатрис. – А ты?

– И я.

– Я думал, ты задремала.

– Нет, я тоже ее видела.

– Должны ли мы ее задержать?

– Задержать ее? Ты хочешь сказать, сами?

– Или, по крайней мере, сообщить продавцам.

Беатрис прижала голову к его плечу еще сильнее, пока они наблюдали, как женщина исчезает в уборной.

– Это кому-то поможет?

– Это напомнит ей, что воровать нехорошо.

– Я сомневаюсь. Если мы схватим ее за руку, она просто возненавидит нас.

– Так что же, как христиане, мы должны не обращать внимания на кражу?

– Как христиане, мы должны нести любовь Христа. И если мы выполним эту задачу, то создадим людей, которые не захотят творить зло.

– Создадим?

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Вдохновим. Обучим. Покажем путь.

Она подняла голову и поцеловала его в лоб:

– Именно то, что ты собираешься сделать. В этой твоей миссии. Мой храбрец.

Питер вспыхнул, благодарно заглотив комплимент, как изнывающий от жажды ребенок. Он даже не представлял себе, как нуждался в нем именно сейчас. То, что возникло в груди, было настолько огромно, что он подумал, грудь его взорвется.

– Я пойду помолюсь, – сказал он. – Хочешь со мной?

– Чуть позже. Иди пока сам.

Он встал и без колебаний пошел в аэропортовую молельню. В каждом аэропорту – Хитроу, Гатвике, Эдинбурге, Дублине и Манчестере – он знал, где она находится, никого не спрашивая.

Это всегда была самая уродливая, самая безвкусная комната во всем комплексе, на максимальном расстоянии от сверкающих ульев торговли. Но в ней обитала душа.

Найдя молельню снова, он досконально изучил расписание на двери, надеясь, что не опоздал на редкое там причастие. Но ближайшее должно было состояться не раньше четверга в три часа пополудни, а в это время он будет уже на невообразимом расстоянии отсюда, и Беатрис начнет спать одна с Джошуа в ногах, как будет спать долгие месяцы.

Он тихо отворил дверь. Три мусульманина стояли на коленях, не обратив на него внимания, когда он зашел в комнату. Они смотрели на лист бумаги, приколотый к стене, с отпечатанным на компьютере изображением стрелы, похожим на дорожный знак. Стрела указывала на Мекку. Мусульмане кланялись, вздымая зады, и целовали ткань ярко раскрашенных ковров, предоставленных аэропортом напрокат. Безукоризненно одеты: шитые на заказ костюмы, дорогие часы. Блестящие туфли из лаковой кожи стояли в стороне. Носки на пятках натягивались и чуть не лопались от ретивых поклонов.

Питер быстро заглянул за шторку, делившую комнату пополам. Как он и подозревал, там была женщина, тоже мусульманка, полностью закутанная и занятая тем же ритуалом. С ней был ребенок, сказочно послушный мальчуган, раздетый, как маленький лорд Фаунтлерой. Он сидел в ногах матери, безразличный к тому, как она простиралась ниц, и читал комикс про Человека-Паука.

Питер подошел к шкафу, где хранили Писание и брошюры. Библия (издание Гидеона) и отдельно Новый Завет и псалмы, Коран и трепаная книжица на индонезийском языке, вероятно тоже Новый Завет. На нижней полке рядом с пачками «Сторожевой башни» Свидетелей Иеговы и изданиями Армии спасения лежала оптимистически огромная пачка брошюр. Обложки выглядели знакомо, и он наклонился, чтобы удостовериться. Брошюры были изданы самой большой американской евангелистской сектой, а пастор их лондонского отделения проходил интервью для той же самой миссии, что и он сам. Питер даже встретил его в фойе СШИК, удаляющегося во гневе.

– Банда бездельников, – прошипел пастор, спеша к выходу.

Питер ожидал, что провалится тоже, но вместо этого... его выбрали.

Почему он, а не кто-нибудь из церкви с кучей денег и политическим влиянием? Он все еще не понимал.

Он открыл брошюрку и сразу наткнулся на обычную чепуху о символическом значении числа шестьсот шестьдесят шесть, о штрихкодах и вавилонской блуднице. Возможно, ответ был на поверхности – СШИК искал отнюдь не фанатизма.

Тишина в комнате прервалась сообщением из интеркома, выдутого маленьким, похожим на блюдце репродуктором на потолке. «„Американ Эйрлайнс“ вынуждена сообщить, что рейс Эй-Би – тридцать один до Аликанте снова откладывается в связи с техническими проблемами. Следующее объявление будет в двадцать два тридцать. Пассажиров, еще не получивших талоны на питание, просят получить их. Компания еще раз приносит извинения за отсрочку вылета».

Питеру показалось, что по аэропорту пронесся коллективный жалобный стон, но, вероятно, это было только его воображение.

Он открыл «Книгу посетителей» и перелистал страницы – огромные, как у гробовщика, пробегаая записи путешественников со всего мира, нацарапанные одна под другой. Подобные записи никогда не разочаровывали его, не разочаровали и эти. Сегодня три страницы уже были заполнены комментариями. Некоторые были в виде иероглифов, другие арабской вязью, но большинство по-английски, запинаящиеся или четкие. Господь был здесь, проливаясь сквозь каракули шариковых ручек и фломастеров.

Его всегда поражало то, что, когда бы он ни оказывался в аэропорту, весь огромный, многоэтажный комплекс претендовал на то, чтобы быть площадкой для мирских удовольствий, галактикой потребительства, местом, где веры не существует. Каждый магазин, каждое табло для объявлений, каждый дюйм здания, включая заклепки и розетки в туалете, излучал предположение, что в Боге здесь не нуждаются. Толпы в очередях за бутербродами и безделушками, постоянный поток пассажиров, записываемый видеокамерами, являлись доказательством огромного разнообразия человеческих видов, за исключением того, что предполагалась полная идентичность безверия в каждом путешественнике, *дьюти-фри* во всех смыслах, никаких обязательств. Но все же эти орды охотников за дешевизной, летящие на медовый месяц или за загаром, модницы в погоне за обновками... мало кто мог догадаться, что многие из них тайком пробирались в эту комнатку и оставляли продиктованные сердцем послания Всемогущему и таким же верующим, как они.

Дорогой Бог, пожалуйста, замени все плохие части нашего мира – Джонатан.

Ребенок, предположил он.

Юко Ояма, Хиойо, Япония. Я молюсь за детей болящих и за мир на планете. И я молюсь чтобы, найти себе достойную пару.

Где же крест Христа, нашего воскресшего Господа? Проснитесь!

Шарлотта Хогг. Бирмингем. Пожалуйста, помолитесь, чтобы моя любимая дочь и внук смирились с моей болезнью. И помолитесь обо всех страждущих.

Мариян Тегелаарс, Лондон/Бельгия. За мою любимую подругу Г., чтобы она нашла мужество быть самой собой.

Джил, Англия. Пожалуйста, помолитесь за душу моей покойной матери, чтобы она покоилась в мире, и за мою семью, которая в разладе и где все ненавидят друг друга.

Аллах лучше всех! Бог рулит!

Следующая запись была густо зачеркнута. Непристойная, нетерпимая реакция на предыдущую запись мусульманина, скорее всего, и удаленная другим мусульманином или смотрителем комнаты для молитв.

Коралли Сайдботтом, Сло, Беркс. Спасибо, Господи, за великолепное творение.

Пат и Рэй, Мерчистон, Лэнгтон, Кент. Молимся за нашего дорогого сына Дейва, погибшего вчера в автокатастрофе. Навсегда в наших сердцах.

Торн, Фредерик, Ко, Армаг, Ирландия. Я молюсь за исцеление планеты и пробуждение ВСЕХ людей на ней.

Мать. Мое сердце разбито, ибо мой сын не разговаривает со мной семь лет, с тех пор как я снова вышла замуж. Пожалуйста, помолитесь за наше примирение.

Кошмарный запах дешевого освежителя воздуха могли бы найти чего получше.

Мойра Венгер, Южная Америка. Господь бдит.

Майкл Люпин, Хаммок-Коттеджес, Чизик. Какой угодно запах, только не антисептик.

Джеми Шапкотт, 27, Пинли-Грув, Йовил, Сомерсет. Пожалуйста, сделай так, чтобы мой самолет в Ньюкасл не разбился. Спасибо.

Виктория Самс, Тамворт, Стафф. Отличный декор, но свет все время гаснет.

Люси Лоссимаут. Пусть мой парень вернется.

Питер закрыл книгу. Руки дрожали. Он понимал, насколько велика вероятность, что он умрет в течение месяца, или если даже выживет, то никогда не вернется. Но это был его Геф-

симанский сад. Он закрыл глаза и взмолился Господу, дабы Он открыл ему, чего Он от него хочет, – может быть, Господь на самом деле желает, чтобы Питер схватил Беатрис за руку и побежал с ней к выходу и дальше на парковку, чтобы примчаться домой раньше, чем Джошуа заметит его отсутствие?

В качестве ответа Господь дал ему возможность прислушаться к лепету его внутреннего голоса, перекатывающегося эхом под сводом черепа. Потом, позади, он услышал звон рассыпавшейся мелочи, когда один из мусульман подпрыгнул, натягивая туфлю. Питер обернулся. Мусульманин вежливо кивнул ему, выходя из комнаты. Женщина за занавеской подкрашивала губы, поправляла ресницы мизинцем, убирала выбившиеся волосы под хиджаб. Стрелка на стене затрепетала, когда мусульманин широко распахнул дверь.

Руки Питера уже не дрожали. Будущее было ему обещано. Место это оказалось не Гефсиманским садом, и он не шел на Голгофу, ему предстояло великое приключение. Он был избран из тысяч, чтобы исполнить самую великую миссию со времен, когда апостолы рискнули завоевать Рим силой любви, и он постарается сделать все, что только сможет.

Беатрис не было там, где он ее оставил. На секунду он подумал, что она потеряла самообладание и покинула терминал, не попрощавшись. Питер почувствовал, как сердце горько сжалось. Но потом он заметил жену в передних рядах кресел ближе к киоску, где торговали кофе и сдобой. Би стояла на четвереньках, лица не было видно из-под волос. Перед ней в той же позе стоял ребенок, толстый малыш в трикотажных штанишках, которые топорщились над криво надетым подгузником.

– Смотри... у меня десять пальцев! – говорила она ребенку. – А у тебя десять пальцев?

Буруз вытянул ручки вперед, почти касаясь Би. Она пересчитала его пальчики, потом воскликнула:

– Сто! Нет, десять!

Ребенок рассмеялся. Девочка постарше стояла чуть позади и сосала палец. Она все время оглядывалась на мать, которая не обращала внимания ни на детей, ни на Беатрис, поглощенная прибором, который держала в руке.

– О, привет! – Би заметила Питера.

Она отбросила волосы с лица и заправила их за уши.

– Это Джейсон и Джемма. Они летят в Аликанте.

– Надеюсь, – откликнулась мать слабым голосом.

Приборчик издал тихий звук, анализируя уровень глюкозы в крови женщины.

– Эти люди здесь с двух часов, – объяснила Беатрис. – Они измотаны.

– Чтоб я еще раз когда-нибудь... – пробормотала женщина, раскапывая в сумке шприц с инсулином. – Клянусь, они берут у тебя деньги, а потом им по барабану.

– Джоанна, это мой муж Питер. Питер, это Джоанна.

Джоанна кивнула, приветствуя, но была слишком озабочена своими горестями, чтобы поддержать разговор.

– В рекламке это выглядит дешево, – горько пожаловалась она, – но скупой платит дважды.

– О, не так все плохо, Джоанна, – вступилась за авиакомпанию Беатрис. – Все будет прекрасно. Ничего ведь плохого не случилось. Подумайте, если бы самолет вылетал на восемь часов позже, вы бы делали то же самое – ждали бы, только дома.

– А эти двое спали бы в кроватях, – проворчала женщина, обнажив складку плоти на животе и вкалывая в нее иголку.

Джейсон и Джемма, искренне оскорбленные предположением, что они жертвы обычного недосыпа, а не жестокой несправедливости, уже еле сдерживались от того, чтобы закатить новую истерику. Беатрис опять стала на четвереньки.

– Я, наверно, потеряла ноги, – сказала она, близоруко вглядываясь в пол. – Куда они пропали?

– Да вот же! – закричал малыш Джейсон, когда она повернулась к нему спиной.

– Где? – закричала она, снова повернувшись к нему.

– Слава богу, – сказала Джоанна, – вот и Фредди с едой.

К ним, тяжело переваливаясь, приближался мужчина со скучным лицом без подбородка, в ветровке цвета овсяной каши, в руках он держал несколько бумажных пакетов.

– Самое крупное в мире обувало, – объявил он. – Они держат тебя в очереди с двумя жалкими купонами на два соверена или бог знает чего. Как в очереди по безработице. Я вам скажу, если через полчаса эта чертова шарашка не начнет...

– Фредди, – сказала Беатрис ясным голосом, – это мой муж, Питер.

Мужчина положил свертки и пожал Питеру руку:

– Ваша жена просто ангел, Пит. Она всегда заботится о беспризорниках?

– Мы... мы оба верим, что надо быть дружелюбными, – сказал Питер. – Это ничего не стоит, но делает жизнь интересней.

– Когда мы увидим море? – спросила Джемма и зевнула.

– Завтра, как только проснешься, – ответила мать.

– А эта добрая тетя будет там?

– Нет, она летит в Америку.

Беатрис жестом пригласила девочку сесть к ней на колени.

Малыш уже заснул, растянувшись на тканевом рюкзаке, набитом до отказа.

– Не совсем так, – сказала Беатрис. – Это мой муж летит, не я.

– А вы остаетесь с детьми, да?

– У нас нет детей, – ответила Беатрис. – Пока нет.

– Сделайте себе одолжение, – вздохнул мужчина. – И не заводите. Просто живите дальше.

– О, ну вы на самом деле так не думаете, – сказала Беатрис.

И Питер, заметив, что мужчина собирается надерзить, добавил:

– Ну конечно нет.

Так они и беседовали. Беатрис и Питер опять были на одной волне, слившись общностью цели. Как это бывало уже сотни раз. Ни к чему не обязывающие разговоры, но, когда подвернется подходящий момент, надо упомянуть Иисуса. Может, такой момент наступит, а может, и нет. Может, они просто скажут на прощанье: «Благослови вас Бог», и все. Не каждая встреча может что-то изменить. Большинство разговоров были просто дружелюбным обменом воздухом.

Умиротворенные этим обменом, два незнакомца расслабились, несмотря на проблемы, заботившие каждого. Уже через несколько минут они даже смеялись. Супруги были из Мертона, у них был диабет и депрессия соответственно, оба работали в большом магазине скобяных изделий, они сэкономили деньги на этот отпуск целый год. Оба не отличались умом и были не особенно интересны. Женщина непривлекательно пыхтела, а муж ее ужасно вонял мускусным одеколоном. Они были просто человеческие существа – драгоценные в глазах Господа.

– Вот-вот объявят посадку на мой рейс, – сказал Питер наконец.

Беатрис все еще сидела на полу, головка дочки незнакомцев лежала у нее на коленях. Глаза Беатрис казались глянцевыми от слез.

– Если я провожу тебя до контроля, – сказала она, – и не оторвусь от тебя до турникета, я не смогу с собой совладать, клянусь, и тогда будет скандал. Так что поцелуй меня на прощанье здесь.

Питер почувствовал, что сердце его раскололось на две половины. То, что в часовне казалось грандиозным приключением, теперь выглядело жертвой, принесшей страдания. Он уцепился за слова апостола: *Внушая сие братиям, будешь добрый слугитель Иисуса Христа,*

питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал¹. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало².

Питер нагнулся, и Беатрис быстро впилась в его губы грубым поцелуем, прижимая его голову рукой. Он выпрямился, ошеломленный. Всю эту сцену с чужаками она сама и спланировала, теперь он это понял.

– Я напишу, – пообещал он.

Она кивнула, и движение это выплеснуло слезы ей на щеки. Питер быстро пошел к выходу на посадку. Сорок минут спустя он был уже в небе.

¹ 1 Тим. 4: 6.

² 2 Тим. 4: 6.

2

Он никогда больше не увидит людей такими, как прежде

Водитель СШИК появился из магазина на заправке с бутылкой лимонада и неестественно желтым бананом без единого пятнышка. Ослепленный солнцем, он обвел взглядом стоянку, ища свой доверху заправленный лимузин и его драгоценный импортный груз. Грузом был Питер, который воспользовался остановкой, чтобы размять ноги и попытаться напоследок позвонить домой.

– Прощу прощения, – сказал Питер, – не могли бы вы помочь мне с этим телефоном?

Просьба, похоже, застала водителя врасплох, и он потряс руками, показывая, что они обе заняты. В темно-синем костюме, довершенном галстуком, этот человек явно был слишком тепло одет для жаркой Флориды и все еще не оправился от последствий позднего прибытия самолета. Казалось, будто он винит Питера лично в атмосферной турбулентности над Северной Атлантикой.

– А в чем, собственно, проблема? – спросил он, устраивая напиток и банан на сверкающей под солнцем крыше лимузина.

– Да, в общем-то, ни в чем, – ответил Питер, косясь на штуковину, которую он держал в ладони. – Я, видимо, не знаю, как им пользоваться.

И это была правда. Он вообще был не в ладах с техникой и пользовался телефоном только в крайних обстоятельствах, остальное время аппарат мирно спал в кармане, пока не устареет. Каждый год Беатрис сообщала Питеру его новый номер или свой, потому что очередной сервис-провайдер становился слишком проблемным или разорялся. Подобные конторы вообще в последнее время стали разоряться с пугающей частотой. Беатрис легко освоила модное приспособление, а Питер – нет. Он знал только, что ему трудно запоминать эти два номера каждый год, хотя он без малейшего труда запоминал длинные выдержки из Писания. А его сложности с техникой заключались в том, что если он нажимал на телефоне иконку, чтобы позвонить, и ничего не происходило – вот как сейчас, здесь, в слепящем чистилище Флориды, – то он не представлял, что же делать дальше.

Шоферу не терпелось отправиться в путь, предстояла еще долгая дорога. Откусив изрядный кусок банана, он завладел телефоном Питера и недоверчиво исследовал его.

– А его карта годится? – пробормотал он, жуя. – Чтобы звонить... э-э... в Англию?

– Думаю, что да, – ответил Питер. – Конечно.

Шофер с подчеркнутым безразличием отдал ему телефон:

– Как по мне – нормальный рабочий мобильник.

Питер укрывшись в тени железного козырька, нависающего над бензиновыми колонками, и попытался еще раз набрать правильную последовательность символов. В этот раз он был вознагражден отрывистой мелодией: международный код, а потом номер Би. Прижав прямоугольничек к уху, он глядел на незнакомую голубизну неба и точеные деревья, окружающие стоянку.

– Аллю?

– Это я, – сказал он.

– ...ло?

– Ты меня слышишь? – спросил он.

– ...слышу тебя... – отозвалась Би. Голос ее был окутан метелью помех.

Случайные слова, словно беспорядочные искры, выпрыгивали во все стороны из крошечного усилителя телефона.

– Я во Флориде, – сказал он.

– ...бокая... ночь, – ответила она.

– Извини... Я тебя разбудил?

– ...люблю тебя... как у тебя... знаешь?..

– В полном порядке, – сказал он; телефон скользил в потных руках. – Извини, что звоню сейчас, но, может, потом больше и не получится. Самолет опоздал, и мы спешим.

– и... о... в... я... парень что-нибудь знает?..

Он отошел от машины подальше, лишившись тени металлического навеса.

– Этот парень ничего не знает, – пробормотал Питер, веря, что его слова донесутся отчетливей, чем ее слова к нему. – Я даже не уверен, что он работает на СШИК.

– ...не... совался?

– Нет, еще не интересовался. Спрошу.

Он слегка робел. Уже минут двадцать или тридцать ехал в машине с шофером и не удосужился узнать, трудится тот на СШИК или просто нанят привезти его. Все, что он узнал до сих пор: маленькая девочка с фотографии на приборной панели – это шоферова дочка, сам шофер только что развелся с матерью девочки, а мать мамы девочки – адвокат и прикладывает все усилия, чтобы зять пожалел, что родился на свет.

– У меня сейчас... голова идет кругом. И в самолете не спал. Я напишу тебе, когда... ну, когда окажусь там. Времени будет много, я тебе обо всем расскажу. Как будто мы путешествуем вместе.

Потом зашуршали помехи, и он уже не был уверен, то ли она замолчала, то ли ее слова утонули в этом шуме. Он заговорил громче:

– Как там Джошуа?

– ...первые несколько... о... маю... рядом...

– Извини, прерывается. И этот парень просит меня заканчивать. Пора ехать. Я тебя люблю. Хотел бы... Я тебя люблю.

– ...я тебя...

И она пропала.

– Ваша жена? – спросил шофер, когда Питер снова сел в машину и они отъехали от стоянки.

«На самом деле нет, – хотелось сказать Питеру, – это не моя жена, а куча бессвязных шумов в железной коробке».

– Да, – сказал он.

Питеру было сложно объяснить постороннему свое упрямое предпочтение общаться лицом к лицу. Даже Беатрис иногда не могла этого понять.

– Вашего пацана зовут Джошуа?

По всему, водителя не касалось общепринятое табу на подслушивание.

– Джошуа – это наш кот, – сказал Питер, – у нас нет детей.

– Спасает от проблем, – сказал шофер.

– Вы второй человек за два дня, кто говорит мне об этом. Но уверен, что вашу дочь вы любите.

– А что мне остается!

Водитель помахал рукой в направлении ветрового стекла, указывая на весь мир опыта, предназначения или чего-то такого.

– Чем занимается ваша жена?

– Она медсестра.

– Отличная работа. В любом случае лучше, чем адвокат. Помогать людям, а не портить им жизнь.

– Ну, я надеюсь, что быть священником – то же самое.

– Уверен, – легко отозвался шофер, но в голосе его уверенности не было.

– А вы? – спросил Питер. – Работаете в СШИК или они вас разово наняли?

– Я на них уже девять лет работаю, – сказал шофер. – Вожу в основном всякие грузы. Иногда ученых. СШИК проводит много конференций. Ну и время от времени вожу астронавтов. Питер кивнул. И на секунду вообразил, как шофер встречает астронавта в аэропорту Орlando, представил увальня с квадратной челюстью в похожем на луковицу скафандре, неуклюже шагающего по залу прибытия навстречу шоферу, держащему в руках табличку. Потом его передернуло.

– Я никогда не думал о себе как об астронавте, – сказал он.

– Да, слово уже устарело, – согласился шофер. – Я использую его только из уважения к традиции, наверно. Мир меняется слишком быстро. Отвернешься на секунду от чего-то, что было вечно, – и от него уже одно воспоминание.

Питер выглянул в окно. Шоссе казалось точно таким же, как и в Англии, отличие было только в том, что по обочинам стояли гигантские металлические знаки, информирующие его, что такие замечательные достопримечательности, как река Эконлокатчи или местный заповедник имени Хэла Скотта находятся где-то рядом, скрываясь за лесополосой с буреломом. Стилизованные изображения на стендах призывали наслаждаться отдыхом на природе и верховой ездой.

– Что мне нравится в СШИК, – сказал шофер, – так это что они блюдут традиции. Или просто держат марку. Они купили мыс Канаверал, вы слышали? Все там скупили. Должно быть, он стоил им целого состояния, а ведь могли построить космодром где-нибудь еще, сейчас полно места, чтобы прибрать к рукам. Но они захотели именно мыс Канаверал. Это, я вам скажу, высокий класс.

Питер громко хмыкнул в знак согласия. Класс (или отсутствие такового) у мультинациональных корпораций – не тот предмет, насчет которого у него имелись какие-то убеждения. Все, что он знал о СШИК, – это что они владеют некогда заброшенными заводами в некогда захиревших городах в отделившихся частях бывшего Советского Союза. Он несколько сомневался, что слово «класс» годится для того, что там происходило. А что касается мыса Канаверал, то история покорения космоса никогда не представляла для него ни малейшего интереса, даже когда он был ребенком. Он даже не заметил, что НАСА больше нет. Для него это было незначительной крупинкой информации, которую Беатрис была обязана выкопать из газет прежде, чем те будут подстелены под мисочки Джошуа.

Он уже скучал по Джошуа. Беатрис часто уходила на работу чуть свет, когда Джошуа еще подремывал на кровати. Даже если он волновался и мяукал, она убегала, говоря: «Папочка тебя накормит». И правда, через час или два Питер уже сидел на кухне, перемешивая сладкие овсяные хлопья, пока Джошуа грыз свои пахучие хлопья на полу, сидя рядом. Потом Джошуа вспрыгивал на кухонный стол и лакал остатки молока из чашки Питера, что ему не разрешалось, когда мамочка была рядом.

– Подготовка, наверно, тяжелая? – спросил шофер.

Питер подумал, что от него ждут рассказов о тренировках в военных лагерях, олимпийских рекордах на выживание. Но ему нечего было рассказать.

– Ну да, были физические нагрузки, – признался он. – Но в основном просто... расспрашивали.

– Да ну? – удивился шофер.

Через несколько минут он включил радио. «...Продолжается в Пакистане, – вступил серьезный голос. – Антиправительственные силы...» Шофер переключился на музыкальную станцию. Из динамика донеслось винтажное воркование *A Flock of Seagulls*³.

Питер откинулся на сиденье и вспомнил некоторые вопросы собеседования. Интервью проходили в зале заседаний на десятом этаже шикарной лондонской гостиницы и длились

³ Популярная в первой половине 1980-х гг. синти-поп-группа из Ливерпуля.

часами. Одна американка присутствовала на них постоянно, элегантная, утонченно-анорексичная и осанистая, словно знаменитый хореограф или балерина на пенсии. Обладательница сияющих глаз и гнусавого голоса, она лелеяла в ладонях стеклянные кружки кофе без кофеина, пока была погружена в работу, а постоянно меняющаяся команда помогала ей вести допросы. Впрочем, «допросы», пожалуй, неверное слово, поскольку все «дознатели» были дружелюбны, и Питер испытывал странное ощущение, будто все желают ему удачи.

– Как долго вы можете продержаться без любимого мороженого?

– У меня нет любимого мороженого.

– Какой запах больше всего напоминает вам детство?

– Я не знаю. Может быть, запах крема.

– Любите крем?

– Ну да. Теперь я пробую его только на рождественском пудинге.

– Что вам приходит в голову, когда вы думаете о Рождестве?

– Рождественская месса, празднование рождения Христа во время зимнего солнцестояния в Риме. Иоанн Златоуст. Синкретизм. Санта-Клаус. Снег.

– А вы его празднуете?

– В нашей церкви это грандиозный праздник. Мы собираем подарки для бедных детей, готовим рождественский обед в нашем благотворительном центре... Множество людей чувствуют себя потерянными и подавленными в это время года. И надо помочь им преодолеть себя.

– Хорошо ли вам спится не в своей постели?

Он долго думал над этим вопросом. Вспомнил время, когда они с Би останавливались в дешевых гостиницах, участвуя в евангелистских собраниях по городам и весям. Вспомнил диваны друзей, превращавшиеся в своего рода матрасы. Или еще дальше, вглубь его памяти, когда приходилось решать, оставаться ли в пальто, чтобы меньше дрожать, или, скатав его валиком, использовать как подушку, чтобы не спать головой на голом бетоне.

– Я, вероятно... как все, – сказал он. – До тех пор пока это кровать и я в горизонтальном положении, думаю, что сплю нормально.

– Испытываете ли вы раздражение до первой чашки кофе по утрам?

– Я не пью кофе.

– Чай?

– Иногда.

– Вы когда-нибудь раздражаетесь?

– Меня не так легко вывести из равновесия.

Чистая правда – что доказывали эти же вот допросы. Он обожал споры и сейчас чувствовал, что его скорее испытывают, чем оценивают. Блицпрос был вдохновляющей переменой после церковных служб, где от него ожидали ораторства на час, пока остальные сидели тихо. Он хотел получить эту работу, очень хотел, но решение было в руках Божьих, и беспокойство помогло бы мало, как и нечестные ответы или попытка улестить вопрошающих. Он будет самым собой в надежде, что этого хватит.

– Как вы относитесь к ношению сандалий?

– Что, мне придется их носить?

– Может быть. – Это произнес человек в дорогих черных кожаных туфлях, таких сияющих, что в них отражалось лицо Питера.

– А как вы себя чувствуете, если у вас целый день нет доступа к социальным сетям?

– Я не пользуюсь социальными сетями. По крайней мере, я так думаю. И что это вообще такое, «социальные сети»?

– Ладно... – Каждый раз, когда вопрос повисал в воздухе, они меняли тему.

– Какого политика вы больше всего ненавидите?

- Я ни к кому не испытываю ненависти. И вообще не слежу за политикой.
- Представим, что сейчас девять часов вечера и нет электричества. Что вы будете делать?
- Попробую найти поломку, если смогу.
- Но как вы будете проводить время, если не сможете?
- Побеседую с женой, если она будет дома в это время.
- Как она отнесется к тому, если какое-то время вас не будет дома?
- Она независимая и самостоятельная женщина.
- Можете ли вы сказать, что вы сами – независимый и самостоятельный человек?
- Надеюсь.
- Когда вы напивались последний раз?
- Семь или восемь лет назад.
- Хотите ли вы выпить сейчас?
- Я бы выпил еще персикового сока.
- Со льдом?
- Да, спасибо.
- Представим вот что, – сказала женщина. – Вы приехали в другую страну, и ваши хозяева приглашают вас в ресторан. В ресторане легкая, непринужденная обстановка. И там есть просторный прозрачный загон, где милые беленькие утята резвятся вокруг утки-матери. Каждые несколько минут повар хватает одного утенка и бросает в чан с кипящим маслом. Когда утенок поджарен, его подают гостям, и все счастливы и расслаблены. Ваши друзья заказывают утят и предлагают вам попробовать, утверждая, что это потрясающе. Как вы поступите?
- А в меню есть еще что-нибудь?
- Конечно, много чего.
- Тогда я закажу что-нибудь еще.
- И вы будете сидеть там и есть?
- Зависит от того, что я вообще делаю в компании этих людей.
- Что, если они вас разочаруют?
- Я попробую повернуть разговор к тому, что меня разочаровало, и буду честен там, где, я полагаю, они не правы.
- А проблема с утятами вас не заботит?
- Люди едят всяких животных. Они убивают свиней, которые значительно разумней птиц.
- Значит, если животное глупо, то его можно убивать?
- Я не мясник. И не повар. Я избрал другое занятие в жизни. И если хотите, то это выбор, дающий возможность не убивать.
- А как же утята?
- В каком смысле?
- Вам не хотелось бы встать на их защиту? Например, могли бы вы подумать, что стоит разбить стеклянную перегородку и дать им возможность сбежать?
- Инстинктивно – может быть. Но скорее всего, лучше от этого утятам не стало бы. Если бы меня действительно терзало то, что я увидел в ресторане, возможно, я бы посвятил жизнь перевоспитанию людей в этом обществе, уча их убивать утят более гуманно. Но лучше я посвящу жизнь чему-нибудь, что может убедить людей гуманнее относиться друг к другу. Потому что люди страдают больше, чем утки.
- Вы бы так не думали, будь вы уткой.
- Будь я уткой, я бы вообще, наверно, никак не думал. Именно высшее сознание и есть причина всех наших горестей и страдания, не правда ли?
- А сверчка вы раздавите? – вмешался один из задающих вопросы.
- Нет.

– А таракана?
– Может быть.
– Тогда вы не буддист.
– Я никогда не утверждал, что я буддист.
– Вы не считаете, что всякая жизнь священна?
– Это красивая концепция, но каждый раз, когда я умываюсь, я убиваю микроскопические создания, которые надеялись жить на мне.

– Так где же проходит черта для вас? – присоединилась женщина. – Собаки, лошади. Что, если в ресторане начнут поджаривать котят?

– Позвольте и мне задать вопрос, – сказал он. – Вы отправляете меня туда, где люди делают ужасные вещи, жестокие по отношению к другим существам?

– Конечно нет.

– Тогда к чему все эти вопросы?

– Хорошо, тогда вот такой. Ваш корабль утонул, и вот вы застряли на плоту с крайне вспыльчивым человеком, который оказался гомосексуалистом...

И так продолжалось долго. День за днем. Би уже потеряла терпение и начала подумывать, не следует ли ему сказать СШИК, что его время слишком драгоценно и нечего тратить его попусту на эти шарady.

– Нет, я им нужен, – убедил он ее. – Я уверен.

И вот теперь получивший одобрение корпорации Питер вдыхал целительный воздух Флориды. Он повернулся к шоферу и задал вопрос, на который за все эти месяцы так и не получил прямого ответа.

– Что такое СШИК на самом деле?

Водитель пожал плечами:

– В наши дни чем больше компания, тем сложнее догадаться, чем она занимается. Было время, когда автомобильные компании производили автомобили, а компании по добыче угля копали шахты. Теперь иначе. Если вы спросите СШИК, на чем они специализируются, они скажут что-то этакое... Снабжение. Кадры. Внедрение крупномасштабных проектов.

Водитель втянул остаток сока через соломинку, раздался неприятный булькающий звук.

– Но деньги откуда берутся? – спросил Питер. – Ведь государство их не субсидирует.

Водитель нахмурился, отвлекаясь. Ему надо было удостовериться, что машина в правильном ряду.

– Инвестиции.

– Инвестиции во что?

– Да во многое.

Питер прикрыл глаза рукой, от солнечного блеска болела голова. Он вспомнил, что задавал этот вопрос своим дознавателям из СШИК на одном из первых собеседований, еще с участием Беатрис.

– Мы вкладываемся в *людей*, – ответила элегантная женщина, тряхнув искусно уложенной гривой и положив сухие тонкие руки на стол.

– Все корпорации говорят это, – заметила Беатрис (чуть резковато, подумал он).

– Что ж... Но так оно и есть, – вмешалась женщина постарше. Ее серые глаза смотрели искренне, в них светился ум. – Ничего нельзя достичь без людей. Личности, уникальные личности с очень специфическими навыками. – Она повернулась к Питеру. – Вот почему мы беседуем с вами.

Питер улыбнулся хитроумности фразы, которая могла бы восприниматься как лесть – мол, они обратились к нему потому, что он один из этих особенных людей, – или же была преамбулой к отказу – у них высокие мерки и он недотягивает до этих высот. Но в одном он

был уверен: все намеки, его и Би, что они прекрасно будут работать в команде, если их послать вместе, рассыпались, как крошки печенья, и исчезли в ковре.

– Один из нас должен остаться и присматривать за Джошуа, так или иначе, – сказала Би, когда они после обсуждали все это. – Было бы жестоко оставить его надолго. И потом, церковь. И дом, и выплаты. Я должна продолжать работать. – (Соображения звучали разумно – только вот предоплата от СШИК, даже малая часть всей суммы, покрывает огромное количество кошачьего корма, счетов за отопление и соседских визитов.) – Просто было бы приятно, если б и меня пригласили.

Да, это было бы приятно. Но они же не слепые – Питеру очень повезло. Его выбрали, отсеяв многих.

– Итак, – спросил он водителя, – как вы попали в СШИК?

– Банк забрал наш дом.

– Сочувствую.

– Банк забрал почти все эти чертовы дома в Гэри. Завладел ими, но не мог продать и дал им развалиться и сгнить. Но СШИК предложил нам сделку. Они взяли на себя наши долги, позволили нам сохранить дом, а взамен мы должны были работать, ну как, за мелочовку. Кое-кто из моих старых приятелей назвал это рабством. Я называю это... гуманитарной помощью. И эти мои давние приятели теперь прозябают в вагончиках. А я вот здесь и веду лимузин.

Питер кивнул. Он уже забыл название места, где жил водитель, и имел смутное представление о состоянии американской экономики, но очень хорошо понимал, что значит, когда тебе бросают спасательный круг.

Лимузин тихо перестроился в правую полосу, и его накрыла прохладная тень сосен на обочине. Деревянный дорожный знак, какие обычно указывают на места отдыха, придорожные закусочные и бревенчатые домики для отпускников, объявил скорый поворот к СШИК.

– Поезжайте в любой загибающийся город в стране, – продолжал водитель, – и обнаружите толпы людей в той же лодке. Они могут сказать вам, что работают на ту или иную компанию, но копнешь чуть глубже – и найдешь СШИК.

– Я даже не знаю, как это расшифровывается, – сказал Питер.

– И я без понятия! – ответил водитель. – Сейчас появляется много компаний под ничего не значащими названиями. Все что-то значащие названия уже разобрали. Это имеет отношение к торговой марке.

– Я полагаю, что «СШ» означает Соединенные Штаты?

– Наверно. Хотя это интернациональная компания. Кто-то говорил мне, что они начинали в Африке. Знаю одно – работать на них выгодно. Они никогда меня не подставляли. Вы в хороших руках.

В руки Твои предаю дух Мой, сразу подумал Питер, Лука, глава двадцать третья, сорок шестой стих, во исполнение пророчества пятого стиха тридцать первого псалма. Только на этот раз неясно было, в чьи руки он вот-вот предается.

– Вы почувствуете укол, – сказала черная женщина в белом лабораторном халате, – будет неприятно, покажется, будто в вены закачали пинту йогурта.

– Ух ты, уже не терпится!

Он с трудом примостил голову в пенопластовую впадину, расположенную в гробовидной колыбели, и старался не смотреть на острие, приближающееся к его руке, перехваченной жгутом.

– Не хотелось бы, чтобы вы думали, будто мы делаем что-то не то.

– Если я умру, пожалуйста, передайте моей...

– Вы не умрете. Не с этой штуковиной внутри. Просто расслабьтесь и подумайте о чем-нибудь приятном.

Игла проникла в вену. Раствор потек, прозрачная жидкость вошла внутрь. Питер подумал, что его сейчас вырвет, что он просто лопнет от омерзения. Почему ему не дали снотворное или что-нибудь вроде? Он подумал о своих трех попутчиках – интересно, а они храбрее, чем он? Они лежали в таких же колыбелях где-то в этом же здании, но он не мог их видеть. Он встретится с ними через месяц, когда проснется.

Женщина, которая делала инъекцию, спокойно стояла рядом. Без предупреждения – да и какое могло быть предупреждение? – ее напояженный рот начал сдвигаться с лица, губы поплыли по щекам, как маленькое красное каноэ. Рот не останавливался, пока не достиг лба, где и примостился между бровей. Потом ее глаза вместе с веками и ресницами двинулись вниз к челюсти, по мере продвижения моргая, как и положено глазам.

– Не сопротивляйтесь, просто отдайтесь сну, – посоветовал рот на лбу. – Это временно.

Он боялся говорить. Это ведь не галлюцинация. Это то, что случается с вселенной, когда вы не можете удержать ее. Атомы в скоплениях, лучи света собирались в эфемерные образования перед тем, как двинуться дальше. И пока Питер растворялся во мраке, его снова охватил самый большой его страх – что он никогда больше не увидит людей такими, как прежде.

3

Большое приключение, конечно, могло бы и подождать

– Чувак, чувак, чувачо-ок, – прогудел жалобный голос из бесформенной пустоты. – Эх, херово-то как, ну и говенная же херня!

– Полегче на поворотах, Би-Джи. Тут среди нас духовная особа.

– Не, ну а не ёперный стос? Выйми меня по-быстрому из этого гроба, чувак!

– И меня, сперва меня, – попросил третий голос.

– Вы об этом пожалеете, ребятаки, – снисходительно пропел второй, – ну да ладно.

Послышались возня, хрюканье, кряхтенье и глубокие вздохи, сопутствующие тяжкому физическому труду.

Питер открыл глаза, но подкатившая дурнота не позволила повернуть голову в ту сторону, откуда раздавались голоса. Потолок и стены, казалось, бились в судорогах, лампочки прыгали и вертелись, словно йо-йо на резинке. Будто бы прочный каркас комнаты стал вдруг гуттаперчевым – стены накатывали волнами, потолок мотался из стороны в сторону. Он снова закрыл глаза, прогоняя бред, но стало еще хуже: судороги продолжились внутри черепной коробки, глазные яблоки вздулись, словно воздушные шары, и казалось, что подкожное содержимое лица того и гляди брызнет струями через ноздри. Он представил себе, как мозг его разжижается или, наоборот, выхолащивается какой-то омерзительной едкой щелочью.

Где-то рядом в каюте по-прежнему раздавались кряхтенье и возня, сопровождаемая дурацким смехом.

– А знаете, это весьма занимательно, – заметил насмешливо совершенно трезвый голос, перекрывший два других, – наблюдать, как вы тут копошитесь на полу, будто два жука под мухой.

– Эй, так нечестно! Гадская система должна была устроить нам побудку одновременно, тогда бы мы поглядели, кто тут под какой мухой.

– Ну... – Это снова начальственный голос. – Кто-то же должен быть первым, я полагаю. Сварить кофе, проверить, все ли работает.

– Так, иди себе, Тушка, и проверяй, пока мы с Би-Джи раздуплимся тут в свою, вторую очередь.

– Ну, экипируйтесь.

Шаги. Звук открывающейся двери.

– Думаете, уединились? И не мечтайте, ребятаки. Камеры прекрасно показывают, как вы тут вошкаетесь. Улыбочка!

Щелчок – дверь закрылась.

– Думает, у него солнце из задницы сияет, – пробурчал голос с пола.

– То-то ты к ней всё прикладываешься, чувачок.

Питер лежал неподвижно, собираясь с силами. Интуитивно он понял, что тело само вернется к норме в положенный ему срок, а потому, если ты не любитель экстрима, не стоит форсировать события и пытаться заставить его функционировать слишком рано.

Двое на полу продолжали кряхтеть и хихикать, тяжело сбрасывая с себя медикаментозный угар, позволивший им пережить Скачок.

– Ты первый встанешь или я?

– Да я уже, братан... во, видал?

– Хренушки, чувачок. Ты не стоишь, ты раскорячился. Отпусти-ка скамейку.

Стук падающего на пол тела, снова хохот.

– Как будто, братан, у тебя лучше выйдет...

– Да легко.

Судя по звуку, еще одно тело валится на пол. Заторможенный истерический смех.

– Забыл, какая это дрянь, чувак.

– И полудюжиной банок кока-колы не поправишься.

– Не прет, чувак, коксу нюхнуть – и как огурчик.

– Раз тебе после всего еще наркоты хочется, значит ты еще тупее, чем я думал.

– Просто я крепче, братан, крепче – и все!

И так далее. Эти двое продолжали пикироваться и куражились, выигрывая время, пока не сподобились встать на ноги. Отдуваясь и кряхтя, они покопались в пластиковых мешках, подтрунивая над тем, кто какую выбрал одежду, обулись и опробовали способность к прямохождению, прогуливаясь по комнате. Питер лежал в своих яслях, дожидаясь, пока комната не перестанет двигаться. Наконец потолок успокоился и замер.

– Эй, братан...

Широкая физиономия выплыла из ниоткуда и нависла над ним. Секунду или две Питер не мог признать в ней человеческое лицо: казалось, голова прикреплена к шее макушкой вниз, брови кустятся на подбородке, а сверху торчит борода. Но нет – это был человек, конечно, это был человек, просто очень непохожий на него самого. Темно-коричневая кожа, бесформенный нос, маленькие уши, прекрасные карие глаза с красноватыми белками. Жилы на шее могли бы поднять и опустить лифт в шахте двадцатиэтажного здания. А что это за бровеобразные штуковины на подбородке? Борода! Не широкая и окладистая, а из тех затейливых бород, какие может сотворить модный парикмахер. Много лет назад она, должно быть, смотрелась как четкая линия, прочерченная толстым черным фломастером, но теперь мужчина достиг уже средних лет, и борода стала клочковатой, в ней проблескивала седина. Неумолимая лысина оставила на голове всего несколько курчавых ручейков.

– Рад встрече, – прокаркал Питер. – Я Питер.

– Би-Джи, братан, – ответил чернокожий, протягивая руку. – Хошь, я тебя выну отсюда?

– Я... наверное, лучше я еще немного полежу.

– Не залеживайся, братан, – сказал Би-Джи, лучезарно ослабившись. – А то некоторые напружат в штаны, а корабль-то маленький.

Питер улыбнулся, не зная, то ли Би-Джи предупреждал о том, что может случиться, то ли констатировал, что это уже произошло. Вискозная пелена, обвившая его в капсуле, казалась влажной, но она казалась влажной уже тогда, когда женщина в лабораторном халате только обернула его Питера.

Другое лицо появилось в его поле зрения. Загорелый белый мужчина лет этак под пятьдесят, с редющим, по-военному бритым седым ежиком на голове. Глаза у него тоже были с красными прожилками, как и у Би-Джи, только голубые, – в них отражалось и горькое детство, и грязный развод, и неприятные пертурбации на работе.

– Северин, – представился он.

– Простите?

– Арти Северин. Нам надо вас отсюда вытащить, приятель. Чем раньше начнете пить воду, тем скорее почувствуете себя человеком.

Би-Джи и Северин вынули его из капсулы так, словно извлекли из упаковки какое-то новое, только что купленное оборудование, – не то чтобы нежно, но с подобающей осторожностью, как бы чего не повредить. Питеровы ноги едва касались пола, когда они вывели его из комнаты в узкий коридор, а потом в ванную. Там они содрали с него тонкую набедренную повязку, которая была на нем весь последний месяц, облили его синеватой пеной от шеи до лодыжек и обтерли бумажными полотенцами. Под конец процедуры большой пластиковый мешок для мусора до половины заполнился голубовато-коричневыми бумажками.

– Здесь есть душ? – спросил Питер, когда они закончили; он все еще чувствовал липкость. – Я имею в виду – с водой.

– Вода на вес золота, братан, – ответил Би-Джи, – каждая капля попадает вот сюда. – Он щелкнул себя по глотке. – Там-то, снаружи, ничего хорошего нет. – Он кивнул в сторону стены, внешней оболочки корабля, отделяющей их от бескрайней безвоздушной пустоты, в которой они сейчас зависли.

– Простите мне мою наивность.

– Наивняк – не беда, – сказал Би-Джи. – Знание – дело наживное. Это у меня уже второй трип, а по первости я тоже ни фига не знал.

– Как попадем на Оазис – воды у вас будет хоть отбавляй, – сказал Северин, – а вот прямо сейчас вам надо бы попить.

Питеру вручили бутылку с выдвижным носиком. Он сделал большой глоток, а через десять секунд потерял сознание.

Питер оправился от Скачка не так скоро, как ему хотелось бы. Он предпочел бы на удивление остальным распрямиться, точно боксер, которого на миг лишили равновесия. Но остальные быстренько стряхнули с себя последствия Скачка и были заняты каждый своим делом, а он беспомощно валялся в койке, изредка умудряясь хлебнуть воды. Перед стартом Питера предупреждали, что он будет чувствовать себя так, словно его разобрали на части, а потом собрали снова, – это, разумеется, не самое научное объяснение сути Скачка, но именно такие ощущения он сейчас испытывал.

Так прошел вечер... впрочем, нет, это выражение не имеет никакого смысла, не так ли? Какой может быть вечер, какая ночь, какое утро? В затемненной комнате, куда Би-Джи с Северином сгрузили Питера после помывки, он время от времени выбирался из дремотной одури и смотрел на часы. Цифры были только символами. Отсчет реального времени возобновится лишь тогда, когда его ноги ступят на твердую почву, над которой восходит и садится солнце.

Как только они прилетят на Оазис, у него появится средство, чтобы отправить сообщение Беатрис. «Я буду писать тебе каждый день, – обещал он, – каждый божий день!» Он попытался представить, что она может делать вот прямо сейчас, как она одета, сколола ли волосы, а может, распустила и они струятся по плечам. Так вот для чего ему часы! – догадался Питер, они ничего не могут сказать полезного в его собственной ситуации, но благодаря им он может вообразить, что Беатрис существует в одной с ним реальности.

Он снова взглянул на циферблат. В Англии сейчас два часа сорок три минуты ночи. Беатрис, наверное, спит с Джошуа, который, воспользовавшись случаем, растянулся на его половине кровати, развалившись кверху пузом. Джошуа кверху пузом, не Беатрис, конечно. Она-то спит на своей, левой половине кровати, свесив одну руку, а другую закинув за голову, локоть касается уха, а пальцы так близко к его подушке, что он мог бы поцеловать их, не поднимая головы. Но не теперь, конечно.

А может быть, Беатрис не спит. Может быть, она волнуется за него. Вот уже месяц между ними нет никакой связи, а они привыкли общаться каждый день.

– А если мой муж погибнет в пути? – спросила она людей из СШИК.

– Он не погибнет в пути.

– Но если все-таки?

– Мы немедленно сообщим вам об этом. Словом, «отсутствие новостей – хорошая новость».

Стало быть, для нее это хорошая новость. Но все же... Би прожила эти тридцать дней, полностью осознавая его отсутствие, а он пребывал в забытии и даже не помнил о ней.

Питер представил себе спальню, приглушенный свет лампы у кровати, представил бледно-голубой сестринский халат на спинке стула, разбросанные по полу туфли, желтое одеяло, усыпанное шерстью Джошуа. Представил, как Беатрис сидит спиной к изголовью с голыми ногами, но в кофте и как она читает и перечитывает пачки абсолютно неинформативных информационных листков СШИК:

«СШИК не может гарантировать и не гарантирует безопасность путешествующим или проживающим на созданных ею объектах или использующим ее оборудование для деятельности, связанной или не связанной с деятельностью СШИК. Понятие „безопасность“ подразумевает здоровье, как физическое, так и умственное, и включает в себя, не ограничиваясь только этим, выживание и/или возвращение с Оазиса как в течение периода, оговоренного в соглашении, так и в сроки, превышающие оговоренный период. СШИК берет на себя обязательство минимизировать риск для всех участников проектов, но подписание данного документа означает подтверждение понимания, что усилия СШИК в этом направлении (т. е. снижение риска) связаны с обстоятельствами, не контролируемыми СШИК. Данные обстоятельства, будучи непредсказуемыми и беспрецедентными, не могут быть детально оговорены заранее. Они могут включать болезни, аварии, механические повреждения, погодные аномалии или любые другие обстоятельства непреодолимой силы».

Дверь dormitorio распахнулась, на фоне проема вырос могучий силуэт Би-Джи.

– Эй, братан!

– Привет.

Питер по опыту знал, что лучше говорить своим языком, чем копировать чужие идиомы и произношение. Растаманы и пакистанские кокни пришли в лоно Христа не оттого, что евангелисты кривлялись в попытках разговаривать как они, так что нет резона считать, будто черное афроамериканцы – исключение.

– Если хошь покушать с нами, то лучше бы тебе вылезти из постели, братан.

– Звучит заманчиво, – сказал Питер, спуская ноги с кровати. – Пожалуй, я – за!

Би-Джи растопырил ручки, готовый подсобить.

– Лапша, – сказал он. – Мясная лапша.

– Замечательно.

Все еще босой, в одних подштанниках и расхристанной сорочке, Питер, покачиваясь, вышел из комнаты. Казалось, ему снова шесть и его, одурманенного микстурой с парацетамолом, мама извлекла из постели, чтобы он отпраздновал день своего рождения. Даже мысль о подарках, которые ждут, чтобы он их открыл, не стала достаточным стимулом, способным развеять последствия ветрянки.

Би-Джи проводил его в коридор, стены которого были от пола до потолка оклеены цветными фотографиями сочных зеленых лугов, наподобие тех огромных наклеек, какие он привык видеть на боках автобусов. Видимо, некий шибко мудрый дизайнер решил, что зрелище травы, весенних цветов и лазурных небес – самое то для борьбы с клаустрофобией в безвоздушном пространстве.

– Ты ж не вегетарианец, а, браток?

– Угу... нет, – ответил Питер.

– Ну а я – да, – сообщил Би-Джи, руля Питером, чтобы тот повернул за угол, где зеленые, слегка размытые пейзажи снова повторились. – Но тебе стоит усвоить одну вещь: в таком путешествии, как наше, чувак, иногда не мешает поступиться принципами.

Стол был накрыт в аппаратной – то есть в помещении, заполненном оборудованием для пилотирования и навигации. Вопреки ожиданиям внутри Питер не увидел ничего такого, чтобы, как говорится, дух захватило. Не было здесь гигантского иллюминатора с видом на бескрайний открытый космос, полный звезд и туманностей, да и вообще никакого иллюминатора, не за что было и взгляду уцепиться – только металлопластиковые стены с вентиляционными решетками, выключателями, регуляторами влажности да парочкой ламинированных плакатов. Питер уже видел эти изображения раньше, в буклетах СШИК, когда только подавал заявку на эту вакансию. Это были серийные фирменные постеры, изображавшие стилизованный космический корабль со стилизованной птицей, державшей в клюве стилизованную

веточку; в небольшом сопроводительном тексте под ним расхваливались высочайшие деловые стандарты СШИК и неограниченный потенциал, работающий на благо всего человечества.

Пульт управления тоже оказался менее впечатляющим, чем навоображал себе Питер: ни тебе громадных штурвалов, ни приборных панелей, ни россыпи мигающих лампочек – лишь несколько компактных клавиатур, тончайших мониторов и один автономный компьютерный шкаф, похожий на банкомат или автомат по продаже закусок. Честно говоря, аппаратная напоминала не капитанский мостик, а скорее офис, причем довольно убогий. Ничто здесь не указывало, что они на самом деле плывут просторами чужой солнечной системы за триллионы миль от дома.

Пилот Тушка развернул вращающееся кресло от мониторов и устался на маленькую пластиковую лохань, поднеся ее к самому лицу. Пар скрывал его черты. Тушка сидел, вольготно скрестив голые волосатые ноги. На нем были широченные шорты и теннисные туфли на босу ногу.

– Добро пожаловать снова в мир живых, – сказал он, водрузив лоханку на свой объемистый живот. – Хорошо ли вам спалось?

– Не знаю, был ли это на самом деле сон, – ответил Питер. – Скорее просто ожидание, пока снова не почувствуешь себя человеком.

– Требуется времени, – согласился Тушка и снова поднял к лицу лоханку с лапшой.

У него была борода мышастой расцветки, и он, безусловно, был большим докой по части транспортировки жидкой пищи сквозь густые заросли на лице. Он намотал немного лапши на вилку и сомкнул вокруг нее свои четко очерченные красные губы.

– Вот ваше, Пит, – сказал Северин, – я уже снял фольгу.

– Премного благодарен, – сказал Питер, присаживаясь к черному пластиковому столу, за которым Би-Джи и Северин орудовали пластиковыми вилками в своих лоханках.

Наготове стояли три неоткупоренные банки кока-колы. Питер закрыл глаза и прочел безмолвную благодарственную молитву за пищу, которую собирался вкушать.

– Ты христианин, верно? – спросил Би-Джи.

– Верно, – согласился Питер.

Лапша с мясным рагу была неравномерно разогрета в микроволновке – часть блюда обжигала, а часть все еще хрустела, подернутая ледком. Питер перемешал лапшу, чтобы достичь теплого компромисса.

– Я принадлежал к «Нации ислама», давным-давно, – сказал Би-Джи. – Помогло пережить тяжкие для меня времена. Но правила, чувак, уж больно затейливые: того не делай, сего не моги! – Би-Джи открыл свою внушительную пасть и, будто в топку, забросил туда лапшу, прожевал в три приема и проглотил. – А еще я должен был ненавидеть евреев и белых. Говорят, это не обязательное правило и прочая лабуда. Но ты все равно понимаешь. – Очередная порция лапши отправляется в рот. – Нет уж, я лучше буду сам решать, кого мне ненавидеть, понимаешь, о чем я? Если на меня наезжает кто, то я его буду ненавидеть, чувак, будь он хоть белый, хоть черный, хоть аквамариновый, мне без разницы.

– Предполагаю, из этого также следует, – сказал Питер, – что вы сами решаете, кого вам любить.

– Чертовски верно. Беленькая киска, черненькая – все хороши.

Тушка фыркнул:

– Уверен, ты произвел прекрасное впечатление на нашего священника.

Он уже закончил трапезу и обтирал лицо и бороду салфеткой.

– Меня не так уж легко смутить, – сказал Питер. – Во всяком случае, не речами. На земле существует много разных способов изъясняться.

– Только мы сейчас не на Земле, – произнес Северин со скорбной миной.

Он с треском открыл банку кока-колы, и ледяная коричневая струя брызнула к потолку.

– И-и-и-*cuse*! – воскликнул Тушка, чуть не упав со стула.

Би-Джи только крикнул.

– Я все уберу, все вытру, – засуетился Северин, вытянув из дозатора охапку бумажных полотенец.

Питер помог ему вытереть липкие лужи со стола.

– Вот вечно у меня так, – бормотал Северин, промокая себе грудь, лоб, стулья, ледник, из которого вынули злосчастную колу.

Он согнулся в три погибели и вытер пол – коврик, по счастью, изначально был коричневого цвета.

– Сколько раз вы вот так путешествовали? – спросил Питер.

– Трижды. Каждый раз я клялся, что больше туда ни ногой.

– Почему?

– Оазис сводит людей с ума.

Би-Джи хрюкнул:

– Да ты и так полоумный, братан.

– Мистер Северин и мистер Грэм оба весьма неуравновешенные индивидуумы, Пит, – торжественно и чинно произнес Тушка. – Я знаю их много лет. Оазис – наиболее подходящее место для парней вроде них. Зато по улицам не слоняются. – Он бросил пустой контейнер из-под лапши в мусорку. – А еще они потрясающие мастера своего дела. Лучшие. Потому-то СШИК и продолжает тратиться на них.

– А как насчет тебя, брат? – спросил Би-Джи у Питера. – Ты тоже лучший?

– Лучший в каком смысле?

– Лучший проповедник.

– Честно говоря, никогда не считал себя проповедником.

– А кем ты себя считаешь, братан?

Питер трудно сглотнул, в ступоре. Его мозг все еще не оправился от воздействия той же самой жестокой силы, которая встрясла жестянки с колой. Как жаль, что рядом не было Беатрис, уж она бы парировала любые вопросы, разбавив эту сугубо мужскую атмосферу, повернула бы разговор в более плодотворное русло.

– Я просто тот, кто любит людей и хочет им помочь, какими бы на вид они ни были.

Широкое лицо Би-Джи снова расплылось в ухмылке, словно он вот-вот отпустит очередную шпильку. Потом он внезапно посерьезнел:

– Ты правда так думаешь? Без балды?

Питер взглянул ему прямо в глаза:

– Без балды.

Би-Джи кивнул. Питер почувствовал, что в глазах этого великана он прошел некое испытание. Его перевели в другую категорию. Он еще не совсем один из них, но перестал быть неведомой зверюшкой, потенциальным источником раздражения.

– Эй, Северин! – позвал Би-Джи. – Я никогда тебя не спрашивал, а ты-то какой веры, чувачок?

– Я-то? Никакой. Абсолютно никакой, – ответил Северин. – Всегда был и всегда буду.

Северин уже кончил подтирать кока-колу и теперь возил бумажным полотенцем по вымазаным синим детергентом пальцам.

– Пальцы все еще липкие, – посетовал он. – Я точно чокнусь, покуда доберусь до мыла и воды.

В компьютерном кабинете что-то тихо запищало.

– Похоже, что твои молитвы услышаны, Северин, – заметил Тушка, внимательно глядя в один из мониторов. – Система только что определила, где мы находимся.

Пока Тушка просматривал сообщение, остальные молчали, как будто давая ему возможность проверить почту или сделать заявку на интернет-аукционе. На самом же деле он выяснял, суждено им жить или погибнуть. Корабль все еще не перешел в пилотируемую фазу полета. Он лишь катапультировался сквозь время и пространство – произвел опровергающий привычные законы физики Скачок. А теперь они бесцельно кувыркались где-то приблизительно в заданном районе космоса: корабль, по форме напоминающий распухший бурдюк, – огромное чрево для горючего, крохотная голова, а внутри головы – четверо, дышащие скудным количеством азота, кислорода и аргона. Они дышали быстрее, чем было необходимо. В отфильтрованном воздухе висел невысказанный страх: а вдруг Скачок забросил их слишком далеко и им просто не хватит топлива для финальной части полета? Погрешность, которая в начале Скачка была неизмеримо мала, могла достигнуть фатальных величин в его конце.

Тушка углубился в цифры, стучал по клавишам проворными короткими пальцами, изучал геометрические линии, складывающиеся в карту того, что невозможно нанести на карту.

– Хорошие новости, народ, – сказал он наконец. – Похоже, что навык мастера ставит.

– В смысле? – спросил Северин.

– В том смысле, что мы должны молиться за здоровье главных технарей из Флориды.

– А что это значит для нас, здесь?

– Это значит, что когда мы разделим запасы топлива на расстояние, которое нам нужно пролететь, сока у нас будет столько, что сможем им хоть упиться, как пивом на студенческой вечеринке.

– Это значит сколько дней, Тушка?

– Дней? – Тушка сделал паузу для пущего эффекта. – Двадцать восемь часов максимум!

Би-Джи вскочил на ноги и выбросил в воздух кулак с криком: «Э-ге-гей!»

С этой минуты на мостике воцарилась победно-праздничная и слегка истерическая атмосфера. Би-Джи сновал туда-сюда, то и дело триумфально вскидывая руки. Северин ослабился, обнажая бесцветные от никотина зубы, и барабанил на коленках одному ему слышную мелодию. Чтобы воспроизвести звон воображаемых тарелок, он периодически резко взмахивал кистью в воздухе и довольно морщился, будто и в самом деле оглушенный ликующими звуками. Тушка удалился, чтобы переодеться, – может, из-за жирного пятна, которое он посадил на свитер, а может, потому, что его неминуемое вступление в обязанности пилота требовало такого церемониального жеста. Принарядившись в свежую до хруста белую сорочку и серые брюки, он уселся за пультом против клавиатуры, на которой предстояло ввести траекторию их пути к Оазису.

– Просто сделай это, Тушка, – тебе что, духовой оркестр подать? Или толпу чирлидерш?

Тушка послал воздушный поцелуй, а затем решительно нажал клавишу.

– Уважаемые джентльмены и корабельные шлюхи! – объявил он с насмешливой торжественностью. – Приветствуем вас на борту космического челнока СШИК, следующего на Оазис.

Даже если вы опытный участник полета, пожалуйста, обратите ваше пристальное внимание на табло безопасности. Привязные ремни застегиваются и отстегиваются, как показано на табло. На вашем кресле нет ремней безопасности? Что ж, летите так.

Он прихлопнул другую кнопку. Пол под ногами завибрировал.

– В случае падения давления в кабину будет подаваться кислород. Прямоком пилоту в рот. Прочие должны просто задержать дыхание и сидеть смирно. – (Дружное ржание Би-Джи и Северина.) – В случае столкновения габаритный свет укажет вам выход, где вас мгновенно засосет прямо в жерло смерти. Пожалуйста, имейте в виду, что ближайшая пригодная для жизни планета находится в трех миллиардах миль.

Он ткнул еще одну кнопку. Диаграмма на экране компьютера стала волнообразно вздыматься и опадать.

– Данный аппарат оснащен одним спасательным плотом. Один передний и ни одного центрального и хвостового. Места в нем как раз для пилота и пяти горячих телочек. – (Гогот Би-Джи, подхрюкивание Северина.) – Сбросьте шпильки, девчонки, прежде чем ступить на борт надувного спасательного плота. И вообще – снимите все! К чертовой матери! Подуете в мою трубу, если плот не развернется. Ваше внимание привлечет яркий свет и свист, но не беспокойтесь. Я каждой займусь по очереди. Прошу всех свериться с инструкцией, которая показывает, какую позу вы должны принять, услышав команду: «Подсос!» Рекомендуем вам все время держать голову как можно ниже.

Он снова стукнул по клавише и воздел в воздух кулак:

– Мы высоко ценим то, что нынче у вас отсутствует выбор авиалиний, поэтому спасибо, что выбрали СШИК.

Северин и Би-Джи разразились аплодисментами и улюлюканьем.

Питер тоже смущенно соединил ладони, но сделал это совершенно беззвучно. Он надеялся, что сможет остаться ненавязчивым участником, частью целого, но не объектом для наблюдения.

Он знал, что это не очень впечатляющее начало для миссии по завоеванию сердец и душ населения целой планеты. Но он надеялся на прощение. Он был так далеко от дома, голова гудела от боли, мясная лапша камнем лежала на дне желудка, его не оставляла галлюцинация, что его расчленили, а потом собрали заново, слегка перепутав части местами, и все, чего ему хотелось, – это свернуться калачиком на кровати рядом с Беатрис и Джошуа и уснуть. Большое приключение, конечно, могло бы и подождать.

4

«Всем привет», – сказал он

Дорогая Би,

наконец появилась возможность общаться с тобой нормально! Не назвать ли мое первое письмо «Первым посланием к джошуанам»? О, я знаю, что мы оба не слишком доверяем св. Павлу и его позиции по разным вопросам, но парень знал, как писать убедительные письма, и мне теперь понадобится все вдохновение, особенно в моем нынешнем состоянии (в полубреду от усталости). Так что пока мне не пришло в голову ничего восхитительно-оригинального – «Да снизойдет на тебя благодать и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа». Я сомневаюсь, что Павел имел в виду какую-нибудь женщину, когда написал это приветствие, учитывая его проблемы со слабым полом, но если бы он знал ТЕБЯ, то написал бы это именно тебе.

Хотелось бы ввести тебя в курс дела, но пока еще нечего рассказать. На корабле нет окон. Снаружи миллионы звезд и, возможно, другие невообразимые пейзажи, но все, что я вижу, – это стены, потолок и пол. И хорошо еще, что я не страдаю клаустрофобией.

Я пишу тебе карандашом на бумаге (у меня куча ручек, но, похоже, они взорвались во время Скачка – вся сумка залита чернилами изнутри. Ничего удивительного, что они не выжили в этом путешествии, учитывая, что творится у меня в голове!...) Так или иначе, когда мудреная технология дает сбой, примитивная технология спасает. Вернемся к заостренной палочке с осколком графита внутри и листу из прессованной целлюлозы...

Спрашиваешь, не сошел ли я с ума? Нет, не волнуйся (пока еще нет). Мне не мерещится, будто я могу положить это письмо в конверт и наклеить марку. Я еще в пути – осталось часов двадцать пять до конца путешествия. Как только окажусь на Оазисе и устроюсь, я пере-наберу эти записи уже на компьютере. Кто-нибудь подсоединит меня к Сети, и я смогу послать весточку в эту штуку, которую СШИК установила в нашем доме. Забудь о названии «Почтовый компьютер Чжоу – двадцать четыре», которому нас с тобой научили. Я упомянул этот термин парням здесь, и они просто рассмеялись. Они называют его «Луч». Типично для американцев сокращать все до одного слога. (Но ведь легко запоминается!)

Полагаю, что, чем ждать целый день, я мог бы использовать Луч, имеющийся у нас на борту, потому что я перестал спать, а это хорошее занятие, чтобы заполнить время до посадки. Но тогда письмо не будет личным, а мне нужна интимность, чтобы сказать то, что я собираюсь. Остальных мужчин на корабле не назовешь – как бы это выразиться – образцами благоразумия и деликатности. Если я напишу это на их компьютере, то могу представить, как один из них находит сохраненную где-то там копию и читает мое сообщение вслух на потеху остальным.

Би, прости, что никак не могу забыть это, но я все еще расстроен по поводу того, что случилось в машине. Я чувствую, что подвел

тебя. Как мне хочется обнять тебя и все исправить! Глупо мучиться из-за этого, я понимаю. Я полагаю, это просто ставит меня перед фактом, что мы так далеки. Случалось ли, что муж и жена были на таком расстоянии друг от друга? Кажется, вот только вчера я мог протянуть руку, и ты оказывалась рядом. Нашим последним утром в постели ты казалась удовлетворенной и тихой. Но в машине ты выглядела смятенной.

Помимо моего потрясения этим воспоминанием, я не могу сказать, что чувствую себя вполне уверенно в рассуждении моей миссии. Наверное, это просто усталость и долго не продлится, но я сомневаюсь, готов ли я. Остальные обитатели корабля при всей своей грубости ко мне относятся хорошо, вроде как снисходительно. Но я уверен, что их интересует, почему СШИК потратил целое состояние, чтобы отправить меня на Оазис, и должен признать, что я и сам не понимаю. У каждого члена экипажа есть определенная задача. Тушка (не уверен, что это не прозвище) – пилот, на Оазисе он работает с компьютерами, Билли Грэм, сокращенно Би-Джи, – инженер с огромным опытом в нефтяной промышленности. Артур Северин тоже инженер, но по другой части, что-то связанное с гидрометаллургией, но все это выше моего разума. Эти парни общаются как работяги со стройки (и, скорее всего, таковыми и являются!), но они умнее, чем кажутся, и, в отличие от меня, вполне соответствуют своему назначению.

Ладно, думаю, что сомнений на сегодня достаточно!

Часть этого письма, которую я нацарапал на корабле, подошла к концу – карандаш и бумага не для меня, да? Остальное, начиная с этого места, написано (ладно, напечатано) на Оазисе. Да, я прибыл. Я здесь!

Приземлились мы мягко – даже слишком мягко, без трясучки, которая бывает, когда шасси самолета касаются земли. Больше похоже на лифт, прибывший на нужный этаж. Я бы предпочел что-нибудь более драматическое или даже пугающее, чтобы избавиться от чувства нереальности. Вместо этого тебе говорят, что вы приземлились, двери открываются, и ты выходишь в похожий на трубу туннель, как в аэропорту, и потом оказываешься в большом уродливом строении, похожем на все уродливые строения, в каких ты уже бывал. Я ожидал чего-нибудь более экзотического, какой-нибудь архитектурной диковинки. Но возможно, это место спроектировали те же люди, которые строили здания СШИК во Флориде.

Так или иначе, я уже в своей квартире. Я полагал, что по прибытии меня переправят куда-то еще, что я отправлюсь в путешествие по какой-нибудь удивительной земле. Но аэропорт, если его можно так назвать, скорее похож на огромный гараж – оснащен несколькими крыльями вспомогательных помещений. И меня перемещали из одного помещения в другое.

Квартиру мою не назовешь маленькой. Спальня даже больше нашей, тут есть пристойная ванная с душем (которым я еще не воспользовался из-за усталости), холодильник (совершенно пустой, если не считать ящика для льда, тоже пустого), стол, два кресла и, конечно, Луч, на котором я и печатаю. Обстановка совершенно как в какой-нибудь

гостиничной сети. Будто я в Уотфорде, в конференц-центре. Однако думаю, что я очень скоро засну. Северин сказал, что бессонница на пару дней – дело обычное для прошедших Скачок, потом они спят сутки подряд. И он явно знает, о чем говорит.

Мы расстались несколько неловко, Северин и я. Скачок был совершен более точно, чем рассчитывалось, и даже с неограниченным расходом топлива на то, чтобы достичь планеты максимально быстро, у нас его еще очень много осталось. Так что мы просто сбросили топливо перед посадкой. Ты можешь вообразить? Тысячи литров впрыснули в космос, вместе с отходами нашей жизнедеятельности, грязными салфетками, пустыми контейнерами из-под еды. Я не мог не сказать: «Определенно, можно было что-то придумать». Северин обиделся (я думаю, он защищал Тушку, который технически ответствен за это решение, – у них странные отношения от любви до ненависти). Так или иначе, Северин спросил меня – не думаю ли я, что возможно посадить корабль с таким количеством топлива «в заднице». Он сказал, это все равно что сбросить бутылку молока с небоскреба и надеяться, что она приземлится в целости и сохранности. Я ответил, что если наука додумалась до Скачка, она определенно могла бы сообразить, как решить проблему отходов. Северин уцепился за слово «наука». Наука, сказал он, не есть нечто таинственное, не какая-то исполинская сила, это просто название для тех блестящих идей, которые приходят в голову некоторым парням, когда они лежат ночью в постели, и если проблема с топливом так уж меня беспокоит, то никто не мешает мне найти ее решение и сообщить о том СШИК. Сказано было вежливо, но агрессия явно чувствовалась. Ты же знаешь, что если мужчине вожа под хвост попадет...

Не могу поверить, что пишу о том, как повздорил с инженером! Волею Господней меня послали в иной мир, первого христианского миссионера, а я склочничаю о своем попутчике!

Моя дорогая Беатрис, пожалуйста, расцени это «Первое послание» как прелюдию к грядущему испытанию, как первую борозду, проложенную на пашне, прежде чем заронить в нее что-нибудь прекрасное. Частично поэтому я решил перенести каракули, накорябанные карандашом на корабле, в это сообщение для Луча как есть. Если я изменю хоть одно предложение, тогда возникнет искушение поменять все. Если я разрешу себе опустить хоть одну глупую деталь, кончится тем, что я все вычеркну. Лучше ты получишь этот бессвязный и невразумительный лепет, чем ничего.

Я иду спать. Уже ночь. Ночь тут будет три дня, если ты понимаешь, о чем я. Неба я еще не видел; вернее, видел на миг через прозрачный потолок зала прибытия, когда меня вели на квартиру. Очень заботливый координатор СШИК, забыл имя, болтал со мною и пытался поднести багаж, а я еле плелся. Окна в моей квартире огромные, но закрыты жалюзи, вероятно управляемые электроникой, и я слишком устал и дезориентирован, чтобы догадаться, как это работает. Мне надо немного поспать, прежде я начну нажимать кнопки. Исключая, конечно, кнопку, которую я сейчас нажму, чтобы отправить это письмо. Превратившись в лучики света, оно помчится сквозь космос,

отскакивая от спутников, чтобы добраться до женщины, которую я люблю. Но как могут эти слова, переведенные в двоичный код, лететь так невозможно далеко? Я не поверю в это, пока не получу ответ от тебя. И если ты можешь совершить такое чудо, остальные последуют, я уверен.

С любовью,

Питер.

Он спал и проснулся от шума дождя.

Он долго лежал в темноте, слишком ослабевший, чтобы перевернуться с боку на бок, и прислушивался. Дождь шумел не так, как дома. Его сила убывала и прибывала в стремительном циклическом ритме, три секунды, самое большое, между порывами.

Он синхронизировал колебания со своим дыханием, вдыхая, когда дождь чуть затихал, выдыхая, когда усиливался. Что заставляло дождь вести себя подобным образом? Естественно ли это или связано с конструкцией здания – воздушные перегородки, вытяжки, неисправная дверь, то открывающаяся, то закрывающаяся? Или что-нибудь столь же земное, как окно его дома, хлопающее на ветру. Он не видел ничего дальше полосок жалюзи.

Постепенно любопытство взяло верх над усталостью. Питер выполз из кровати, дошлепал до ванной, пошарил по стене в поисках выключателя и на секунду ослеп от галогенной вспышки. Он покосился на часы, единственный предмет туалета, который он не снял, идя спать. Он спал... как долго? Только семь часов... если не тридцать один. Он проверил число. Нет, только семь. Что его разбудило? Эрекция, наверно.

Ванная по всем статьям походила на те, какие ожидаешь увидеть в гостинице, за исключением туалета: вместо обычного спуска воды там было устройство, всасывающее содержимое со свистом и шипением сжатого воздуха. Питер мочился медленно, ощущая некоторое неудобство в ожидании, пока пенис не станет мягким. Моча была темно-оранжевая. Встревоженный, он наполнил стакан водой из-под крана. Жидкость имела бледно-зеленый цвет. Чистая и прозрачная, но бледно-зеленая. На стене над раковиной висело отпечатанное объявление: «ЦВЕТ ВОДЫ ЗЕЛЕНый. ЭТО НОРМАЛЬНО И БЕЗОПАСНО. ЕСЛИ СОМНЕВАЕТЕСЬ, ВОДУ В БУТЫЛКАХ И НАПИТКИ МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНЕ СШИК. 50 долларов за 300 мл».

Питер жадно, но все еще с подозрением уставился на стакан зеленой жидкости. Все эти истории про британских туристов, которые пили за границей воду и отравились. «Индийский понос» и тому подобное. Две убедительные цитаты из Писания пришли ему на ум: «Не заботьтесь о том, что вам есть и что пить» из Матфея (6: 25) и «Для чистых все чисто» (Тит. 1: 15), но ясное дело – контекст там был другой. Он еще раз посмотрел на плакатик, предлагающий альтернативу воде, – пятьдесят долларов за триста миллилитров. Ну уж нет. Они с Би уже решили, куда потратят деньги, заработанные в этой миссии. Выплатят ипотеку за дом. Переоборудуют ясли в церкви, так что дети получают больше света и солнца. Купят микроавтобус, приспособленный для инвалидов кресел. Список был длинный. Каждый доллар, им потраченный, вычеркнет что-то из этого списка. Он поднял стакан и выпил.

Вкус нормальный. Божественный вкус, на самом деле. Была эта мысль богохульной? «Да хватит тебе, – посоветовала бы ему Беатрис. – В мире полно более важных вещей, о которых стоит беспокоиться». И скоро он сам это узнает. Он встал, спустил воду, выпил еще зеленой воды. Вкус ее отдавал чуть медвяной дыней, или, может, ему почудилось.

Все еще голый, он подошел к окну спальни. Должен же быть способ поднять штору, даже если выключатели или кнопки не видны. Он пробежал пальцами по пластинкам жалюзи и зацепил шнур. Он потянул, и штора поднялась. Ему пришло в голову, что, пока он налегает

на шнур, его нагота может стать очевидной всякому мимоидущему, но было слишком поздно о том беспокоиться.

Окно – цельная панель плексигласа – открылось полностью. Снаружи царил мрак. Пространство, окружавшее аэропорт СШИК, походило на опустошенную землю, мертвую зону бесформенного битума с мрачными сараями, притворявшимися домами, и хилыми веретенообразными фонарями. Все это походило на парковку при универмаге, никогда не меняющуюся. И все же сердце Питера заколотилось и дух захватило от восхищения. Дождь! Дождь не падал вертикально, он... танцевал. Ну мог бы кто-нибудь сказать такое о ливне? У воды нет разума. И все же. Этот ливень покачивался из стороны в сторону: сотни, тысячи серебряных струй, и все они выписывали одни и те же элегантные изгибы. Ничего похожего на земные дожди, беспорядочно мечущиеся под порывами ветра. Нет, погода была безветренна, а движения струй – грациозны, струи беспечно качались по небу от края до края и в том же колышущемся ритме стучали в стекло.

Питер прижался лбом к стеклу, ощутив его блаженную прохладу. Он сообразил, что его слегка лихорадит, и подумал, что извивы дождя ему просто привиделись. Всматриваясь в темноту, он попытался сфокусировать взгляд на ореолах света вокруг фонарей. Внутри нимбообразных сфер капли казались яркими, как станиолевое конфетти. Их чувственные волнистые узоры были необычайно чисты.

Питер на шаг отступил от окна. Отражение его казалось призрачным, иссеченным неземным дождем. Его обычно розовощекое, доброжелательное лицо походило на лик привидения. И свинцовое мерцание далекого фонаря вспыхнуло внизу живота. Гениталии Питера приобрели рельефный, алебастровый вид, словно у греческой статуи. Он поднял руку, чтобы стряхнуть наваждение, вернуть себе человеческий облик. Но возможно, это был чужак, помахававший ему рукой.

Моя дорогая Беатрис!

От тебя ни словечка. Я чувствую, что буквально подвешен в воздухе – словно замер на вдохе, пока не получу доказательств, что мы можем общаться друг с другом. Однажды я читал фантастическую повесть, в которой молодой человек отправился на другую планету, оставив жену на Земле. Он отсутствовал только несколько недель и потом вернулся на Землю. Но кульминация этой истории заключалась в том, что время для них текло по-разному. Когда он вернулся, то обнаружил, что на Земле прошло семьдесят пять лет и жена его умерла за неделю до его возвращения. Он как раз поспел на похороны, и все старики там интересовались, кем приходится покойной этот обезумевший юноша. Халтурная, заурядная фантастическая писанина, но я читал ее во впечатлительном возрасте, и она пробрала меня до костей. И конечно, мне страшно, а вдруг это произойдет со мной? Би-Джи, Северин и Тушка летали между Оазисом и Землей несколько раз за последние годы, и я полагаю, что они – лучшее доказательство, что ты еще не сморщилась, как сушеная слива! (Хотя и тогда я буду любить тебя!)

И как, вероятно, ты можешь судить по моему лепету, я еще ужасно себя чувствую из-за смены времени. Спал крепко, но теперь мне этого мало. Тут еще темно, как раз середина «трехдневной» ночи. Я еще не выходил, но дождь я видел. Он удивителен. Он качается из стороны в сторону, как шторы из бусин.

Здесь удобная ванная, и я только что принял душ. Вода – зеленая! Ее можно пить без опаски, как выяснилось. Как прекрасно помыться как следует наконец, хотя пахну я все еще странно (уверен, что ты смеешься, представив, как я сижу тут и нюхаю подмышки, морщась от их духа), а моча у меня просто невообразимого цвета.

Что ж, это все не то, что я хотел написать в конце, но я ни о чем не могу думать сейчас. Все, что мне надо, – это твой ответ. Где ты? Пожалуйста, подай голос.

Люблю,

Питер.

Отправив послание, Питер послонялся по квартире, не зная, что делать дальше.

Представительница СШИК, которая сопровождала его, когда он покидал корабль, всеми возможными способами дала понять, что он может рассчитывать на ее помощь при любой необходимости. Но она не уточнила, как все это будет работать. И разгласила ли она свое имя? Питер не мог вспомнить. Определенно, никаких инструкций не нашлось на столе – ни приветствия, ни указания, как войти в контакт. Все, что было, – это красная кнопка на стене с подписью «ТРЕВОГА», но кнопки «НЕРАЗБЕРИХА» нигде не оказалось. Он провел какое-то время в поисках ключа от квартиры, подозревая, что он может выглядеть не как обычный ключ, оказавшись пластиковой карточкой, какие выдают в гостиницах. Потом догадался открыть дверь и изучить замок или, вернее, место, где мог бы находиться таковой. Но там нашлась только старомодная вращающаяся ручка, как если бы квартира Питера была одной из спален в каком-то огромном доме. *В доме Отца Моего обителей много*⁴. Очевидно, СШИК не слишком заботился о безопасности и приватности. Отлично, видимо, персоналу здесь нечего красть или прятать, но даже в таком случае... странно. Питер выглянул в коридор, тот был пуст, и дверь Питера была в нем единственной.

Вернувшись в квартиру, он открыл холодильник, убедившись, что пустой контейнер для льда составлял все его содержимое. Но хоть на яблоко можно же было рассчитывать? Или это уже слишком? Он все время забывал, что дом очень далеко.

Настало время выйти и примириться с расстоянием. Питер натянул вчерашнюю одежду – трусы, джинсы, фланелевую рубашку, джинсовую куртку, носки, зашнуровал кеды. Причесался, глотнул немного зеленоватой воды. Пустой желудок булькал и ворчал, давно переварив и удалив лапшу, съеденную в полете. Питер шагнул было к двери, помедлил, опустился на колени и склонил голову в молитве. Он до сих пор не поблагодарил Бога за безопасное прибытие к месту назначения, и сейчас самое время. Он благодарил Его еще и за многое другое, когда явственно почувствовал Иисуса за спиной – Он будто подталкивал Питера, доброжелательно и насмешливо укорял его в промедлении. Тогда Питер вскочил на ноги и тотчас покинул квартиру.

Кафетерий СШИК гудел, но не людскими голосами, а из-за музыки, звучавшей из репродуктора. Помещение было просторное, одна стена его почти сплошь была из стекла, и музыка клубилась в нем, как туман, гонимый от вентиляторов на потолке. Помимо слабого ореола водяного сверкания на окне, дождь снаружи скорее чувствовался, невидимый глазу, создавая в зале приглушенную атмосферу уюта и защищенности.

Я смотрел, как рыдает ива

⁴ Ин. 14: 2.

В подушку свою сиротливо.
Может, плач ее обо мне... —

пел призрачный женский голос, как будто передаваемый через мили и мили подземных туннелей, чтобы наконец проникнуть в случайное отверстие.

А когда стали тени густы,
Мне прошептали цветы:
— Ты один-одинешенек...

В кафетерии находились четыре работника СШИК, все молодые люди, Питеру неизвестные. Один был толстый, стриженный ежиком китаец, он дремал в кресле, уткнув лицо в кулак рядом с полкой, где громоздились кипы журналов. Другой возился в баре у кофейного автомата, на его длинном, тщедушном теле болталась безразмерная футболка. Он был поглощен балансирующим на барной стойке сенсорным экраном, тыча в него металлическим карандашом. При этом он пожевывал опухшие губы большими белыми зубами. Волосы его слиплись и обвисли, покрытые каким-то желатинообразным средством. Этот человек был похож на славянина. Остальные двое были чернокожими. Они сидели за одним столом, штудировав вместе какую-то книгу, для Библии она была слишком большая и тонкая – скорее всего, техническую инструкцию. Рядом с локтями их стояли большие кружки с кофе и пара десертных тарелок, пустых, если не считать крошек. Едой в помещении не пахло.

Я выйду за полночь из дому
Под звездным светом неистовым
В надежде встретить тебя...

Трое неспящих отметили его появление кивком чахлого приветствия, но не прервали свои занятия. Похрапывающий азиат и двое с книгой были одеты одинаково – просторные рубахи в восточном духе, свободные шерстяные брюки, никаких носков, спортивные туфли на толстой подошве. Вылитые исламские баскетболисты.

– Привет, я Питер, – сказал Питер, подходя к стойке. – Я здесь новенький. Хотелось бы поесть, так сказать.

Славянского типа юноша покачал своей прогнатической головой:

– Слишком поздно, братан.

– Слишком поздно?

– Переучет на сутки, братан. Начался час назад.

– Мне в СШИК говорили, что еда доступна в любое время, когда понадобится.

– Все правильно, братан. Просто убедись, что она тебе не понадобится в неподходящее время.

Какое-то время Питер переваривал услышанное. Женский голос по радио закончил петь. Последовало объявление мужским голосом, звучным и драматически-интимным:

«Вы слушаете „Ночные цветы“, документальную хронику исполнения песни „Я выйду за полночь“ Пэтси Клайн с тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года вплоть до посмертных дуэтов в тысяча девятьсот девяносто девятом. И что же, дорогие слушатели, вы сделали, как я просил? Помните ли вы девичью застенчивость, излучаемую голосом Пэтси в ее дебютной версии на „Искателях талантов“ Артура Годфри? Одиннадцать месяцев, но какая разница! Вторая версия, которую вы только что прослушали, была записана четырнадцатого декабря тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года для радиопередачи „Гранд Ол Опри“. К тому времени Пэтси явно уже понимала, какой сверхъестественной силой обладает эта песня. Но муд-

рость и непереносимая печаль, которую вы услышите в следующей версии, обязана также и личной трагедии. Четырнадцатого июня тысяча девятьсот шестьдесят первого года Пэтси чуть не погибла в лобовом столкновении машин. Через несколько дней после того, как она выписалась из больницы, мы уже видим ее поющей „За полночь“ в бальном зале Кимаррона в Тулсе, штат Оклахома. Слушайте, люди, и слушайте внимательно, и вы услышите боль этой ужасной аварии, горе, гнездящееся в глубоких шрамах на лбу, которые так и не затянулись...»

Призрачный женский голос поплыл под потолком еще раз:

Я выйду за полночь из дому,
Под луной, как когда-то мы с тобой,
Я всегда гуляю за полночь.

– Когда следующая доставка пищи? – спросил Питер.

– Да пища уже здесь, приятель, – сказал славянин, поглаживая стойку. – Будет доступна для потребления через шесть часов... и двадцать семь минут.

– Прошу прощения. Я здесь новичок и не понимаю системы. И я очень голоден. Нельзя ли... мм... сделать доступным что-нибудь пораньше и отметить, что потребление произошло через шесть часов?

Славянин прищурился:

– Это будет... неправдой, братан.

Питер улыбнулся и опустил голову, признавая поражение. Пэтси Клайн пела «Так я тебе говорю о своей любви...», когда он отошел от барной стойки и сел в кресло у полки с журналами прямо за спящим человеком.

И только он погрузился в обивку кресла, как сразу же нахлынула усталость, и он понял, что если не встанет немедленно, то заснет. Он наклонился к журналам, быстро совершив ревизию наименований. «Космополитан», «Ретроигрок», «Мужское здоровье», «Ваша собака», «Вог», «Винтажные самолеты», «Грязные минетчицы», «Дом и сад», «Врожденный иммунитет», «Автоспорт», «Научный дайджест», «Гениальные кулинарные идеи»... Довольно обширный выбор. Сильно зачитанные и только слегка устаревшие.

– Эй, пастор!

Он обернулся. Двое чернокожих за одним столом захлопнули книгу, решив, что для вечера достаточно. Один из них держал в руке завернутый в фольгу предмет размером с теннисный мячик, демонстративно крутя его. И бросил его, как только Питер обратил на него внимание. Питер поймал легко, ни на секунду не заколебавшись. Он всегда был прекрасным кетчером. Оба чернокожих подняли кулаки в приветственном жесте. Питер развернул фольгу и нашел там брусничный маффин.

– Спасибо!

Его голос звучал непривычно в акустике кафетерия, соревнуясь с диджеем, продолжившим комментировать жизненный и творческий путь Пэтси Клайн. На этом этапе истории Пэтси уже погибла в авиакатастрофе.

«...личные вещи не были проданы вместе с домом. Записи переходили из рук в руки людей, не понимавших, каким сокровищем они владеют, пока не оказались сваленными в кладовке ювелира, где и провели несколько лет. Представьте себе, друзья! Волшебные звуки, которые вы сейчас слышали, были заперты в темной кладовке, чтобы, возможно, никогда не увидеть света дня! Но мы будем вечно благодарить этого ювелира, наконец проснувшегося и совершившего сделку с „Эм-си-эй-рекордс“...»

Брусничный маффин оказался необычайно вкусным, одно из лучших яств, которые Питер когда-либо пробовал. И как сладко было осознавать, что сам он не на враждебной территории.

– Добро пожаловать в рай, пастор! – крикнул один из благодетелей, и все, кроме спящего азиата, засмеялись.

Питер повернулся к ним и лучезарно улыбнулся:

– Да уж, все выглядит лучше, чем несколько минут тому.

– Вперед и вверх, отче! Это лозунг СШИК – в каком-то смысле.

– Понятно, – сказал Питер, – и что, ребята, нравится вам здесь?

Чернокожий, бросивший маффин, задумался, приняв вопрос всерьез.

– Нормально, братан. Как и везде.

– Погода клевая, – вставил словечко его спутник.

– Он хочет сказать: хорошая *теплая* погода.

– И это клево, приятель, я так и сказал.

– Вы знаете, я еще не был снаружи, – сказал Питер.

– О, непременно пойдите, – сказал тот, что начал разговор, словно предполагая, что Питер предпочитает провести все время на Оазисе, не выходя из квартиры. – Стоит посмотреть, пока не рассвело.

Питер встал:

– Хорошая идея. Где здесь... э-э... ближайший выход?

Бармен вытянул длинный костлявый палец к пластиковому освещенному знаку, говорящему большими буквами «НАСЛАЖДАЙТЕСЬ!», а под ним уже меньшим шрифтом: «ПИТАЙТЕСЬ ОТВЕТСТВЕННО. ПОМНИТЕ, ЧТО ВОДА В БУТЫЛКАХ, ГАЗИРОВАННЫЕ НАПИТКИ, ПЕЧЕНЬЕ, КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И ВСЕ ПРОДУКТЫ С ЖЕЛТЫМИ НАКЛЕЙКАМИ НЕ ВКЛЮЧЕНЫ В БЕСПЛАТНОЕ ПИТАНИЕ И СТОИМОСТЬ ИХ БУДЕТ ВЫЧТЕНА ИЗ ЗАРПЛАТЫ».

– Спасибо за подсказку, – сказал Питер, уходя, – и за еду!

– Всего, братан.

Последним, что Питер слышал, был голос Пэтси Клайн, на этот раз в дуэте, исполненном через много десятилетий после ее смерти благодаря чудесам современной техники.

Питер вышел через раздвижную дверь на воздух Оазиса и, вопреки иррациональному опасению, не умер вмиг, затянутый безвоздушным круговоротом или скукожившись, точно шварка на решетке гриля. Напротив, его окутал влажный, теплый ветерок, кружащийся аромат, похожий на пар, но горло от него не спирало. Он побрел в темноту, и путь его лежал во мраке, если не считать далеких фонарей. В пугающем пространстве аэропорта СШИК мало что было видно, акры и акры мокрого черного асфальта, но он же хотел выйти наружу, так что вот он идет, прогуливаясь по планете.

Небо было черно, черный аквамарин. Аквамари-и-и-и-ин, как сказал бы Би-Джи. Виднелась лишь дюжина звезд, несколько меньше, чем он привык видеть, но каждая сверкала ярко, не мигая, окруженная зеленым ореолом. Луны не было вовсе.

Дождь перестал, но воздух был словно пропитан водой. Если закрыть глаза, то казалось, что погружаешься в теплый бассейн. Воздух плескался у щек, щекотал уши, тек по губам и ладоням. Он проникал в одежду, дышал за воротник рубашки, доставая до позвоночника, покрывая росой лопатки и грудь, приклеивал манжеты к запястьям.

Тепло – это было скорее сильное тепло, нежели жар, – кололо кожу потом, интимно напоминало о волосах под мышками, о впадинках в паху, о форме пальцев во влажных кедах.

Питер был совершенно неправильно одет. Ребята из СШИК с их свободными бедуинскими одеяниями дошли до них умом, не так ли? Он последует их примеру при первой же возможности.

Гуляя, Питер постарался разобраться, какие необычные явления совершались в нем самом, а какие пришли извне. Сердце билось чуть быстрее обычного, он списал это на воз-

буждение. Шел он слегка пошатываясь, будто его подкашивал алкоголь, и он спрашивал себя: может быть, это – последствие Скачка, смены поясов, общего упадка сил? Казалось, каждый шаг скорее походил на прыжок, как если бы битум был резиновый. Он на секунду опустился на колено и постучал по земле костяшками пальцев. Грунт оказался твердым, неподатливым. Из чего бы он ни был сделан – возможно, комбинация местной почвы и завезенных материалов, – плотность его была как у асфальта. Питер выпрямился, и это далось ему легче, чем он опасался. Даже с легким ощущением прыжка на трамплине. Но это уравнивалось водянистой плотностью воздуха. Он поднял руку и ткнул кулаком в пространство, пробуя сопротивление. Противодействия не было, и все же воздух закрутился вокруг запястья и поднялся по руке, щекоча. Он так и не понял, нравится все это ему или же вызывает нервную дрожь. В его понимании атмосфера всегда ассоциировалась с отсутствием. Здесь же воздух присутствовал, присутствие его было настолько ощутимо, что Питера искушало желание упасть и проверить, остановит ли его воздух, как подушка. Этого, конечно, не могло быть. Но воздух ласкал его кожу, будто обещал, что так и случится.

Он глубоко вздохнул, сосредоточиваясь на плотности воздуха по мере того, как воздух проникал в него. На вкус тот ничем не отличался от привычного воздуха. Он знал из инструкции СШИК, что состав его тот же самый – та же смесь азота и кислорода, которой он дышал всю жизнь. Но с чуть пониженным количеством углекислого газа и чуть повышенным количеством озона и с добавкой нескольких элементов, которых не было в земном воздухе. Инструкция не упоминала о влажности, хотя климат Оазиса описывался как «тропический», что, вероятно, и подразумевало влажность.

Что-то защекотало его левое ухо, и рефлекторно он смахнул это что-то. Что-то вязкое, как размоченные кукурузные хлопья или гниющий лист, проскользнуло меж его пальцев, прежде чем он смог сжать их и поднести добычу к глазам для исследования. Пальцы были покрыты липкой жидкостью. Кровь? Нет, не кровь, или если это кровь, то не его. Она была зеленой, как шпинат.

Он оглянулся на здание, которое только что покинул. Оно выглядело монументально-уродливым, как все, что не построено людьми религиозными или сумасшедшими эксцентриками. Единственной искупающей деталью было прозрачное окно кафетерия, освещенное, словно экран телевизора в темноте. И хотя Питер шел довольно долго, он все еще мог распознать барную стойку и полку с журналами и даже, как ему показалось, увидел азиата, все еще лежащего в кресле кулем. Издалека эти детали выглядели как разнородные предметы, помещенные в торговый автомат. Яркий ящик, окруженный бескрайним морем необычного воздуха, а над ним триллионы миль мрака.

По правде говоря, он уже испытывал подобные чувства на планете, которая была его домом. Когда одолевала бессонница и он бродил по улицам убогих городов Британии в два-три часа ночи и вдруг оказывался в автобусном депо в Стокпорте, в переживающем не лучшие времена универмаге в Рединге или топча шелуху на рынке в Кэмдене задолго до рассвета – именно в эти часы, именно там его поражало, как незначителен человек со всеми невыносимыми страданиями его. Люди и обиталища их казались тонким слоем пыли на поверхности глобуса, как невидимые крапинки бактерий на апельсине, а тусклые огни мясных лавок и универмагов совершенно не замечали бесконечного пространства над ними. Если б они не светили Богу, всемогущий вакуум был бы непереносим, но раз Бог с тобой, тогда совсем другое дело.

Питер развернулся и пошел дальше. В нем теплилась надежда, что, если идти достаточно долго, бесформенный бетон аэропорта закончится и он ступит на землю Оазиса, настоящего Оазиса.

Его джинсовая куртка отяжелела из-за влажности, а фланелевая рубашка набрякла от пота. Джинсы смешно хлюпали при ходьбе, грубые хлопковые штанины цеплялись одна за

другую. Пояс начал натирать, речушка пота побежала меж ягодич. Он остановился подтянуть брюки и вытереть лицо.

Питер прижал пальцы к ушам, стараясь избавиться от приглушенного свиста, который, он полагал, исходит из носа. Но звук шел не изнутри. Воздух был полон шелеста. Бессловесный шепот, шорохи трепещущих листьев, хотя никакой растительности поблизости не было. Казалось, что воздушные потоки, подобно потокам водным, не могли двигаться беззвучно, но вспенивались и шипели, словно океанские волны.

Он не сомневался, что со временем привыкнет. Это же все равно что жить рядом с железной дорогой или, на самом деле, вблизи океана. Со временем свыкаешься и ничего не слышишь.

Он пошел дальше, сопротивляясь импульсу раздеться и отшвырнуть одежду, чтобы подбросить на обратном пути. Бетон и не думал кончаться. Что на самом деле замыслил СШИК со всем этим бетоном? Может, они планировали расширить корпуса, где акклиматизировались прибывающие, или построить сеть ресторанчиков или целый универмаг? Как намекали проспекты, Оазис в «самом ближайшем будущем» станет «процветающим обществом». Под этим СШИК подразумевал процветающее общество поселенцев, конечно. Местное население этого мира, процветая или загнивая, почти не упоминалось в публикациях СШИК, исключая тщательные уверения, что ничто не планировалось и не внедрялось без их полного и сознательного согласия. СШИК действовал «в сотрудничестве» с гражданами Оазиса – что бы под этим ни подразумевалось.

Питер определенно ждал встречи с ними. В конце концов, именно ради них он здесь.

Он вытащил фотоаппарат из кармана куртки. Во время подготовительного инструктажа его предупреждали, что использование фотокамер на Оазисе считается «непрактичным», но Питер все равно захватил его. «Непрактично» – что бы это значило? Была ли это скрытая угроза? Будет ли его фотоаппарат изъят властями каким-то образом? Ладно, чему быть, того не миновать. Сейчас Питеру хотелось сделать несколько снимков. Для Би. Когда он вернется к ней, всякое фото, которое он озаботится снять, будет дороже тысячи слов. Он поднял камеру и снял мрачный бетон, одинокие строения, свечение из кафетерия. Он даже попытался снять аквариумное небо, но, быстро взглянув на цифровое изображение, убедился, что, кроме совершенно черного прямоугольника, там ничего не было.

Спрятав камеру, Питер пошел дальше. Как долго он шел? На часах его не было подсветки, как на электронных часах, у него были часы со стрелками – старомодные, отцовский подарок. Он прижал их к глазам, ища угол, чтобы поймать свет от ближайшего фонаря. Но самый близкий был по крайней мере в ста метрах от него.

Что-то блеснуло на руке, у ремешка часов. Какая-то живность. Комар? Нет, слишком велик для комара. Стрекоза или что-то на нее похожее. Маленькое, дрожащее тело, не больше спички, обернутое прозрачными крыльями. Питер потряс рукой, и существо свалилось. Или спрыгнуло, или улетело, или его засосало в атмосферный омут. Какая разница, было – и нет.

Он вдруг сообразил, что в шепот воздуха вмешался новый звук, механическое урчание позади. Появился автомобиль цвета серой стали и пулеобразной формы, с большими колесами и толстыми вулканизированными шинами. За тонированными стеклами различить водителя было трудно, но у него было явно человеческое тело. Машина замедлила ход и резко остановилась рядом. Металлический бок оказался всего в нескольких дюймах от места, где он стоял. Фары пронзали пространство на пути его следования, открывая забор с колючей проволокой по всему периметру. Если бы он шел еще минуту или две, то наткнулся бы на него.

- Привет, – произнес женский голос с американским акцентом.
- Здравствуйте, – откликнулся он.
- Позвольте мне подбросить вас обратно.

Это была та самая женщина из СШИК, которая встретила Питера по прибытии, та, что сопровождала его до квартиры и сказала, что она к его услугам, если ему что-то понадобится. Она открыла переднюю дверцу и ждала, барабанила пальцами по рулю, словно по клавиатуре фортепьяно.

– Мне хотелось бы пройти чуть дальше, честно говоря, – сказал Питер. – Может, встретить местных... Э-э... людей.

– Мы сделаем это после восхода солнца, – ответила женщина. – Ближайшее поселение милях в пятидесяти отсюда. Вам понадобится автомобиль. Вы водите машину?

– Да.

– Хорошо. Вы уже обсудили, чем надо оборудовать ваш автомобиль?

– Точно не знаю.

– Как – не знаете?

– Э-э... моя жена решала все практические вопросы с СШИК. Я не знаю, обсуждалось ли это.

После этого наступила пауза, потом послышался добродушный смех:

– Пожалуйста, садитесь, а то кондиционер сломается.

Он нырнул в машину и закрыл дверцу. Воздух внутри был сухой и холодный, и это немедленно напомнило ему, что он промок до нитки. Ступни, избавленные от веса тела, звучно хлоппали в носках.

Женщина была одета в белую спецовку поверх белых хлопчатых штанов, на голове темно-серая косынка с длинным концом, ниспадающим на грудь. На лице не было косметики, а лоб пересекал сморщенный шрам, прямо под линией волос. Ее волосы, каштановые и тусклые, были подстрижены ежиком и делали ее похожей на юного солдата, если бы не мягкие темные брови, ушки и нежный рот.

– Извините, – сказал Питер, – забыл ваше имя. Я очень устал.

– Грейнджер, – напомнила она.

– Грейнджер, – повторил он.

– У нас в СШИК все больше по фамилиям, на тот случай, если вы не заметили.

– Я заметил.

– Немного напоминает армию. Правда, мы не причиняем людям вреда.

– Смею надеяться, что нет.

Она вдавила педаль газа и направила машину к аэропорту. Ведя машину, она наклонилась к рулю и сосредоточенно хмурилась, и, хотя кабина была плохо освещена, он отметил прозрачные края линз на глазных яблоках. Беатрис тоже носила контактные линзы, поэтому он и заметил.

– Вы проехали специально, чтобы подхватить меня?

– Да.

– Вы следите за каждым моим движением? Держите под колпаком?

Она не поняла намека:

– Я просто заскочила в кафетерий, и один из парней сказал, что вы пошли гулять.

– Это вас беспокоит?

Он старался говорить деликатно и дружелюбно.

– Вы только прибыли, – сказала она, не отрывая взгляда от ветрового стекла. – Не хотелось бы, чтобы вы пострадали при первой же вылазке.

– А как же документ, который я подписал? Тот, который указывает, что СШИК располагает двадцатью способами не отвечать за все, что может со мной случиться?

Казалось, ремарка ее задела – она стиснула руль.

– Это официальный документ, написанный параноиками-юристами, которые никогда здесь не появлялись. А я добрый человек и нахожусь здесь, чтобы встретить вас у корабля и, как я сказала тогда, за вами присматривать. Что я сейчас и делаю.

– И я благодарен за это, – сказал он.

– Мне интересны люди, – сказала она, – иногда я попадаю с ними в неприятности.

– Я не хочу создавать вам неприятности, – заверил он.

Кафетерий, освещенный болезненным светом, казалось, надвигался на них во мраке, как если бы другой автомобиль на встречной полосе грозил столкновением. Он сожалел, что его вернули так быстро.

– Надеюсь, вы понимаете, что я приехал сюда не для того, чтобы сидеть и читать журналы в кафетерии. Я хочу выйти и найти жителей Оазиса, где бы они ни были. Мне, вероятно, придется жить среди них, если они позволят, и тогда вам вряд ли... э-э... удастся присматривать за мной.

Она ловко ввела машину в гараж, они прибыли.

– Всякому овощу – свое время.

– Я надеюсь, это время скоро настанет, – сказал он, все еще стараясь говорить доброжелательно. – Как можно скорее, не хотелось бы подгонять вас... Но видимо, придется. Когда у вас будет время вывезти меня?

Она выключила мотор и убрала свои маленькие ступни с педалей.

– Дайте мне час, чтобы все приготовить.

– Все?

– Главным образом провизию. Вы же заметили, что кафетерий не работает сейчас.

Он кивнул, и щекотная струйка пота побежала по лицу.

– Я никак не могу сообразить порядок смены дня и ночи; когда темно три дня подряд, официально – это ночь?

– Да, это ночь. – Она потерла глаза, но осторожно, чтобы не сдвинуть линзы.

– Так что, вы позволяете часам решать, когда начинается день, а когда ночь?

– Определенно. Это не сильно отличается от жизни за полярным кругом, полагаю. Вы сообразуете поведение со всеми, кто просыпается в одно и то же время с вами.

– А что с парнями в кафетерии сейчас?

Она пожала плечами:

– Станко должен там быть, потому что он в ночной смене. Другие... у людей случается бессонница иногда. Или они любят спать на открытом воздухе.

– А люди на Оазисе... э-э... аборигены? Они сейчас спят? Я хочу сказать, надо ли ждать рассвета?

Она взглянула на него настороженно, не мигая:

– Я не имею ни малейшего представления, когда они спят. Или спят ли вообще. Честно говоря, я о них почти ничего не знаю, хотя, вероятно, я знаю о них больше, чем кто-либо.

Он ухмыльнулся:

– Тем не менее я здесь именно для того, чтобы узнать о них что-нибудь.

– Хорошо, – вздохнула она. – Это ваша работа. Но у вас усталый вид. Вы уверены, что отдохнули достаточно?

– Со мной все в порядке. А с вами?

– Тоже нормально. Как я сказала, мне нужен час. Если за это время вы решите, что вам надо поспать, дайте мне знать.

– Каким образом?

– По Лучу. Там есть открывающееся меню, за иконкой СШИК, я там есть.

– Как хорошо, что есть хоть какое-то меню, где хоть что-то есть.

Он сказал это, как горестный комментарий к работе кафетерия, но как только слова слетели с губ, он забеспокоился, что она поймет их неправильно.

Она открыла дверцу, он открыл свою, и они вышли во влажный водоворот мрака.

– Будут ли еще какие-то советы? – прокричал он поверх крыши машины.

– Да, – крикнула она в ответ, – забудьте о джинсовой куртке!

Сила внушения? Когда она сказала ему, что он выглядит усталым, он не чувствовал усталости, но теперь усталость вдруг нахлынула внезапно. И растерянность одолевала его, по мере того как повышенная влажность просачивалась в мозг и туманила мысли. Он надеялся, что Грейнджер проводит его до самой квартиры, но она ушла. Она провела его в здание через другую дверь, не ту, через которую он вышел, и сразу попрощалась в коридоре на повороте.

Он пошел в противоположном направлении, как она и ожидала, но не совсем соображал, куда идти. Коридор был пуст и тих, и он не мог вспомнить, был ли он здесь уже. Стены, окрашенные в веселенький голубой цвет (иногда темнея, когда свет угасал), мало объясняли без знаков или указателей. Собственно, не было никаких причин ожидать указатель к его квартире. СШИК во время одного из интервью дал ему понять, что он никоим образом, формально или физически, не является официальным пастором на базе и не должен удивляться, если в его услугах не будет нужды. Вся его работа связана с местным населением. И в самом деле, в перечислении его служебных обязанностей в контракте стояла должность – «Священник (христианский) для местного населения».

– Но у вас в СШИК есть священник для персонала? – поинтересовался он.

– Вообще говоря, сейчас нет, – ответил собеседник.

– Означает ли это, что колония официально придерживается атеизма?

– Это не колония, – ответил другой представитель СШИК. – Это содружество. Мы не пользуемся словом «колония». И мы не поддерживаем ни веру, ни безверие. Просто мы ищем самых лучших работников.

– Пастор конкретно для персонала СШИК – это отличная идея в принципе, – заверил его первый из сидящих напротив.

– Особенно если он или она обладают полезными навыками. Мы включали подобных индивидуумов в команды иногда, но сейчас это не приоритетно.

– Но моя миссия приоритетна? – спросил Питер, не веря своим ушам.

– Мы бы определили ее как «неотложная», – ответил интервьюер. – Настолько неотложная, что я вынужден спросить вас... – Он наклонился и посмотрел Питеру прямо в глаза: – Как быстро вы сможете собраться?

Теперь за поворотом коридора появилось слабое сияние и послышался смутный мелодичный шум, который он определил, поколебавшись, как духовую музыку. Он ушел слишком далеко, пропустив свою комнату, и дошел до кафетерия.

Когда он снова вошел туда, то обнаружил некоторые перемены: привидение голоса Пэтси Клайн исчезло на воздушных путях, а взамен появился классический джаз, такой вкрадчивый, почти невесомый. Оба чернокожих ушли. Китаец проснулся и перелистывал журнал. Маленькая женщина средних лет, кореянка или вьетнамка, с вытравленной прядью в черных волосах, сосредоточенно смотрела на чашку, пристроенную на коленях. Парень славянской внешности за стойкой все еще нес вахту. Он словно бы не заметил появления Питера, зачарованный игрой с двумя мягкими пластиковыми бутылками – кетчупом и горчицей. Он пытался уравновесить их, поставив под углом так, чтобы горлышки касались друг друга. Его длинные пальцы порхали над хрупкой конструкцией, готовые ухватить бутылочки, если они упадут.

Питер помедлил у входа, неожиданно окоченев под промокшей от пота и дождя одеждой и заскорузлыми волосами. Как же дико он должен выглядеть? Но уже через несколько секунд огромная отчужденность этих людей, абсолютное безразличие к нему испугали его. Он испу-

гался, что дух его будет скован страхом, параличом застенчивости, ужасом, который испытывает ребенок, когда приходит в новую школу, заполненную чужаками. И сразу Бог успокоил его настойкой мужества, и Питер сделал шаг вперед.

– Всем привет, – сказал он.

5

Как только он догадался, что они такое

В глазах Господа все мужчины и женщины нагие. Одежда – фиговый листок, не более. А тела под одеждой – лишь еще одна прослойка, одеяние из плоти под непрактичной оболочкой тонкой кожи разнообразных оттенков розового, желтого и коричневого. И только души реальны. С этой точки зрения просто невозможны такие вещи, как социальная напряженность, стыд или смущение. Все, что тебе нужно, – это приветствовать душу ближнего своего.

Услышав приветствие Питера, Станко поставил бутылки, поднял глаза и широко осклабился. Китаец салютовал поднятым вверх большим пальцем. А женщина, дремавшая с открытыми глазами, увы, дернула ногами с испугу, плеснув кофе себе на колени.

– О боже!.. – воскликнул Питер и бросился к ней. – Простите, я не хотел!

Теперь она совершенно проснулась. На ней были надеты свободная длинная рубаша и штаны, такие же, как у Грейнджер, только бежевые. Разлитый кофе растекся на них большой коричневой кляксой.

– Ничего, все в порядке, – ответила она. – Он не слишком горячий был.

Что-то пролетело у самого лица Питера и приземлилось женщине на колени. Это было кухонное полотенце, брошенное Станко. Та спокойно принялась промакивать и тереть. Она подняла подол, под ним на хлопковых брюках виднелись два бурых пятна.

– Я могу вам помочь? – спросил Питер.

Она засмеялась:

– Это вряд ли.

– Моя жена оттирает кофейные пятна уксусом, – сказал он, не отрывая взгляда от ее лица, чтобы она не подумала, что он разглядывает ее бедра.

– Это не настоящий кофе, – ответила женщина. – Не беспокойтесь.

Она методично и неторопливо скомкала полотенце и положила на край стола. Затем откинулась на спинку кресла, судя по всему не слишком спеша переодеваться. Джазовый «мью-зек» умолк на мгновение, а потом пара щеток защекотала тарелки и барабан, что-то выдохнул саксофон, и брэнчание возобновилось. Станко занялся чем-то тактично-шумным, китаец штудировал журнал. Спасибо им, они пытались создать для него пространство.

– Я упустил шанс представиться, да? – спросил он. – Я Питер.

– Моро. Приятно познакомиться. – Женщина протянула ему правую руку.

Он чуть замешкался, прежде чем пожать ее, только теперь заметив культию на месте одного из пальцев; мизинца тоже не доставало. Рукопожатие у нее было крепким, уверенным.

– Знаете, это очень необычно, – заметил он, садясь за ее столик.

– Несчастный случай на фабрике, – пояснила она. – Такое каждый день случается.

– Нет, я имел в виду то, что вы протянули мне именно эту руку. Я встречал много людей без пальцев на правой руке. Они всегда протягивали для рукопожатия левую. Потому что не хотели смущать того, с кем здоровались.

Она, кажется, немного удивилась:

– Неужели это правда?

А потом со смехом встряхнула рукой, словно говоря: «Некоторые люди такие чудные». Взгляд у нее был прямой, однако сдержанный, будто идентифицируя его для личного дела, чтобы после уложить все признаки в пока еще пустой файл с пометкой «Миссионер из Англии».

– Я только что ходил прогуляться, – сказал он, махнув в темноту за окном. – Первый раз.

– Не много там увидишь.

– Ну да, ночь.

– Даже днем там мало что увидишь. Но мы работаем над этим. – В ее голосе не было ни гордости, ни пренебрежения, она просто сообщала.

– А какова ваша профессия здесь?

– Я инженер-технолог.

Он позволил себе ошеломленное выражение лица, сигнализируя ей взглядом: «Объясните, пожалуйста». Она парировала этот взгляд, послав сигнал: «Уже поздно, и я устала».

– Еще, – прибавила она, – я выполняю кое-какую работу на кухне, готовлю, пеку каждые девять часов. – Она запустила пальцы в волосы, седые у корней и насыщенно-черные с оранжевым на концах. – Это развлекает, я с нетерпением жду своих дежурств.

– Волонтерите?

– Нет, это часть моих обязанностей по графику. Вы увидите еще, что у нас тут многие выполняют более одной функции.

Она встала. И еще до того, как она протянула руку, Питер сообразил, что разговор окончен.

– Надо бы мне почиститься, – пояснила она.

– Приятно было познакомиться, Моро, – сказал он.

– Взаимно, – ответила она и вышла.

– Хорошо готовит дим-сум, – заметил китаец, когда она ушла.

– Простите, что? – переспросил Питер.

– Тесто для дим-сум очень трудно замесить, – сказал китаец. – Оно рассыпчатое. Тесто это. Но она хорошо его готовит. Всегда заметно, что она дежурит по кухне.

Питер пересел на пустой стул возле китайца.

– Я Питер, – представился он.

– Вернер, – ответил китаец. Его пухлая рука со всеми пятью пальцами тщательно отмерила крепость рукопожатия. – Так вы осматривались?

– Пока не слишком долго. Я все еще чувствую усталость. Только прибыл.

– Чтобы освоиться, нужно время. Надо, чтобы молекулы внутри вас уgomонились. Вам когда на смену?

– Э-э... Я, собственно... Я тут в качестве пастора. Думаю, что моя смена будет длиться все время.

Вернер кивнул, однако некое подобие удивления пробежало по его лицу, словно Питер сию минуту признался в том, что подписал сомнительный контракт без должной юридической поддержки.

– Делать Божью работу – это радость и привилегия, – сказал Питер. – Я не нуждаюсь в перерывах.

Вернер снова кивнул. Питер одним глазом приметил, что журнал, который он читал, назывался «Пневматика и гидродинамическая информатика», с красочной фотографией внутренних частей какого-то механизма на всю обложку и броским подзаголовком: «СДЕЛАЕМ ШЕСТЕРЕНЧАТЫЙ НАСОС ЕЩЕ УНИВЕРСАЛЬНЕЕ!»

– Эти пасторские дела... – сказал Вернер. – А в чем именно они заключаются? В повседневном плане?

Питер улыбнулся:

– Нужно подождать и увидеть.

– Увидеть, как обстоят дела, – предположил Вернер.

– Вот именно, – ответил Питер.

Его снова засасывала усталость. Он чувствовал, что вот прямо сейчас сползет со стула и растечется по полу лужицей, которую Станко вытрет шваброй.

– Правду сказать, – сказал Вернер, – я не слишком секу в религии.

– А я не слишком секу в пневматике и гидродинамике, – сказал Питер.

– Это и не по моей части тоже, – сказал Вернер, с усилием потянувшись к стопке, чтобы вернуть туда журнал. – Просто взял его из любопытства. – Он снова посмотрел на Питера. Ему надо было кое-что прояснить. – В Китае в какой-то момент вообще не было никакой религии, типа во время правления одной из династий.

– И что это была за династия? – Почему-то в голове у Питера всплыло слово «Токугава», но потом он сообразил, что перепутал китайскую и японскую историю.

– Династия Мао, – сказал Вернер. – Плохое было время, чувак. Людей убивали направо и налево. Потом дела пошли лучше. Люди стали делать то, что им нравится. Хочешь верить в Бога? Отлично. В Будду? Пожалуйста. В Синто... да все равно во что.

– А вы? Вас привлекла какая-нибудь религия?

Вернер закатил глаза к потолку:

– Я как-то пролистал одну толстенную книгу. Страниц четыреста, наверно. Сайентология. Интересная. Пища для размышлений.

«Ох, Би, – думал Питер, – как же мне нужно, чтобы ты была рядом».

– Вы поймите, – продолжил Вернер, – я читал много книжек. Я по ним учил слова. Составлял вокабуляр. Так что если мне встретится вдруг какое чудное слово, в ответственный момент я типа готов к этому.

Саксофон отважился было на вопль, который можно было бы даже счесть хрипом, однако немедленно опомнился и повел нежную мелодию.

– В наше время в Китае много христиан, – заметил Питер. – Миллионы.

– Ага, но от всего населения это типа один процент или полпроцента даже. Я с детства ни одного не встречал. Экзотика.

Питер сделал глубокий вдох, борясь с тошнотой. Он надеялся, что ему только кажется, что мозг у него сдвинулся с места и теперь бултыхается в голове, устраиваясь поудобнее под тщательно смазанной оболочкой черепа.

– Китайцы... китайцы очень сильно ориентированы на семью, правда?

Вернер казался опечаленным:

– Так вроде говорят.

– А вы не согласны?

– Я воспитывался в семье военного из Германии, который служил в Чэнду. А потом, когда мне было четырнадцать, они переехали в Сингапур. – Он сделал паузу, а потом прибавил, отменяя возможные сомнения: – Со мной.

– Наверное, для Китая это очень необычная история?

– Не могу представить вам статистику, но да. Очень необычная, я уверен. И еще они хорошие люди.

– И как они приняли то, что вы здесь?

– Они умерли, – сказал Вернер, не меняя выражения лица, – незадолго до того, как меня выбрали.

– Печально слышать.

Вернер кивнул, как бы подтверждая согласие с тем, что кончина его приемных родителей была все же прискорбным событием.

– Они были славные. Поддерживали меня. Многим такое и не снилось. А у меня – было. Повезло.

– А вы поддерживаете общение с кем-то дома?

– Я много с кем хотел бы пообщаться.

– А кто-нибудь особенный?

Вернер не сдавался:

– Я их всех до одного высоко ценю. Каждый уникален. Талантлив. Некоторым я по-настоящему благодарен. Они типа помогли мне очень. Наводки мне дали, свели с... ну кое с кем.

Глаза у него остекленели, когда он на миг погрузился в воспоминания о далеком прошлом.

– Когда вы возвращаетесь?

– Возвращаюсь? – Секунда или две прошли, пока вопрос дошел до Вернера, словно Питер говорил с ужасно неразборчивым акцентом. – В обозримом будущем не планирую. Некоторые, типа Северин к примеру, мотаются туда-сюда, туда-сюда – каждые пару лет. А я такой думаю: с чего? Надо три-четыре года, чтобы войти в колею. Пока акклиматизируешься, пока опыта наберешься, пока приспособишься... Это большой проект. Через какое-то время находишь точку, откуда становится ясно, как что-то взаимодействует со всем остальным. Как работа инженера связана с работой сварщика, электрика, поварахи и... и... садовода. – Его пухлые руки замкнулись, словно охватывая некую невидимую сферу, обозначив некое всеобъемлющее понятие.

Внезапно руки Вернера распухли еще больше, каждый палец раздулся до размеров детской ладошки. Лицо тоже изменило свою форму, на нем распустилось множество глаз и ртов, они высвобождались из плоти и вихрем кружились по комнате. Вдруг что-то шмякнуло Питера по лбу. Это был пол.

Несколько секунд спустя сильные руки подхватили Питера за плечи и перевернули на спину.

– Как ты, в порядке? – спросил Станко, и на удивление его нисколько не тревожило, что стены и потолок вокруг него колышутся в бредовом танце.

Вернера, лицо и руки которого вернулись в норму, похоже, тоже ничто не беспокоило, за исключением взмокшего от пота в своей слишком теплой одежде миссионера, расprostертого на полу без чувств.

– Ты с нами, братан?

Питер усиленно заморгал. Комната сбавила обороты.

– Я с вами.

– Тебе надо полежать, – сказал Станко.

– Думаю, вы правы, – ответил Питер, – только я... я не знаю где...

– В инструкции должно быть написано, – сказал Станко и отошел свериться.

Минуты не прошло, как Вернер и Станко вынесли Питера из столовой в синеватый сумрак коридора. Ни Станко, ни Вернер не могли бы сравниться силой с Би-Джи, так что шли они медленно, пошатываясь, останавливаясь через каждые несколько метров, чтобы перехватить свою ношу поудобнее. Костлявые пальцы Станко впивались в плечи и подмышки Питера, – наверно, синяки останутся; Вернеру было полегче – он держал ноги.

– Я могу сам идти, я сам, – сказал Питер, но не был уверен, что это на самом деле так, да и все равно двое «добрых самаритян» пропустили его слова мимо ушей.

В любом случае его квартира находилась не слишком далеко от кафетерия. Прежде чем он это понял, его положили, вернее, сгрузили на кровать.

– Приятно было пообщаться с вами, – сказал Вернер, слегка отдуваясь. – Удачного вам... ну, чего-нибудь.

– Просто закрой глаза и расслабься, братан, – посоветовал Станко уже на полпути к двери. – Тебе надо проспать.

Проспать. Сколько раз он уже слышал это слово за свою жизнь. Это говорили ему люди, сгребавшие его с пола и выносившие, впрочем, в место куда менее приятное, чем постель. Время от времени парни, выдворявшие его из какого-нибудь ночного клуба или иного питейного заведения, в котором он надирался, отвешивали ему пару-тройку пинков под ребра перед тем, как поднять его и выкинуть. Однажды его вышвырнули в глухой переулок, и грузовой фургон проехал прямо над ним, чудом не задев ни головы, ни ног, ни рук, только вырвав

ему клок волос. Случилось это задолго до того, когда Питер был готов признать, что это высшая сила сохранила ему жизнь.

Просто невероятно, до чего последствия Скачка похожи на алкогольное похмелье. Только тяжелее. Исполинское похмелье в соединении с дозой галлюциногенных грибов. Ни Би-Джи, ни Северин не упоминали о галлюцинациях, но, может, эти ребята были просто крепче, чем он. А может, они оба сейчас крепко спят, спокойно восстанавливая силы, вместо того чтобы валять дурака.

Питер дождался, пока комната не примет правильные геометрические пропорции с фиксированными углами, а потом встал. Он проверил Луч на предмет сообщений. Все еще ни слова от Би. Наверное, надо бы попросить Грейнджер проверить его аппарат, проверить, правильно ли он им пользуется. Но была ночь, а она женщина, причем едва знакомая Питеру. Хорошенькое было бы начало их взаимоотношений, если бы ему привиделось, что лицо у нее кишит множеством глаз и ртов, а потом он свалился бы без чувств ей под ноги.

К тому же Луч настолько прост в обращении, что невозможно представить, чтобы кто-то, даже такой технофоб, как он, мог в нем не разобраться. Эта штука отсылает и принимает сообщения, вот и всё. Она не показывает кино, не издает звуков, ничего не предлагает купить, не информирует о бедственном положении осликов или бразильских джунглей. Луч не предлагает узнать, какая погода стоит сейчас на юге Англии или какое количество христиан сегодня в Китае, узнать имена или годы правления династий. Он просто подтверждает, что сообщения Питера были отправлены и ответов на них нет.

Внезапно что-то промелькнуло – но не на сером экране Луча, а в его сознании промелькнуло видение: искореженные обломки на шоссе – там, в Англии, ночью, залитые огнями «скорой». Би, мертвая Би где-то на дороге между Хитроу и домом. Жемчужины ожерелья, раскатившиеся по асфальту, черные лужицы крови. Уже месяц прошел с того дня. Тот день ушел в историю. Такое случается. Один отправляется в невероятно опасное путешествие и прибывает на место невредимым, а другой совершает короткую, обыденную поездку и гибнет. «Черный юмор Господа» – назвал это как-то раз некий скорбящий родитель (вскоре покинувший лоно Церкви). Несколько секунд видение мертвой Би на дороге было для Питера явственным до боли, и тошнотворная дрожь ужаса просквозила его внутренности.

Нет! Нельзя позволить воображаемым ужасам сбить себя с толку. Бог никогда не бывает жестоким. Жизнь может быть жестокой, но не Бог. Во Вселенной, ставшей опасной благодаря дару свободной воли, всегда можно рассчитывать на Божью помощь; что бы ни произошло, Он ценит возможности каждого из Своих детей. Питер знал: если бы что-то случилось с Би, он просто не смог бы выполнять здесь свою работу. Его миссия закончилась бы, так и не начавшись. А если что-то и стало совершенно ясно за все те месяцы раздумий и молитв, предшествующие его путешествию на Оазис, так это мысль, что Бог действительно хочет, чтобы Питер отправился сюда. Он был под Божьей защитой, и Би тоже. Должна быть.

Что до Луча, есть простой способ узнать, правильно ли он им пользуется. Он навел курсор на значок СШИК – стилизованного зеленого скарабея – на экране и кликнул, открыв меню под ним. В меню было всего три пункта: «Профилактика (ремонт)», «Админ» и «Грейнджер»; очевидно, что Грейнджер сама же и опечаталась, устанавливая их впопыхах. Если ему нужен более расширенный список контактов, он может сам его организовать.

Он открыл чистую страницу сообщения и набрал: «Дорогая Грейнджер», потом удалил «дорогую» и заменил ее на «Привет», удалил и это, оставив просто «Грейнджер», снова поставил перед ним слово «дорогая» и снова стер его. С одной стороны, неуместная интимность, с другой – недружелюбная резкость... сколько суетливых жестов, прежде чем начнешь общаться. Насколько легче было писать письма в стародавние времена, когда каждый, даже управляющий банком или налоговый инспектор были «дорогими»...

Привет, Грейнджер. Вы были правы. Я устал. Мне надо немного поспать. Простите за то, что причинил вам неудобство.

Всего хорошего,

Питер.

С огромным трудом он разделся. Каждый предмет туалета отяжелел от влаги, как будто его застиг ливень. Носки он счищал с морщинистых стоп, словно слипшиеся листья. Штаны и куртка вцепились в тело намертво, сопротивляясь каждой попытке высвободиться. Все, что он стягивал с себя, тяжело шлепалось на пол. Сначала ему показалось, что одежда почему-то расплзлась на куски и рассыпалась по полу, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это не клочки одежды, а дохлые насекомые. Он поднял одно тельце двумя пальцами. Крылышки утратили серебристую прозрачность и постепенно багровели. Ножки у насекомого были оторваны. Вообще-то, требовалось немалое усилие, чтобы признать в этой шелухе насекомое: оно на вид и на ощупь походило на рассыпавшиеся пылинки от скрученной вручную папиросы. Зачем эти создания решили прокатиться в его одежде? Он, должно быть, раздавил их просто на ходу, трением об здешнюю атмосферу.

Вспомнив о фотоаппарате, он выудил его из кармана. Аппарат был скользким от влаги. Питер включил его, собираясь просмотреть кадры, отснятые на территории базы, и сделать несколько новых, чтобы показать Би свою квартиру, вымокшую одежду, может, одного из этих комаров. Механизм заискрился, Питера куснуло током, и все огоньки в аппарате потухли. Питер держал фотокамеру в руке и смотрел на нее так, словно та была птицей, чье крошечное сердечко разорвалось от страха. Он понял, что камеру уже не оживить, и все-таки в нем не угасала надежда, что стоит чуть-чуть подождать – и аппарат вновь очнется. Еще минуту назад это было умное хранилище воспоминаний для Би, коллекция образов, которая пригодилась бы ему в ближайшем будущем. И он уже представлял это будущее в своем воображении: они с Би лежат на кровати, между ними камера, она проводит пальцем по экрану, он следует взглядом за ее движением: «Это? А, это же то-то... А это – то-то... А это то-то...» Но теперь внезапно не стало никаких «то-то». На ладони лежал маленький бесполезный кусок металла.

Прошло несколько минут, прежде чем он обратил внимание, что его обсыхающее тело как-то странно пахнет. Это был тот самый медвяный аромат, который он отметил в питьевой воде. Кружащаяся снаружи атмосфера не удовлетворилась тем, что просто облила и погладила его кожу, она наделила его благоуханием, спровоцировав обильное потоотделение.

Он слишком обессилел, чтобы идти в душ, к тому же легкая кривизна, появившаяся на совершенно прямой линии бордюра вдоль стены, предупреждала о том, что скоро комната снова раскачается, если он немедленно не закроет глаза и не отдохнет. Питер рухнул на кровать и проспал вечность, которая, когда он проснулся, оказалась длиной в каких-то сорок с лишним минут.

Он проверил входящие сообщения Луча. Пусто. Ни одного, даже от Грейнджер. Наверное, он все-таки не понял, как пользоваться этой машиной. Сообщение, отправленное Грейнджер, не было достоверным тестом, поскольку составлено так, что не требует обязательного ответа. Минуту он подумал, а потом написал:

И снова здравствуйте, Грейнджер!

Извините, что беспокою вас, но я не заметил здесь телефона или иного устройства, чтобы связаться с кем-то напрямую. Этого не предполагается?

С наилучшими пожеланиями,

Питер.

Он принял душ, вытерся слегка и снова лег в кровать, все еще голый. Если его сообщения для Грейнджер не дошли и она вдруг явится сюда с минуты на минуту, он завернется в простыню и поговорит с ней через дверь. Если только она не войдет сразу, не постучав. Но она бы так не сделала, правда ведь? Не может же этикет СШИК *настолько* отличаться от общепринятых норм? Он оглядел комнату в поисках подходящего объекта, чтобы подпереть им двери, но ничего не нашел.

Как-то раз, много лет назад, выполняя сложную процедуру запираания церкви на ночь (засовы, врезные замки, навесные и даже цепочка!), он сказал Беатрис, что надо бы им проводить в церкви политику «открытых дверей».

– Но мы же и так ее проводим, – растерялась Би.

– Нет, я имею в виду, нам вообще не следует запирать двери. Пусть стоят открытыми в любое время. Сказано же в Писании: «Не зная, оказали гостеприимство ангелам»⁵.

Она погладила его по голове, словно ребенка.

– Ты прелесть.

– Я серьезно.

– Так наркоманы поведутся.

– У нас же здесь нет наркотиков. И нет ничего, что можно продать ради наркотиков. – Он обвел рукой стены, увешанные детскими рисунками, лавки с уютными старыми подушками, шаткий аналой, штабеля весьма потрепанных экземпляров Библии. Не было там ни серебряных подсвечников, ни антикварных скульптур, ни затейливых украшений.

– Что угодно можно продать за наркотики, – вздохнула Би. – Во всяком случае, кто-то может попытаться, с отчаяния.

И она посмотрела на него так, словно говорила: «Ты же сам все знаешь об этом, правда?»

Разумеется, он знал об этом все. Он просто хотел обо всем забыть.

Несмотря на твердую решимость не спать, пока не появится Грейнджер, если она не получила его сообщения, Питер провалился в сон. Прошло два часа, и, когда он пробудился, комната была неподвижна, а пейзаж за окном не изменился: безлюдные просторы тьмы, испещренные пугливым мерцанием фонарей. Питер зашаркал от кровати прочь и отфутболил по полу что-то непрочное, похожее на коробку из картона: один его носок, вы-сохнув, превратился из хлопчатобумажного в просто бумажный. Он сел к Лучу и прочитал свежее сообщение от Грейнджер, озаглавленное цитатой из его письма «извините, что побеспокоил».

Телефонный звонок побеспокоил бы меня гораздо сильнее, – писала она, – особенно во время сна. Нет, телефонов здесь нет. СШИК пытался наладить здесь телефонную связь в ранние годы, но она колебалась от паршивой до вовсе никакой. Атмосфера здесь неподходящая, слишком плотная или что-то вроде того. Так что мы обходимся без телефонов. И ничего. Давайте признаем, что большая часть телефонных разговоров – пустая трата времени. У нас повсюду имеются красные кнопки для экстренных случаев (ими еще ни разу не пользовались!). Наши рабочие графики отпечатаны в общем реестре, так что мы всегда знаем, где нам быть и что делать. Если надо поговорить, мы общаемся лицом к лицу, если не слишком заняты, а если слишком, то болтать некогда. Если нужно сделать общее объявление, мы пользуемся громкой связью. Можно также использовать Луч, но большинство предпочитает обсуждать

⁵ «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство ангелам» (Евр. 13: 2).

все при встрече. Здесь каждый сотрудник – эксперт в своей области, и обсуждение может стать довольно специфическим, перегруженным техническими подробностями обменом мнениями, как немедленно решить ту или иную проблему в сложившейся ситуации. А что-то писать на более-менее понятном другим языке, а потом сидеть и ждать ответа – это кошмар. Надеюсь, это поможет. Грейнджер.

Он усмехнулся. Одним предложением она быстренько смыла в унитаз тысячулетнюю историю письменной коммуникации, перед тем отправив на свалку полтора столетия телефонной связи. Финальный аккорд тоже премилый: «Надеюсь, это поможет». Смахивает на дерзость.

Все еще улыбаясь и воображая мальчишескую физиономию Грейнджер, он поискал сообщения от Беатрис, уже без особой надежды. Длинный свиток с текстом развернулся на весь экран, и, поскольку он появился мгновенно, обойдясь без суеты и фанфар, Питер не сразу осознал, что это такое. Экран наводнили буквы. Питер взгляделся в словарный рой и выхватил имя – Джошуа. Пучок из шести букв, бессмысленный для большей части человечества, прыгнул в его душу и ожил в ярких образах: лапы Джошуа, с такими забавными белыми пушками между розовых подушечек, Джошуа, весь покрытый известковой пылью после соседского ремонта, Джошуа, совершающий свой головокрумный цирковой прыжок с холодильника на гладильную доску, Джошуа, скребущийся в кухонное окно, его нежное мяуканье, неслышное за шумом дороги в час пик, Джошуа, спящий в корзине с только что отглаженным бельем, Джошуа на кухонном столе, трущийся пушистой мордой о глиняный заварочный чайник, который никогда не использовался ни для чего иного, Джошуа в кровати между ним и Би. А потом он увидел Би: Би, укрытая только половинкой желтого пухового одеяла, неспособная пошевелиться, потому что кот развалился и спит поперек ее бедер. Грудь Би, ребра и соски, проступающие из-под ее любимой футболки, слишком старой, чтобы носить ее на людях, но зато в самый раз для сна. Шея Би, длинная и гладкая, за исключением двух бледных морщинок, похожих на рубцы. Рот Би, ее губы.

Милый Питер! – начиналось ее письмо.

О, как же дороги ему эти слова! Даже если бы не было в ее письме больше никаких других, он был бы удовлетворен. Он бы читал и перечитывал: «Милый Питер, Милый Питер, Милый Питер», снова и снова, не из тщеславия, нет, просто потому, что это были ее слова, предназначенные ему.

Милый Питер!

Я плачу от облегчения, когда пишу эти слова. Узнав о том, что ты живой, я вся встрепенулась, и у меня кружится голова, как будто я на месяц затаила дыхание, а теперь снова дышу. Слава Богу, Он сохранил тебя живым и невредимым. Как там у тебя, в том месте, где ты сейчас находишься? Я имею в виду не комнату, а то, что снаружи, вообще всю местность вокруг. Сделал ли ты какие-нибудь фотографии? Обо мне не тревожься, я не состарилась на пятьдесят лет, и у меня даже не прибавилось морщин с тех пор, как мы виделись в последний раз. Только мешки под глазами от недосыпа (подробности позже).

А если серьезно, последние четыре недели были очень тяжелыми из-за неизвестности, добрался ли ты невредимым или уже умер и никогда больше ничего мне не расскажешь. Я все ходила кругами вокруг этой машины, хотя прекрасно знала, что сто лет еще не будет никаких

сообщений. А потом, когда наконец пришло твое письмо, меня даже не оказалось дома. Я застряла на работе. Я закончила свое утреннее дежурство, которое прошло без происшествий, и уже собралась домой, но без четверти три стало ясно, что у нас не хватает троих: Лия и Оуэн сообщили по телефону, что больны, а Сюзанна просто не пришла. Начальство не обрадовалось, конечно, и меня попросили остаться на вторую смену, и я осталась. А в одиннадцать вечера угадай что случилось? Половина ночной смены тоже не явилась! Так что меня принудили остаться в третью смену. Верх беззакония, но кого это волнует?

Наш сосед Тони согласился забежать и покормить Джошуа, но был не слишком рад, когда я ему позвонила. «У всех свои проблемы», – сказал он. Тем более надо помогать друг другу, чуть не сказала я. Но у него был очень расстроенный голос. Если такое случится еще раз, мне придется просить студенток из дома с другой стороны. Надо будет, наверное, научить их пользоваться консервным ножом.

Кстати, о Джошуа; он не очень хорошо переносит твое отсутствие. Просыпается в четыре утра и мяукает мне в ухо, а потом демонстративно плюхается на твою половину кровати. И после этого я лежу без сна, пока не приходится вставать и собираться на работу. Ох, вот они радости матери-одиночки.

Я скрупулезно проверяю все новости на телефоне, на случай если мне что-то сообщат о тебе. СШИК ведь не самая известная организация в мире, правда? До того как они связались с тобой, мы ведь даже ничего о них не слышали. Но все же...

В любом случае теперь ты в безопасности, и я испытываю неописуемое облегчение. Я наконец перестала трястись, и дурман отступил слегка. Я без конца перечитываю оба твоих сообщения! И да, ты прав, решив, что лучше написать мне, когда твои мозги набекрень, чем не написать вовсе. Перфекционизм – не наш путь.

Вот еще вспомнила: пожалуйста, хватит переживать о том, что случилось, когда мы в последний раз занимались любовью. Я и тогда сказала, и сейчас говорю тебе: все в порядке (было и есть). По опыту знаю, что оргазм – не самое главное в моей жизни, уж поверь мне.

И еще: не беспокойся о том, что эти парни (Северин и прочие) думают о тебе. Это не важно. Ты отправился на Оазис не для того, чтобы произвести впечатление на них. Ты совершил это путешествие ради тех душ, которые никогда не слышали о Христе. В любом случае у этих ребят наверняка полно работы на Оазисе, и ты нечасто будешь видеться с ними.

Не могу вообразить себе оазианский дождь по твоему описанию, но зеленая вода слегка настораживает. Погода у нас испортилась, как только ты уехал. Каждый божий день сильный ливень. Не могу сказать, что он «висит кисеей», больше подходит сравнение «как из ведра». В центральных графствах многие города затопило, машины плывут по шоссе и тому подобное. У нас все в порядке, только унитаз медленно опорожняется, после того как спустишь воду, и в душе, кстати, та же беда со сливом. Не знаю, в чем там причина. И слишком занята, чтобы проверить.

Жизнь у нашей паствы бьет ключом. Ситуация у Миры (или Мирры?) с ее мужем достигла критической точки. Она наконец призналась ему, что посещает нашу церковь, и у него сорвало крышу, вернее, если быть более точной, он сорвал зло на Мире и ударил ее. Несколько раз. Лицо у Миры – сплошное опухшее месиво, она почти не видит. Она говорит, что хочет от него уйти и нуждается в нашей (моей) поддержке с юридической точки зрения – жилье, работа, льготы и т. п. Я уже сделала несколько предварительных звонков (т. е. провела за этим пока что несколько часов), но все они в основном предоставляют кредиты. Ее надежды на независимость пока что весьма призрачны. Она едва говорит по-английски, у нее нет никакой квалификации, и, если начистоту, интеллект у нее, по-моему, гораздо ниже среднего. Я вижу свою роль в эмоциональной поддержке, пока ее лицо немного не заживет и она не возвратится к мужу. Надеюсь, наш дом не станет местом арабского убийства чести. Уверена, это ужасно травмировало бы Джошуа.

Знаю, звучит легкомысленно, но в глубине души я не считаю, что Мира (или Мирра, надо узнать, как точно пишется ее имя, вдруг мне придется заполнять для нее анкеты для кризисного займа и т. п.) готова получить поддержку и опору, которую она получила бы, вручив свое сердце Христу. Мне кажется, что ее привлекла дружеская атмосфера нашей церкви и заманчивая идея стать свободной женщиной. Она считает приверженность христианской Церкви чем-то вроде членства в спортивном клубе, в который можно записаться.

Ну что, смотрю на часы – уже полвторого ночи, ничего хорошего для меня, потому что Джошуа обязательно разбудит меня через два с половиной часа, а я еще не ложились даже. Снова слышен шум дождя. Я люблю тебя и скучаю по тебе. Ни о чем не тревожусь. Доверься Иисусу. Он совершил с тобой этот путь (жаль только, что меня там нет). Помни, что Иисус ведет тебя даже тогда, когда ты не уверен в своих силах.

Что касается нашего старого друга святого Павла, то он может не одобрить того, как часто я жалею, что не могу вот прямо сейчас свернуться калачиком в постели у тебя под боком. Но да, стоит вспомнить его мудрые высказывания по другим поводам. Родной мой, мы оба знаем, что последствия твоего путешествия пройдут, ты отдохнешь и больше не сможешь сидеть в своей уютной квартирке, писать эпистолы ко мне и созерцать дождь. Как сказал святой Павел, «со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем»⁶.

И помни, я думаю о тебе!

Джошуа целует тебя, обнимает и бодает лбом.

Беатрис

Питер перечитал письмо раз восемь или девять, все никак не мог от него оторваться. Потом вытащил свою дорожную сумку – ту, которую девушка у стойки регистрации в Вирги-

⁶ Кол. 4: 5.

нии сочла слишком маленькой для трансатлантического перелета в один конец, положил ее на кровать и расстегнул молнии. Пора одеться для работы.

Помимо Библии, блокнотов, второй пары джинсов, блестящих черных туфель, спортивных штанов, сандалий, трех футболок и трех пар носков и трусов, в сумке находился один наряд, который казался экзотически-бесполезным, когда Питер упаковывал его. Питеру казалось, что шансов облачиться в этот наряд у него не больше, чем шансов надеть пачку или смокинг. На собеседованиях в СШИК никто не настаивал на каком-то особом дресс-коде на Оазисе, но ему сказали, что, если он собирается большую часть времени проводить на открытом воздухе, ему следует обзавестись одеждой в арабском духе. Конечно, ему ясно дали понять, что он горько пожалеет, если не последует этому совету. Так что Беатрис купила ему арабскую робу – дишдашу – на местной распродаже мусульманской одежды.

– Это самая простая, какую я смогла найти, – сказала она, демонстрируя ему эту робу за несколько ночей до отлета. – А там каких только не было – и с золотой парчой, и с блестками, и вышитой каймой...

Он приложил одеяние к себе:

– Она слишком длинная.

– Зато тебе не понадобятся штаны, – сказала Би с полуусмешкой. – Под ней ты можешь ходить голым.

Он поблагодарил ее, но примерять не стал.

– Уж не вообразил ли ты, что это слишком девчоночья одежда, а? – спросила Би. – Как по мне, выглядит очень мужественно.

– Сойдет, – сказал он, упаковывая робу с глаз долой.

Не женскость наряда беспокоила его. Просто он не мог себя представить фланирующим, словно актер в старом фильме на библейский сюжет. Одеяние это казалось ему излишне тщеславным, не имеющим ничего общего с современным христианством.

Первая же прогулка в оазисанской атмосфере все изменила. Питерова джинсовая куртка, все еще валявшаяся бесформенной кучей на полу, высохла и стала жесткой, словно парусина. Пижамого вида штаны и рубаша в арабском стиле, какие он видел на многих работниках СШИК, были, наверное, идеальной альтернативой, но и его дишдаша длиной по шиколотку тоже должна быть хороша. Можно надеть ее с сандалиями. И что с того, что он будет похож на маскарадного шейха? Зато практично. Он вынул дишдашу из сумки и расправил ее.

К его ужасу, вся роба была заляпана черными чернилами. Шариковые ручки, взорвавшись во время полета, выплюнули свое содержимое прямо на белое полотно. К несчастью, он еще и поплотнее утрамбовал вещи в сумке перед тем, как покинуть корабль, отчего чернильные пятна отпечатались множество раз, напоминая тест Роршаха.

И все-таки... все-таки... Он встряхнул робу и оглядел, держа на расстоянии вытянутой руки. Случилось нечто удивительное. Чернильные узоры совершенно произвольно сложились в крест, христианский крест – прямо посередине груди. Если бы чернила были не черные, а красные, то одеяние выглядело бы почти как рубашка средневекового крестоносца. Почти. Пятна были неопрятные, с брызгами и лишними линиями, портившими превосходный дизайн. Однако... однако... в этих еле заметных пятнышках под перемычкой креста можно было увидеть скелетообразные руки распятого Христа... а в эти колющих брызгах над крестом – разглядеть терновый венец Иисуса. Он потрянул головой: его слабость всегда была в том, что он в каждом явлении прочитывал слишком многое. Но все-таки вот он – крест на его одежде, там, где прежде никакого креста не было. Он потер чернильное пятно, чтобы проверить, не пачкает ли оно пальцы. Кроме одного чуть-чуть клейкого пятна в самом центре, все были сухими. Можно надевать.

Он натянул дишдашу через голову и позволил прохладному полотну соскользнуть по коже, обвивая его наготу. Посмотревшись в окно вместо зеркала, он убедился, что Би выбрала

безошибочно. Роба сидела на нем, как будто некий портной с Ближнего Востока измерил ширину его плеч, раскроил и сшил ее специально по его мерке.

Окно, служившее ему зеркалом, снова стало окном, как только снаружи вспыхнули огни. Две сияющие точки, словно глаза какого-то чудовища, приближались к нему. Он подошел вплотную к стеклу и вгляделся пристальнее, но автомобильные фары исчезли сразу, как только он догадался, что они такое.

6

Вся его жизнь вела к этому

Рандеву женатого мужчины с посторонней женщиной, когда оба далеко от дома, в сомнительные часы перед рассветом. Если бы ситуация и была хоть немного предосудительной и грозила осложнениями, Питера это бы не сильно заботило. И он, и Грейнджер оба работали, и Бог не спускал с них глаз.

Кроме того, реакция Грейнджер, когда он открыл дверь на ее стук, вряд ли обнадеживала. Она будто не поверила своим глазам – классический мультипликационный трюк. Ее голова дернулась, да так сильно, что он подумал, Грейнджер сейчас отшатнется обратно в коридор, но она лишь качалась на каблуках и не отрывала от него взгляда. Конечно, огромный чернильный крест на груди провоцировал. Глядя на себя ее глазами, Питер вдруг засмутился.

– Я последовал вашему совету, – попробовал он пошутить, одергивая рукава дишдаши. – Насчет джинсовой куртки.

Она не улыбнулась, просто стояла и смотрела.

– Вы могли бы пойти, ну, в лавку, где продают футболки, – наконец сказала она, – и вам бы сделали это... мм... профессионально.

Ее собственная одежда не изменилась с последней встречи: все та же белая спецовка, штаны, косынка на голове. Не традиционная западная одежда, безусловно, но каким-то образом на ней она выглядела более естественно, менее вызывающе, чем его собственный прикид.

– Крест... это случайно, – объяснил он. – Целая связка шариковых ручек взорвалась.

– А... Ну ладно, – ответила она. – Хорошо, тогда это создает непритязательный образ. Любительство, но в хорошем смысле.

Этот снисходительный дипломатический жест заставил его улыбнуться.

– Вы полагаете, что я выгляжу как пижон?

– Кто?

– Выпендрейщик.

Она повернула голову в направлении выхода в конце коридора:

– Не мне об этом судить. Вы готовы?

Бок о бок они вышли из здания во мрак. Теплый воздух обьял их с ароматным воодушевлением, и Питер сразу почувствовал, что его сомнения в своей одежде улетучиваются, она была идеальна для здешнего климата. Везти старую одежду на Оазис было бессмысленно, и он теперь понял это. Он должен создать себя заново, и это утро было самым подходящим для начала.

Автомобиль Грейнджер был припаркован прямо рядом с выходом, под светом фонаря, выдававшегося на бетонном фасаде. Это была большая военизированная машина, куда более мощная, чем колымага, на которой ездили Питер и Би.

– Я крайне признателен, что вы позаботились о машине для меня, – сказал Питер. – Подозреваю, что их число ограничено. Топливо и всякое такое...

– Лучше держать их на ходу, – сказала Грейнджер. – Иначе они загнутся. Технически говоря. Влажность – это убийца. Давайте я вам кое-что покажу.

Она подошла к машине и нажала на рычажок под капотом. Питер старательно наклонился и посмотрел на мотор, хотя понятия не имел о внутреннем устройстве автомобилей, даже на том уровне, которого достигла Би, зная, как заливать масло или антифриз или как прилаживать провода к аккумулятору.

– Это... мерзость, – сказал он и засмеялся собственной бестактности.

Но что правда, то правда, весь двигатель был заляпан жирной массой, вонявшей, как просроченный кошачий корм.

– Определенно, – согласилась Грейнджер, – но надеюсь, вы понимаете, что это не разрушение, а наоборот. Предохранение.

– О!

Она нажала на крышку, не хлопнув, а просто приложив силу, достаточную, чтобы капот лег на свое место.

– Чтобы смазать машину вроде этой, требуется час. А если две, то смердишь весь день.

Он попытался понюхать ее чисто инстинктивно или, по крайней мере, чтобы вспомнить, как она пахла до того, как они вышли в сырой воздух. Она пахла нейтрально. И даже приятно.

– Смазывание машин – это одна из ваших обязанностей?

Кивком она велела ему забираться в салон.

– Мы все время от времени что-то смазываем.

– Весьма демократично. Никто не жалуется?

Он открыл дверцу со своей стороны и тоже сел. Она подождала, пока он не устроится на сиденье, и повернула ключ; мотор набрал обороты.

– А люди наверху? – спросил он. – Они тоже делают грязную работу?

– Люди наверху?

– Ну... администрация. Начальство, или как вы их тут называете.

Грейнджер заморгала, как будто ее спросили об укротителях тигров или клоунах.

– У нас нет начальства, – сказала она, переключив передачу. – Мы все вносим свою лепту, посменно. Совершенно очевидно, что нужно делать. Если возникают разногласия, мы голосуем. В большинстве случаев мы следуем инструкциям СШИК.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой? – Грейнджер покачала головой. – Без обид, но то же самое некоторые люди говорят о религии. А не о простом списке обязанностей для того, чтобы моторы машин крутились.

Риторика была уверенная, но что-то в голосе Грейнджер заставило Питера подозревать, что она сама не шибко верила в то, что говорит. В голове у него имелся довольно чувствительный радар для улавливания сомнений, которые люди прячут за своей бравадой.

– Но должен же быть кто-то, – настаивал он, – отвечающий за проект в целом?

– Конечно, – ответила она.

Машина набирала скорость, и огни здания быстро исчезали во мраке.

– Но они далеко. Не можем же мы ждать, пока они все за нас решат, правда?

Они мчались во мраке к невидимому горизонту и жевали хлеб с изюмом. Грейнджер расположила большую свежую булку между сиденьями, уперев ее в рычаг переключателя скорости, и они оба отламывали кусок за куском.

– Вкусно, – сказал он.

– Местная выпечка, – сказала она с ноткой гордости в голосе.

– Включая изюм?

– Нет, кроме изюма. И яиц. Но мука, жиры, сахар и сода – здешние. И пекли здесь. У нас своя пекарня.

– Прекрасно. – Он прожевал еще один кусок, проглотил.

Они покинули территорию базы пятнадцать минут назад. Пока не случилось ничего примечательного. В лучах фар ничего не было видно, да и лучи эти были единственным светом на многие мили вокруг. Питер думал о том, что мы проводим большую часть жизни, изолированные в маленьких клочках электрического сияния, слепые ко всему, что лежит за пределами хрупких колбочек.

– А когда рассвет? – спросил он.

– Еще три-четыре часа, – сказала она. – Или даже два.

Я не уверена, так что не ссылайтесь на меня. Это постепенный процесс. Не столь эффективный.

Они ехали прямо по грубой, некультуренной земле. На ней не было ни дороги, ни следов шин или иного свидетельства, что кто-нибудь когда-либо ехал или шел здесь раньше, хотя Грейнджер уверяла его, что ездит здесь постоянно. Несмотря на мягкую вибрацию амортизаторов, трудно было представить, что они действительно движутся, когда вокруг не было ни колеи, ни света. Куда ни глянь – везде одно и то же. Грейнджер иногда посматривала на приборную панель, где располагался навигатор, предупреждавший, если они сбивались с пути.

Пейзаж или то немногое, что Питер мог видеть в темноте, был на диво скудным, учитывая климат планеты. Шоколадно-коричневый грунт, да еще утрамбованный так сильно, что шины катились гладко, без тряски. Там и тут можно было заметить пятна белесых грибов или полосы, покрытые чем-то зеленоватым, похожим на мох. Никаких деревьев, кустов или хотя бы травы. Темная, влажная тундра.

Он отломил еще один кусок булки с изюмом. Булка уже потеряла свою привлекательность, но он был голоден.

– Я не думал, – заметил он, – что яйца могут пережить Скачок. Я себя чувствовал яичницей-болтуньей.

– Яичный порошок, – уточнила Грейнджер. – Мы используем яичный порошок.

– Ну да, конечно.

Через боковое окно Питер заметил одинокий водоворот дождя на, в общем-то, пустом небе, извилистый блеск сверкающих капель, чертовым колесом несущийся к земле. Поток направлялся не туда, куда мчались они, так что Грейнджер пришлось бы изменить маршрут, чтобы попасть под дождь. Питер подумал, что мог бы попросить ее проехать под дождем, просто ради развлечения, подобно детям, бегущим за вращающимся садовым разбрызгивателем. Но она была сосредоточена на навигации, вглядывалась в бездорожье, руки ее вцепились в руль. Мерцающие водовороты дождя потускнели, когда лучи прожектора миновали их, а потом исчезли во мраке позади.

– Итак, – сказал Питер, – расскажите мне то, что вы знаете.

– О чем? – Ее доброжелательность как ветром сдуло.

– О людях, которых мы вскоре встретим.

– Они не люди.

– Вот что... – Он глубоко вздохнул. – Давайте так, Грейнджер. Давайте сойдемся на термине «люди» в его широком смысле – «обитатели». Этимология слова ведь хорошо известна, посему это и есть «обитатели», так или иначе. Конечно, мы можем использовать слово «существа», но тут-то и возникает проблема, не правда ли? Я имею в виду, что сам я предпочел бы использовать именно слово «существа», ибо это отошлет нас к значению «нечто существующее». Потому что все мы созданы и существуем, не так ли? Но за столетия слово несколько изменило свой смысл. И дошло до того, что большинство людей видят в этом слове «монстра» или, по крайней мере, «зверя». И вот я думаю: может, стоило использовать слово «животное» для всякого живого существа? Ведь «живот» означает «жизнь», а «животное» – «то, что живет» и описывает в основном все, чему мы пытаемся дать определение, так ведь?

В кабине воцарилось молчание, Грейнджер вела машину, не отрывая глаз от лучей фар, как и раньше. Прошло около тридцати секунд, тянувшихся очень долго, учитывая сложившиеся обстоятельства, прежде чем она сказала:

– Да уж, вас не назовешь необразованным святошей из захолустья.

– Я этого никогда не утверждал.

Она взглянула на него и, поймав его улыбку, улыбнулась в ответ:

– Скажите мне, Питер. Что заставило вас прилететь *сюда* и заняться *этим*?

– Я ничего не решал, – ответил он. – Решил Бог.

– Он отправил вам послание по электронной почте?

– Ага. – Он ухмыльнулся еще откровеннее. – Просыпаешься утром, заглядываешь во входящие на почте своего сердца и смотришь, что там загрузилось. Иногда там можно найти сообщение.

– Это довольно банальное описание.

Улыбка погасла на его лице не потому, что он оскорбился, но потому, что дискуссия приняла серьезный оборот.

– Большинство истин довольно банальны на самом деле. Но мы усложняем их из чистого стеснения. Простые истины покрыты одеждой сложности. Единственный смысл лингвистической одежды в том, чтобы люди не увидели содержимого наших обнаженных сердец и разума и не сказали: «Отстой!»

Она нахмурилась:

– Отстой?

– Это сленг, означающий избитое, банальное, но с небольшим оттенком... э-э... болванистости, экзальтации, придурочности.

– Ух ты! Сленгу вас тоже в воскресной школе учили?

Питер приложился к бутылке с водой:

– Я никогда не посещал воскресную школу. Но окончил «Университет алкоголиков и наркоманов». Защитил диплом в области «Пугания унитазов» и... мм... «Генеральной отлежки в больнице».

– И тогда вы нашли Бога?

– Тогда я нашел женщину по имени Беатрис. Мы полюбили друг друга.

– Мужчины обычно так не выражаются.

– О чем это вы?

– Мужчины говорят: «мы начали встречаться», или «вы можете догадаться, что потом случилось», или что-то подобное. Что-то, что не звучит как...

– Отстой?

– Именно.

– Что ж, мы полюбили друг друга, – повторил Питер. – Я перестал пить и колоться, чтобы произвести на нее впечатление.

– Надеюсь, произвели.

– Да. – Он сделал последний глоток, завинтил крышку на бутылке и отставил ее на пол под ноги. – Хотя она призналась в этом лишь много лет спустя. Рабы привычек плохо справляются с похвалами. Давление обстоятельств опять загоняет их в пьянство и наркоманию.

– Ага.

– И у вас был подобный опыт?

– Ага.

– Хотите об этом поговорить?

– Не прямо сейчас.

Она поменяла позу на сиденье, нажала на газ, они поехали быстрее. Румянец на щеках делал ее более женственной, хотя он подчеркнул шрам на лбу. Она стянула косынку так, что та свободно обвивала шею, ее короткие волосы мышиного цвета дрожали под струей кондиционера.

– Ваша подружка вроде как себе на уме.

– Она моя жена. И да, она умна. Умнее или, по крайней мере, мудрее, чем я, это точно.

– Тогда почему *вас* выбрали для этой миссии?

Питер откинул голову на подголовник:

– Я и сам об этом часто думаю. Полагаю, что у Бога есть другие планы для Беатрис дома.

Грейнджер ничего не сказала на это. Питер посмотрел в окно. Небо чуть просветлело. Или ему только показалось. Особенно большая куча грибов задрожала, когда они промчались мимо.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказал он.

– Я ответила, что не хочу об этом говорить.

– Нет, речь идет о людях, которых мы скоро увидим. Что вы знаете о них?

– Они... мм... – Она боролась с собой несколько секунд, подыскивая верные слова. –

Они предпочитают, чтобы их не трогали.

– Это я уже сообразил. В Брошюрах СШИК нет ни одной фотографии. Я ожидал по крайней мере одну из этих фотографий, где ваше начальство, расплываясь в улыбке, пожимает руки туземцам.

Она хмыкнула:

– Это было бы трудно устроить.

– Они безрукие?

– Конечно, руки у них есть. Но они не любят, когда их касаются.

– Тогда опишите их.

– Это трудно, – вздохнула она. – И мне плохо удаются описания. Мы увидим их очень скоро.

– Ну постарайтесь. – Он захлопал ресницами. – Я буду очень благодарен.

– Ну... они носят балахоны до пят, и на головах у них капюшоны. Как у монахов, наверно.

– Значит, тела у них человеческие?

– Наверно. Трудно сказать.

– Но у них две руки, две ноги, торс...

– Наверняка.

Он потряс головой:

– Вот что меня удивляет. Я всегда говорил себе, что не должен предполагать человеческое тело универсальным стандартом. Так что я пытался вообразить... э-э... большого паука, подумать только... или глаза на стебельках, или огромного безволосого опоссума...

– Огромный безволосый опоссум? – Она просияла. – Мне нравится! Вполне фантастично.

– Но почему у них должно быть тело вроде человеческого, если теоретически оно может быть абсолютно любым? Разве не этого мы ждем от научной фантастики?

– Ага, наверно... или, может, дело в религии? Разве Бог не сотворил Адама по подобию Своему?

– И не только Адама. На иврите «адам» – «человек», готов поспорить, что это значение охватывает оба пола.

– Приятно слышать, – сказала она невозмутимо.

И опять они несколько минут ехали молча. Питер явственно видел, как занимается заря. Легкая дымка света превращала границу неба и земли из темно-аквамаринового над черным в зеленое над коричневым. И если долго смотреть, то возникало сомнение: уж не оптическая ли это иллюзия, галлюцинация, нетерпеливое желание, чтобы ночь миновала.

А что это там, внутри робкого свечения, что это?..

Да, на горизонте было еще что-то. Какие-то возвышенности. Горы? Скалы? Дома? Город? Деловой центр его? Грейнджер упоминала, что «поселение» лежит в пятидесяти милях или около того. Они уже наверняка проехали половину этого расстояния.

– Они различаются полами? – наконец спросил он.

– Кто? – удивилась она.

– Люди, которых мы увидим.

Грейнджер сердито зыркнула на него:

– Почему бы честно не сказать: «инопланетяне»?

– Потому что «инопланетяне» здесь – мы.

Она расхохоталась:

– Мне это нравится! Политкорректный миссионер. Простите меня, но это кажется мне оксюмором.

– Я прощаю вас, Грейнджер. – Он моргнул. – И мое отношение к вам пусть не покажется оксюмором. Бог любит все Свои творения одинаково.

Улыбка сползла с ее лица.

– Мой опыт подсказывает другое, – сказала она.

Тишина спустилась в кабину еще раз. Питер хотел добиться ответа, но передумал. Не в этом направлении. И не сейчас.

– Так что, – невозмутимо переспросил он, – есть у них различия между полами?

– Понятия не имею, – ответила Грейнджер ровным деловым тоном. – Вам придется задрать им балахоны и самому посмотреть.

Они ехали, не разговаривая, еще минут десять-пятнадцать. Булка с изюмом зачерствела на срезе. Дымка света на горизонте стала более явственной. Загадочное сооружение впереди действительно оказалось архитектурным, хотя небо было еще слишком темным, чтобы Питер мог различить формы или детали.

Наконец он сказал:

– Мне надо по-маленькому.

– Без проблем, – откликнулась Грейнджер и остановила машину.

На приборной панели электронный датчик, оценивающий расход бензина за милю, выдал ряд мелькающих цифр и замер на абстрактном символе.

Питер открыл дверцу, и, едва он ступил на землю, тело его оказалось немедленно окутано влажным, шепчущим воздухом. Он уже отвык от этого, проведя много времени в искусственно охлажденном воздухе машины. Ощущение было приятным – эта внезапная роскошь присутствия атмосферы, – но одновременно и угрожающим – то, как воздух сразу проник под рукава рубахи, принялся лизать веки и уши, оросил грудь.

Питер подпернул подол дишдаши к животу и помочился прямо на землю, поскольку пейзаж не предлагал ни куста, ни камня, за которым можно было бы укрыться.

Земля уже была влажная и темно-коричневая, так что ее цвет или плотность не слишком изменились от мочи. И почва немедленно мочу поглотила.

Он слышал, как Грейнджер открыла и захлопнула дверцу со своей стороны. Чтобы не смущать ее, он постоял немного, озирая окрестности. Растения, которые он принимал за грибы, оказались цветами – серо-белыми цветами с розовато-лиловым оттенком, почти светящимися в сумраке. Они росли небольшими опрятными купами. Трудно было различить собственно цветок, листья или стебель – все растение казалось пушистым, кожистым и вдобавок было тонко до прозрачности, как ушко у котенка. Наверно, никакие другие растения не были жизнеспособны в этой части планеты. А может, он просто прилетел не в самое лучшее время года.

Грейнджер хлопнула дверцей, и он поспешил к ней присоединиться. Она втискивала в бардачок картонку с гигиеническими салфетками, когда он усаживался на свое место.

– Ну что ж, – сказала она. – Осталось всего несколько миль.

Он захлопнул дверцу, и кондиционер быстро восстановил комфортный климат в салоне. Питер откинулся на сиденье и вздрогнул, когда струйка ароматного воздуха Оазиса скользнула между лопатками и улетучилась через воротник.

– Должен сказать, что вы построили базу для высадки довольно далеко, проявили уважение, – сказал он. – А вот создателей лондонского аэропорта никогда не заботили нужды местных обитателей.

Грейнджер открутила крышку на бутылке с водой, сделала глубокий глоток, поперхнулась. По подбородку побежал ручеек, и она его промокнула скомканной косынкой.

– На самом деле... – она прокашлялась, – когда мы только построили базу, местные... э-э... обитатели жили всего в двух милях. А потом они взяли и ушли. И все унесли с собой. Буквально *все*. Пара наших ребят прошерстила бывшее поселение, когда все закончилось. Ну, чтобы узнать о них что-нибудь по тому, что осталось. Но все было вычищено под ноль. Стояли остовы домов – и всё. Ни грибочка не осталось на прежнем месте.

Она сверилась с прибором на панели:

– Они, наверное, целую вечность шли пешком эти пятьдесят миль.

– Судя по всему, они высоко ценят невмешательство в свою жизнь. Если только...

Он колебался, обдумывая, как поддипломатичнее спросить, не нанес ли им СШИК какое-то немыслимое оскорбление. Пока он подбирал слова, Грейнджер уже отвечала:

– Это было как гром среди ясного неба. Они просто сказали нам, что уходят. Мы спросили их, не делаем ли мы что-то неправильно. Ну, если есть проблемы, то мы все уладим, чтобы они передумали. Нет, ответили они, никаких проблем.

Грейнджер нажала на газ, и они помчались снова.

– Когда вы говорите «мы спросили», – поинтересовался Питер, – вы подразумеваете «мы», как если бы...

– Лично я в переговорах не участвовала, нет.

– Вы знаете их язык?

– Нет.

– Ни слова?

– Ни единого.

– Тогда... э-э... насколько хорошо они говорят по-английски? Я хочу сказать, что пытался узнать это и раньше, но никто прямо не отвечал.

– Но прямо ответить невозможно. Некоторые из них... может, даже большинство, не... э-э... – Голос сошел на нет.

Она закусила губу:

– Слушайте, вам не понравится, что я скажу. А мне этого не хотелось бы. Дело в том, что мы не знаем, сколько их вообще тут. Отчасти потому, что они прячутся, отчасти потому, что мы не умеем их различать... При всем уважении, но просто не умеем. Мы общаемся с несколькими из них. С десятком от силы. А может, их всего пять или шесть; если они меняют одежду, трудно сказать. И они немного говорят по-английски, достаточно для общения.

– Кто их учил?

– Я думаю, они просто сами нахватались, не знаю. – Она взглянула в зеркало заднего обзора, как если бы затор позади отвлек ее от ровного движения. – Вам бы у Тартальоне спросить. Если бы он еще был с нами.

– Что, простите?

– Тартальоне был лингвистом. Он прибыл сюда, чтобы изучать их язык. Собирался составить словарь и всякое такое... Но он... э-э... исчез.

Питер обдумывал сказанное несколько секунд.

– Да уж, – сказал он, – вы просто кладёшь полезной информации, так? Если ждать достаточно долго, что-нибудь да всплывет...

Она вздохнула, снова впадая в раздражение.

– Я уже рассказала вам все, что знаю, когда сопровождала вас после посадки.

Это оказалось для него новостью. Он напрягся, чтобы вспомнить, как они вместе шли на базу в первый день его пребывания на планете. Слова испарились. Все, что он помнил, – это как она шла рядом.

– Простите меня. Я тогда очень устал.

– Вы прощены.

Путешествие продолжалось. В сотне метров от них в стороне виднелся еще один водоворот дождя, кувывкавшегося над землей.

– Можно проехать сквозь него?

– Конечно.

Она слегка вильнула, и они рассекли завихрение сверкающих капель, сразу же покрывшего их сказочно-ярким облаком.

– С ума сойти, да? – заметила Грейнджер без всякого выражения, включив дворники.

– Красота, – сказал он.

Прошло еще несколько минут, очертания на горизонте превратились в безошибочные контуры строений. Ничего особенного или монументального. Квадратные блоки – как небо-скребы Британии, дешевые, утилитарные жилища. Совсем не алмазные шпили фантастического города.

– Как они себя называют? – спросил Питер.

– Ни малейшего понятия, – ответила Грейнджер. – Нечто непроизносимое, полагаю.

– И кто назвал это место Оазисом?

– Девчушка из Оскалузы, штат Айова.

– Вы шутите!

Она взглянула на него озадаченно:

– Вы ничего об этом не читали? Это ж единственное, что обыватель знает про Оазис. В газетах было полно статей, и один раз девчушку показывали по телевизору.

– Я не читаю газет и не смотрю телевизор.

Теперь пришел ее черед сказать:

– Вы шутите! Он улыбнулся:

– Я не шучу. Однажды Господь прислал мне сообщение с таким текстом: «Выбрось телевизор, Питер, это пустая трата времени». Что я и сделал.

Она тряхнула головой:

– Я уже и не знаю, как вас понимать.

– Буквально, – ответил он. – Всегда буквально. Ну ладно, девчушка из... э-э...

– Оскалузы. Она выиграла конкурс «Назовите новый мир». Я поражена, что вы не слышали об этом. Там было сотни тысяч предложений, большинство невероятно глупые. Все равно как праздник болванов. Персонал СШИК в здании, где я работала, коллекционировал наилучшие названия. И каждую неделю у нас появлялись новые победители. Мы использовали их для собственного конкурса по наименованию кладовки уборщиков. «Nuvo Opportunus» – это был потрясающий вариант. «Сион-два», «Атланта», «Арнольд» – это настоящий блин комом, думала я. «Splendoramus». И... «Эйнштейния». Забыла остальные. О, вот: «Приют путника» – или вот: «Новообретенная планета», «Servix», «Хендрикс», «Элвис». И так далее и тому подобное.

– А девчушка?

– Ей повезло, наверно. Вероятно, еще сотни придумали этот «Оазис». Она выиграла пятьдесят тысяч долларов. Семье пригодилось, потому что мать ее только что потеряла работу, а у отца нашли какую-то редкую болезнь.

– И как закончилась эта история?

– Как и ожидалось. Папа умер. Мама рассказала об этом по телевизору и стала алкоголичкой. Потом средства массовой информации перешли к другим новостям, и никто не узнает, что потом случилось.

– Не помните имя девочки? Я хотел бы помолиться за нее.

Грейнджер раздраженно сжала руль и закатила глаза:

– Пфф-жалуйста! Миллионы американцев молились за нее, и все равно ее жизнь пошла наперекосяк.

Он молчал, глядя перед собой. Секунд сорок они ехали в полной тишине.

– Коретта, – сказала она наконец.

– Спасибо! – воскликнул Питер.

Он попытался вообразить Коретту, чтобы она была больше чем имя, когда он будет за нее молиться. Любое лицо лучше, чем никакое. Он вспомнил всех детей, которых знал, детей в его общине, но те, кто приходил на ум, были или слишком взрослыми, или слишком юными, или мальчиками. В любом случае, как священник в своей церкви, он не слишком часто стал-кивался с малышами, Би уводила их в отдельную комнату играть во время проповедей. Он был осведомлен об их присутствии, когда проповедовал; стены не отличались толщиной, так что когда он делал паузы для вящего эффекта, молчание часто заполнялось смехом или обрывками песен или даже детским галопом. Но он не знал ни одного ребенка лично.

– Эта Коретта, – уточнил он, рискуя нарваться, – она черная или белая?

Один ребенок всплыл в его памяти, дочь сомалийской пары, щекастая девочка, всегда одетая как миниатюрная красotka с Юга... как ее звали? Лулу. Прелестное дитя.

– Белая, – отозвалась Грейнджер. – Блондинка. Или рыженькая, я забыла. Давно это было, а теперь не проверишь.

– Может, поискать?

Она моргнула:

– Поискать?

– На компьютере или еще где...

Не успев договорить, он сам понял, насколько глупо это звучит. Оазис находился бесконечно далеко от любых информационных трасс, тут не было ни Всемирной паутины, выложенной лакомыми кусочками банальности, ни трудолюбивых поисковых систем, предлагающих миллионы Оскалуз и Коретт. И если то, что вы хотите найти, нельзя найти в чемодане – книги, волшебные диски, флешки, старые номера журнала «Гидравлика», – то выбросите свою идею из головы.

– Извините, – сказал он, – мысли путаются.

– Эта атмосфера кого угодно запутает, – согласилась она. – Ненавижу, как она *давит*. Даже прямо в уши залезает. Никогда не оставляет в покое. Иногда хочется...

Она не продолжила мысль, просто, выдвинув губу, выдохнула вертикально вверх, потревожив мокрую прядь на лбу.

– Бессмысленно обсуждать с нашими ребятами, они уже привыкли, они ничего не замечают. Может, даже получают удовольствие.

– Может, им тоже туго приходится, но они не жалуются.

Лицо ее застыло.

– Хорошо, сообщение принято, – сказала она.

Питер мысленно вздохнул. Мог бы и подумать, прежде чем рот открывать. Что это с ним сегодня? Обычно он весьма тактичен. Наверно, действительно атмосфера, как сказала Грейнджер. Он всегда думал, что мозг его непроницаем для окружающего, в полной безопасности под костяной скорлупой, но в этой новой среде изоляция нарушилась, и мозг поражен коварными испарениями. Он смахнул пот с век и попытался сосредоточиться на все сто процентов, глядя вперед, уставившись в затуманенное пылью ветровое стекло. Местность, чем ближе они приближались к цели, давала все больше пищи для воображения, становилась менее однообразной. Частишки липкой почвы, отброшенные колесами, обволакивали машину ореолом грязи. Очертания поселения аборигенов казались угрюмыми и неприветливыми одновременно.

И вдруг величие замысла задело его за живое. До сих пор все крутилось вокруг него и его способности пребывать в мире с самим собою, выжить в пути, восстановиться после Скачка, приспособиться к новой, непривычной атмосфере, оправиться от шока разлуки. Но здесь присутствовало и нечто иное. Масштаб неизвестности оставался все таким же огромным, независимо от самочувствия Питера, а сам Питер приближался к непроходимым барьерам чуждого, которое существовало отрешенно от него, уставшего или отдохнувшего, безразличное к тому, слезились у него глаза или были зорки, были эти глаза проницательны или недальновидны.

Вспомнился псалом сто тридцать восьмой – как всегда, когда Питер нуждался в утешении. Но сегодня напоминание о всеведении Бога не принесло облегчения, напротив, оно увеличило чувство тяжести. *Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их! Стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка.* Все до единой пылинки грязи, летевшие из-под колес, походили на истины, которые он должен был познать, невероятное количество правды, на которую у него не было ни времени, ни сил. Он не был Богом, и, возможно, только Бог способен сделать здесь то, что надо было сделать.

Грейнджер снова включила дворники. Сначала вид из окна исчез, а потом стекло очистилось, и поселение аборигенов появилось во всей своей красе, освещенное теперь восходящим солнцем. И солнце все изменило.

Да, миссия его была устрашающая, и да, он сам находился не в лучшей форме. Но он уже здесь, на пороге встречи с совершенно неведомым народом – встречи, избранной для него Богом. И даже если это было предопределено не судьбой, все равно встреча будет прекрасной и удивительной. Вся его жизнь – он понимал это теперь, когда фасады таинственного города вырастали перед ним, скрывая невообразимые чудеса, – вся его жизнь вела к этому.

7

Одобрено, отправлено

– Итак, – сказала Грейнджер, – мы на месте.

Иногда такая очевидная сентенция – единственный способ движения вперед. Все равно что дать жизни торжественное позволение продолжаться.

– С вами все в порядке? – спросила она.

– Ну да, – ответил он, ерзая на сиденье. Тошнота, донимавшая его на базе, подкатила снова. – Наверно, я слишком взбудоражен. В конце концов, в первый раз же.

Она взглянула на него, и этот взгляд он прекрасно понимал, он видел его тысячи раз, служа пастором, взгляд, говорящий: не о чем беспокоиться, весь мир – сплошное разочарование. Он как-нибудь справится с этим взглядом позднее, если сможет.

Между тем ему пришлось признать, что окружающее не внушало ни ужаса, ни благоговения. Поселение на Оазисе вряд ли можно было назвать городом. Скорее, пригородом, возведенным посреди пустыни. Без улиц в обычном понимании, тротуаров, дорожных знаков, машин и, несмотря на тусклый свет и густую предрассветную тень, без фонарей или иных свидетельств электричества или огня. Просто группа строений на голой земле. Сколько их всего? Питер не мог подсчитать. Может, сотен пять. Может, больше. Они располагались беспорядочными кучками, от одноэтажных до трехэтажных домов, все с плоскими крышами. Здания были сложены из кирпича, явно сделанного из той же глины, что лежала под ногами, но обожженной до гладкости мрамора и цвета карамели. Вокруг не было ни единой души. Все окна и двери закрыты наглухо. Нет, не совсем так, поскольку двери не были из дерева, а окна – из стекла, это были просто дыры в домах, задернутые шторами из бусин. Бусинки на нитях отличались хрустальной прозрачностью, как изысканные ожерелья. И медленно покачивались на ветру. И никто не сдвигал нити, чтобы выглянуть наружу, никто не выходил.

Грейнджер остановила автомобиль прямо перед домом, который выглядел как все остальные строения, за исключением того, что на нем краской была нарисована белая звезда, нижний луч которой чуть подтек, когда ее рисовали, да так и высох. Питер и Грейнджер вышли и отдались объятиям воздуха. Грейнджер обернула голову косынкой, закрыв нос и рот, как будто подозревала воздух в недостаточной чистоте. Из кармана штанов она вытащила металлическую штукловину, и Питер предположил, что это какое-то оружие. Она направила железяку на машину и дважды спустила курок. Мотор заглох, а небольшая дверка в задней части машины открылась.

Когда мотор умолк, звуки поселения Оазиса ворвались в воздушные пути, как пройдошливая дикая природа. Журчание бегущей воды из невидимого источника. Время от времени приглушенный звон или удар, предполагающий обыденную борьбу с домашней утварью. Далекие скрипы и фыркание, возможно, птиц, или детей, или каких-то механизмов.

А совсем рядом – неразборчивый ропот голосов, тихий и говорливый, исходящий из домов равномерным гулом. Место это, несмотря на внешний вид, не было городом привидений.

– Так что, нам следует просто прокричать приветствие? – спросил Питер.

– Они знают, что мы здесь, – ответила Грейнджер. – Поэтому и прячутся.

Ее голос, слегка приглушенный косынкой, звучал напряженно. Она сплела руки на груди, и он заметил темный язычок пота на подмышках ее спецовки.

– Сколько раз вы бывали здесь? – поинтересовался он.

– Раз десять. Я привожу им лекарства.

– Вы шутите!

– Я фармацевт.

– Я не знал.

Она вздохнула:

– Похоже, я зря старалась, когда мы встретились первый раз. Вы же пропустили мимо ушей все, что я тогда сказала. Мою приветственную речь, мое детальное объяснение, каков порядок получения лекарств в аптеке в случае необходимости.

– Извините, наверно, у меня все мозги взболтались.

– Скачок иногда именно так действует на людей.

– На слабаков, да?

– Я этого не говорила. – Грейнджер обхватила себя руками еще сильнее, нервно прижимая ладонь ладонью. – Хватит, пора разделаться с этим. – Последнее замечание его не касалось, она смотрела на здание с нарисованной звездой на стене.

– Мы в опасности?

– Насколько я знаю, нет.

Питер оперся коленом на бампер и более пристально изучил все, что можно было рассмотреть в поселении. У строений, хоть и прямоугольных, края не были прямыми, каждый кирпич представлял собой хорошо отполированный ромб, глянцевый кусок янтаря. Скрепляющий их материал не содержал песка, скорее это был какой-то пластиковый герметик. Нигде не было прямых углов, ничего острого или рифленого. Казалось, что архитектурная эстетика заимствована у детских площадок. И не то чтобы строения эти были инфантильными или простоватыми – нет, в них было некое монотонное величие, и они явно были очень прочными, а теплые тона были... как бы это сказать... очень теплыми. Но в целом Питер не мог сказать, что он нашел их привлекательными. Если Бог благословит его и он построит здесь церковь, она будет иной, противопоставив себя здешней приземистости. Как минимум надо будет... Ну конечно же! – он сообразил, почему это место так его удручало. Нет ни башни, ни даже башенки, ни одного флагштока, ни единой треугольной крыши. О, здесь нужен шпиль!

Видение церковного шпиля долго сверкало в мыслях Питера, так что он не заметил, как шелохнулась штора из бусин в ближайшей к ним двери. Когда он моргнул и сфокусировал взгляд, некто уже вышел из дверей и встал перед Грейнджер. Это случилось слишком быстро, как показалось Питеру, и недостаточно драматично, смазав эффект, подобающий первой встрече с обитателем Оазиса. А ведь встреча должна была произойти с церемониальной медлительностью, в амфитеатре или на середине длинной лестницы. Вместо этого свидание уже началось, а Питер прозевал начало.

Это существо – этот человек стоял очень прямо, но высоким он не был. Пять футов с третью, может, с четвертью. (Странно, что эти имперские меры – «дюймы», «мили» – упорно не отмирают.) Так или иначе, у него или у нее сложение было хрупкое. Тонкие кости, узкие плечи, скромная наружность, совсем не та зловещая фигура, с которой Питер готовился столкнуться. Как и было предсказано, капюшон и монашеская сутана из пастельно-голубой ткани, невероятно похожей на ту, из которой шьют банные полотенца, покрывали все тело, подол терся о носки мягкой кожаной обуви. Намека на выпуклости груди не было, так что Питер, понимая, что это слишком шаткое доказательство, но не желая забивать себе голову неуклюжими догадками, «он» это или «она», решил считать это существо особью мужского пола.

– Привет, – сказала Грейнджер, протягивая руку.

Оазианец тоже протянул руку к руке Грейнджер, но не пожал ее, скорее просто коснулся кисти осторожными пальцами. На руке была перчатка. Число пальцев у перчатки – пять.

– Вы зд^еь, ^еейча ^е... – сказал он. – ^еюрприз.

Голос его звучал нежно, пронзительно, с придыханием, как у астматика. Вместо звуков «с» возникал чавкающий призыв, как если бы спелый фрукт разъяли пополам.

– Не слишком неприятный сюрприз, надеюсь, – ответила Грейнджер.

– Надею~~сь~~~~сь~~~~сь~~ в~~ам~~~~е~~~~м~~ вами.

Оазианец взглянул на Питера, слегка приподнял голову, так что тень от капюшона выскользнула из-под него. Бдительность Питера усыпили привычные очертания тела оазианца и пятипалая рука, и он, ожидая увидеть более или менее человеческое лицо, вздрогнул.

В этом лице не было ничего от лица. Напротив, похоже оно было на массивную беловато-розовую сердцевину грецкого ореха. Или нет, вот на что: на плаценту с двумя эмбрионами, двух- или трехмесячных близнецов, безволосых и слепых – голова к голове, колени к коленям. Их распухшие головы, фигурально говоря, составляли раздвоенный лоб, их тщедушные спинки с выгнутыми позвонками формировали щеки, их хилые ручки и перепончатые ножки являли в сплетении прозрачной плоти то, что могло содержать в неразличимом для Питера виде, – рот, нос, глаза.

Конечно, никаких эмбрионов не было и в помине, лицо было как лицо, лицо оазиянца, и ничего боле. Но как Питер ни старался, он не мог подобрать слова для описания, он мог только сравнивать с тем, что ему знакомо. Он *обязан* видеть лицо это как гротескную пару эмбрионов, расположенных на чьих-то плечах и прикрытых капюшоном. Потому что если бы он не позволил себе аналогии, то, вероятно, всегда смотрел бы на них ошеломленно, переживая первоначальный шок, проваливаясь в головокружительную дурноту, как проваливался в тот душераздирающий первый миг, пока он искал надежное сравнение, за которое смог ухватиться.

– Ты и я, – произнес оазианец. – Никогда прежде.

Вертикальная складка на середине лица слегка изогнулась, когда он складывал слова. Эмбрионы потеряли колена, образно говоря. Питер улыбнулся, но не смог выдать ответ.

– Он имеет в виду, что не встречал вас раньше, – сказала Грейнджер. – Или, другими словами, он приветствует вас.

– Привет, – сказал Питер, – меня зовут Питер.

Оазианец кивнул:

– Ты Пьер. Я запомню. – Он повернулся к Грейнджер. – Ты прине
лекарства?

– Немного.

– Как немного?

– Я покажу, – сказала Грейнджер, подошла к багажнику и подняла крышку.

Она покопалась среди наваленного там – бутылки воды, туалетная бумага, холщовые мешки, инструменты, куски брезента – и вытащила пластиковый тубус, не больше коробки для школьных завтраков. Оазианец следил за каждым движением, хотя Питер все еще не мог сообразить, чем же именно оно, то есть, простите, *он* следит за каждым ее движением.

– Это все, что я смогла добыть в аптеке, – сказала Грейнджер. – Сегодня по расписанию не тот день, когда привозят лекарства, понимаете? Мы здесь по другой причине. Но я не хотела приезжать с пустыми руками. Так что это, – она протянула ему тубус, – сверх того. Подарок.

– Мы разочарованы, – сказал оазинец. – И в то же время признаемся,

Наступила пауза. Оазианец стоял, держа пластиковую емкость, Грейнджер и Питер стояли, глядя, как он ее держит. Луч солнца взобрался на крышу автомобиля, и она засверкала.

– Что ж... э-э... Как вы тут? – спросила Грейнджер.

Пот мерцал на ее ресницах и щеках.

– Я один? – осведомился оазиянец. – Или мы вме **68** е?

Он слабо махнул рукой в сторону поселения позади него.

– Все вы.

Казалось, оaziанец долго обдумывал вопрос. И наконец сказал:

– Хорошо.

Повисла еще одна пауза.

– Кто-нибудь еще к нам выйдет сегодня? – спросила Грейнджер. – Повидать нас, я имею в виду.

Опять оaziанец долго раздумывал, как если бы вопрос был невероятно сложен.

– Не **Х**, – заключил он. – Я **М**егодня один **Х**олько.

Он внушительно указал на обоих собеседников, признавая, вероятно, что сожалеет о несправедливом соотношении числа гостей и хозяев – два против одного.

– Питер – особенный гость СШИК, – сказала Грейнджер. – Он христианский миссионер. Он хочет... э-э... жить вместе с вами. – Она неловко взглянула на Питера, ища у того подтверждения. – Если я правильно поняла.

– Да, – легко согласился Питер.

Приблизительно на полпути к расщелине на лице оaziанца сверкало нечто вроде шампиньона. Питер решил считать это глазом и посмотрел прямо в него, излучая максимальное дружелюбие.

– У меня хорошие новости для вас. Лучшие, вы таких еще не слышали.

Оaziанец наклонил голову к плечу. Оба зародыша, нет, не зародыша, его брови и щеки, ну пожалуйста! – зарумянились, выдавая паучью сеть капилляров под кожей. Его голос, когда он заговорил опять, звучал еще астматичнее прежнего:

– **М**вященное Пи **М**ание?

Слова повисли в шепчущем воздухе на мгновение, прежде чем дошли до Питера. Он не верил собственным ушам. Потом заметил, что облеченные перчатками руки оaziанца сложились в форме шпиля.

– Да! – воскликнул Питер, голова у него закружилась от ликования. – Хвала Иисусу!

Оaziанец снова повернулся к Грейнджер. Его пальцы в перчатках, сжимавшие тубус, дрожали.

– Мы ждали долго человека по имени Пи **Х**ер, – сказал он. – **М**па **М**ибо, Грейнджер.

И без дальнейших объяснений он повернулся и ринулся к двери. Только прозрачные бусины качнулись за его спиной.

– Черт меня подери, – сказала Грейнджер, сдернув косынку и обтирая ею лицо. – Он никогда не называл меня по имени.

Они прождали около двадцати минут. Солнце все еще всходило на горизонте, долька ослепительно пылающего апельсина, похожего на огромный пузырь лавы. Стены зданий сверкали, будто каждый кирпич подсвечивался изнутри.

Наконец оaziанец вернулся, все еще сжимая пластиковый тубус, теперь пустой. Он протянул его Грейнджер, медленно и осторожно, отпустив, только когда убедился, что она уже крепко его держит.

– Лекар **М****Х**ва кончили **М**ь, – сказал он, – кончили **М**ь вну **Х**ри в **М**е любезны.

– Я сожалею, что больше не было, – ответила Грейнджер. – В следующий раз будет больше.

Оазианец кивнул:

– Мы ждем.

Грейнджер, все еще напряженная, пошла к багажнику уложить тубус. Когда она вернулась, оазианец бочком двинулся к Питеру, так что они оказались лицом к лицу.

– У тебя есть Книга?

– Книга?

– Книга Станных Новых Вещей.

Питер моргнул и постарался дышать как обычно. Вблизи тело оазианца источало сладкий запах – не сладковатость гниения, но аромат свежих фруктов.

– Ты имеешь в виду Библию? – спросил Питер.

– Мы избегаем говорить имени. Книга запрещена. Пламя дает тепло.

Протянув руки, он изобразил, как греет их над огнем и как обжигает их, если огонь окажется слишком близко.

– Но ты подразумеваешь Слово Божие, – настаивал Питер. – Евангелие.

– Евангелие. Техника Иисуса.

Питер кивнул, хотя не сразу расшифровал последнее слово, исторгнутое из стесненного прохода в расщелине головы оазианца.

– Иисуса! – воскликнул он в изумлении.

Оазианец вытянул руку и явно нежным движением погладил щеку Питера кончиком перчатки.

– Мы молили Иисуса, чтобы он пришел.

Грейнджер явно упустила момент, чтобы присоединиться к разговору. Питер оглянулся и увидел, что она прислонилась к багажнику, притворяясь, что изучает машинку, которой она его открывала. И в эту долю секунды, прежде чем он вернулся к оазианцу, Питер понял, насколько Грейнджер смущена.

– Книга? У тебя есть Книга? – повторил оазианец.

– Ну, не здесь, – признался Питер.

Оазианец хлопнул в ладоши, означив не то удовольствие, не то молитву или то и другое сразу.

– Чаю и покой. День добр. Возвращайся коро, Питер, или очень коро, коро, чем можешь. Читай ее для нас – Книгу Станных

Новых Вещей. Чи ай, и чи ай, и чи ай, пока мы не понимаем. В награду мы дадим
ебе... дадим ебе...

Оазиянец задрожал, не находя слов, потом раскинул руки, будто хотел объять весь мир.

– Да, – сказал Питер, положив уверенную руку на плечо оазиянца. – Скоро.

Лоб оазиянца, головки зародышей, условно говоря, раздулись слегка. Питер решил, что так улыбаются эти удивительные люди.

Дорогой Питер, – писала Беатрис.

Я люблю тебя и надеюсь, ты в полном здравии, но я должна начать письмо с плохой новости.

Вот так бывает: сломя голову бежишь в открытые двери и наталкиваешься на стекло. Весь обратный путь на базу он чуть ли не парил от восторга, просто чудо, что он не взлетел, пробив крышу машины Грейнджер.

Дорогая Би... Хвала Господу... Мы просим о кратком отдыхе, а Бог посылает чудо...

Именно так он собирался начать письмо к Би, когда вернется домой. Его пальцы уже изготовились печатать с безумной скоростью, излучить его счастье через бездну пространства, со всеми ошибками и опечатками.

На Мальдивах случилась ужасная трагедия. Цунами. И на пике туристского сезона. Все было забито туристами, народу в общей сложности с треть миллиона. Было. Знаешь, обычно газеты и телевидение сообщают о количестве погибших. В этом случае они говорят, сколько могло ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ. Теперь там просто болото, полное трупов. Смотришь новости, но принять не можешь. Все эти люди со своими причудами, и семейными секретами, и особенными прическами, и т. п. превратились в огромную трясину, мясное месиво, и так на мили и мили вокруг.

На Мальдивах множество островов (БЫЛО множество островов) – большинство из них всегда под угрозой затопления, так что государство много лет убеждало население переехать на самый большой и защищенный атолл. И так совпало, что там снимали документальный фильм о том, как несколько жителей на одном из островков протестуют против переселения. И камера как раз давала панораму, когда пошла волна. Я видела клипы на телефоне. Поверить в это невозможно. Американский диктор говорит о рощах папайи, а в следующую секунду – тьма-тьмущая морской воды обрушивается на экран. Спасатели вытащили нескольких американцев, кое-кого из туристов, нескольких местных. И камеры, конечно. Звучит цинично, но я думаю, они сделали все, что могли.

Мы в нашей церкви думаем, что можно сделать. Посылать туда людей бессмысленно. Мы ничем не поможем. Большинство островов снесло подчистую. Просто бугорки в океане. Возможно, и большие острова никогда не восстановятся. И вода загрязнена. Там уцелел только один дом, в котором можно жить. Там негде приземлиться самолету, негде развернуть госпиталь и даже невозможно похоронить мертвых. Вертолеты кружат в небе, как чайки над нефтяным пятном, полным дохлой рыбы. Так что все, что нам остается, – это молиться о

родственников погибших мальдивцев, где бы они ни были. И может, со временем обнаружатся те, кто спасся.

Мне жаль, что я начала с этого, но ты же понимаешь, что мои мысли и сердце полны только этим. Но это не значит, что я не думаю о тебе.

Питер откинулся в кресле и поднял взор к потолку. Свет еще горел, уже лишний теперь, когда в окно било солнце, такое яркое, что слепило глаза. Он вздрогнул, чувствуя, как сырая одежда промерзает под кондиционером. Ему было жаль мальдивцев, но, к стыду его, печаль смешивалась с чисто эгоистической болью – оттого, что он и Беатрис впервые за их совместную жизнь не испытывали этих ощущений вместе. В прошлом что бы ни случилось – случалось для обоих, будь то отключение электричества, или ночной визит бедствующего соседа, или скрип оконной рамы, когда они старались уснуть. Или секс.

Я скучаю по тебе, – писала Беатрис. – Эта мальдивская история так не расстроила бы меня, если бы ты был здесь. Расскажи мне больше о твоей миссии. Может быть, она непомерно тяжела? Помни, что неожиданные открытия часто происходят именно тогда, когда все кажется невозможным. Именно тот человек, который настаивает на том, что ему не нужен Бог, больше всего хочет Его и нуждается в Нем.

Джошуа все так же бесится. Я серьезно подумываю, чтобы за ужином подмешать ему в молоко снотворное. Или огреть его пестиком по голове, когда он снова разбудит меня в четыре утра. В качестве альтернативы можно изготовить куклу с тебя ростом и положить рядом с собой в постель. Может, это его и одурочит. Но не меня, увы.

У Миры сейчас все налаживается. Я познакомилась с одной женщиной по имени Хадиджа – она соцработник и сотрудничает с имамом местной мечети, куда ходит Мира. В основном мы пытаемся представить ему всю ситуацию как проблему порядочности (жестокость мужа, неуважение), а не как конфликт религий. Представляешь, насколько это непростая дипломатия – больше похоже на посредничество между Сирией и США. Но Хадиджа блестяще справляется.

Из СШИК мне сообщили, что с тобой все в порядке. Откуда они знают? Я полагаю, что они говорят, что могут проверить, не испарился ли ты. Сообщение прислал Алекс Грейнджер. Как и когда вы с ним встретились? Скажи ему, что писать «коперироваться» – неверно. Или это упрощенный вариант слова по-американски? Зараза я, да, я зараза, зараза! Но я была терпима весь день, честно! (Очень трудная новая пациентка в палате. Предполагается, что ее сюда доставили из психушки из-за недомогания, но на самом деле, видимо, не знали, как от нее отделаться.) Все равно, похоже, я взъерилась на человека за каких-то три минуты, позволив себе распуститьсь. Но я не буду больше, конечно. Я буду добра даже к Джошуа, когда он СНОВА разбудит меня ни свет ни заря.

А если серьезно, то я скучаю по тебе ужасно. Если бы я могла провести хоть несколько минут в твоих объятьях! (Ладно, ну – час.) Погода лучше, прелестное солнце сегодня, но меня оно не радует. Пошла в универсам за успокоительной пищей (шоколадный мусс, тирамису, ну ты понимаешь...) Оказалось, что множество людей рванули туда за тем же самым. Все, что я хотела, уже раскупили, полки пусты. Остановилась на рулете с жалким подобием крема внутри.

Голова забита мальдивской трагедией, живот – десертом. Какие же мы счастливые люди в нашей западной песочнице... Мы смотрим передачи о чужеземных мертвецах, а потом идем слоняться по универмагу в поисках любимых игрушек. Конечно, когда я говорю «мы», я тебя туда не включаю. Ты далеко от мирских забот. Далек от меня.

Не обращай внимания на это мое нытье. Завтра я буду в порядке. Дай знать, как твои дела. Я так горжусь тобой.

Поцелуй, обнимашки (если бы!).

Беатрис

P.S. Не хочешь котика?

Моя любимая Би, – написал он.

Даже не знаю, что сказать. То, что случилось на Мальдивах, ужасно. Размах такой трагедии почти невозможно представить. Я молюсь за них.

Эти короткие предложения он писал долго. От трех до пяти минут на каждое. Он напрягал мозг, чтобы найти еще одно для достойного перехода от катастрофы к его собственным радостным новостям. И не находил.

Я первый раз встретился с оазианским обитателем, – продолжал он, веря, что Би поймет.

Вопреки моим самым жутким опасениям они жаждут Христа. Они знают о Библии. У меня не было с собой экземпляра при встрече – будет мне наука никогда с ней не расставаться! Даже не знаю, почему я оставил ее дома. Наверное, я полагал, что первый визит будет в основном рекогносцировкой и что меня встретят недоброжелательно. Но, как сказал Иисус в Евангелии от Иоанна: «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца – и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве»⁷.

Что касается поселения, то оно не такое, как я ожидал. Никакой индустриализации – так мог выглядеть Ближний Восток в Средние века (с другой архитектурой, конечно). Естественно, нет электричества! И еще это место Бог знает где, очень-очень далеко от базы СШИК. Я думаю, что будет неудобно жить на базе и ездить туда-сюда каждый день. Мне надо решиться и жить с оазианцами. И чем раньше, тем лучше. Я еще не обсуждал эту прозу жизни ни с кем. (Да-да, я знаю... ты мне здесь нужна, как никто. Но и Бог знает, что в практических областях я беспомощен.) Я должен верить, что все наладится. И кажется, тут много оснований надеяться, что так и будет!

Оазианцы, если предположить, что тот, которого я встретил, типичный оазианец, – люди среднего роста и похожи на нас удивительно, исключая лица, которые выглядят ужасно, я даже не могу описать насколько, – они напоминают эмбрионы. Непонятно, на что смотреть, когда говоришь с ними. Они говорят по-английски с сильным акцентом. Ну, тот, которого я встретил, говорит с акцентом. Может, он только один и говорит по-английски и мое первоначальное предположение, что пройдет несколько месяцев, пока я смогу начать что-

⁷ Ин. 4: 35.

то делать, оправдается. Но чувствую, что Господь уже потрудился здесь, и больше, чем я могу себе представить.

Ладно, я вернусь туда, как только смогу. Я хотел сказать «завтра», но, учитывая длину здешнего дня, который тянется несколько наших дней, слово «завтра» становится проблематичным. Надо бы мне усвоить, как персонал СШИК справляется со временем. Наверняка у них есть решение. Я спрошу Грейнджер по пути, если вспомню. Мой разум слишком возбужден, как ты понимаешь! Я полон рвения вернуться в поселение и занять место среди этих потрясающих людей и удовлетворить их жажду Христа.

И что за привилегия...

Питер перестал печатать на половине фразы: «И что за привилегия служить Господу». Он помнил про Мальдивы или, скорее, опасался, что может забыть о них в своем энтузиазме.

Беспокойное, почти тревожное настроение Би – так на нее не похоже! – расходилось с его избытком чувств, как плачущая похоронная процессия с идущим навстречу весело улюлюкающим карнавальным шествием. Перечитывая первую строчку своего письма, он видел, что довольно поверхностно откликнулся на ее состояние. В обычных обстоятельствах он бы обнял ее, и его руки на ее спине, касание щеки к волосам сами бы все сказали. Но сейчас слово написанное – это все, чем он располагает.

Он подумал, что следовало бы подробнее описать его чувства по отношению к мальдивской трагедии. Но чувства эти были настолько слабы, что он встревожился. Или, если точнее, он чувствовал сожаление, разочарование даже, потому что трагедия так сильно подействовала на Беатрис именно тогда, когда он хотел, чтобы она была счастлива во всем и жила как обычно, отзывчиво воспринимая его удивительные рассказы об Оазисе.

В животе у Питера громко заурчало. Он не ел ничего со времени поездки из поселения, когда они с Грейнджер отщипывали подсохшие остатки булки с изюмом. («Пять целковых за кусок», – заметила она горько. Он не спросил, кто платит по счетам.) И, будто по уговору, они не обсуждали невероятную реакцию оазисанца на Питера. Напротив, Грейнджер объясняла различные процедуры относительно стирки, электрических приборов, доступности автомобилей, правила поведения в кафетерии. Она была раздражена, настаивая, что все это уже объясняла ему раньше, когда сопровождала его на базу после посадки. Шутливые мольбы о прощении на третий раз не сработали.

Питер встал и подошел к окну. Солнце – яичной желтизны и в дымке по краям в это время дня – виднелось из окна во всем величии его, прямо в центре небес. Оно было в пять или шесть раз больше, чем то, под которым он рос, и бросало колечко золотистого света на контуры серо-бурых зданий аэропорта. Лужи дождевой воды, оставленные ночным потопом, постепенно испарялись. Капли пара вертелись и танцевали, взлетая с земли к крышам, чтобы уйти в забвение. Казалось, что лужи выдувают мудреные кольца пара.

Кондиционер в комнате студил совершенно зря. Питер сообразил, что если подойти близко к окну и прижаться к нему, то тепло, излучаемое снаружи и проникающее через стекло, проникнет и сквозь одежду. Надо спросить Грейнджер, как управляться с кондиционером, именно это она забыла объяснить.

Вернувшись к компьютеру, он допечатал: «*служить Господу*» и начал новый абзац.

Даже в радости от прекрасной возможности, посланной мне Господом, я чувствую боль страдания оттого, что не могу поддержать и успокоить тебя. Я только сегодня понял, что впервые ты и я в разлуке больше чем на пару ночей. Почему я не отлучался на мини-миссии в Манчестер или Кардифф, чтобы потренировать это долгое расставание?

Я думаю, что тебе Оазис показался бы таким же прекрасным, каким вижу его я. Солнце огромное и желтое. Воздух постоянно кружит вихрями, проникает под одежду и ускользает сию же секунду. Это может показаться неудобством, я понимаю, но ты бы привыкла. Вода зеленая, а моча почему-то оранжевая. Ну что, завлекательное описание, так сюда и тянет? Мне следовало бы пойти на курсы романистов, прежде чем лететь сюда. Я должен был настоять в СШИК, чтобы тебя отправили со мной, или отказаться от миссии.

Если бы мы смогли выкрутить им руки, то потом добились бы компании Джошуа. Не знаю, как бы он перенес Скачок, впрочем. Может, превратился бы в меховую горжетку. Черный кошачий юмор. В ответ на твою шутку о шоколадном рулете, наверно.

Милая моя, я тебя люблю. Будь здорова. Следуй тому, что ты часто советуешь мне, – не слишком вини себя и не давай злу ослепить добро.

Я помолюсь вместе с тобой о семьях усопших на Мальдивах. А ты помолись со мной за здешних людей, которые не могут дождаться новой жизни во Христе. О, вот еще: в Оклахоме живет девочка по имени Коретта, ее отец недавно умер, а мать спивается. Помолись за нее тоже. Если не забудешь.

Люблю,

Питер.

Он перечитал текст сообщения, но уже бездумно, вдруг ослабев от усталости и голода. И нажал кнопку. Несколько минут его шестьсот девяносто семь беспомощных слов застряли, слегка подрагивая, будто компьютер не знал, что с ними делать. Для Луча это было обычной практикой, как оказалось. Процесс передачи тянется каждый раз, и становится страшно, что на этом все и закончится. Потом слова его исчезли с экрана, и появилось сообщение:

ОДОБРЕНО, ОТПРАВЛЕНО.

8

Вдохните поглубже и сосчитайте до миллиона

При дневном свете все выглядит иначе. В сшиковском кафетерии, казавшемся таким заброшенным и жутким в долгие часы темноты, теперь кипела жизнь. Дым коромыслом. Стеклянная стена в восточной части здания, хоть и тонированная, пропускала столько света и тепла, что Питеру пришлось прикрыть лицо. Вся комната подернулась лучистой дымкой, в ней кофейные автоматы превратились в украшенные драгоценностями скульптуры, алюминиевые стулья мерцали, будто отлитые из благородного металла, журнальные стойки обернулись зиккуратами, лысые головы – фонарями. Человек тридцать-сорок собрались здесь, они ели, болтали, подкреплялись у стойки кофейного бара, покатывались со смеху, сидя в креслах, размахивали руками над столами, повышали голос, чтобы перекричать голоса остальных. Большинство было одето в белое, как и сам Питер, только без большого чернильного распятия на груди. Черных лиц было довольно мало, среди них был и Би-Джи. Би-Джи не обратил внимания на появление Питера, он был увлечен оживленной беседой с мужиковатой белой женщиной. Грейнджер нигде не было видно.

Питер шагнул в толчею. Музыка по-прежнему транслировалась из репродукторов, но теперь тонула в гомоне и галдеже, Питер не мог определить, то ли это все та же документальная передача про Пэтси Клайн, то ли электронная диско-песня, то ли классическая пьеса. Просто еще один голос в общем гуле.

– Эй, пастор!

Это был тот самый негр, метнувший ему в прошлый раз брусничный маффин. Он сидел за тем же самым столиком, что и вчера, но с другим приятелем – белокожим толстяком. По правде сказать, оба они были толстяками – и вес у них был одинаков, и черты похожи. Такое сходство лишний раз напоминало о том, что, несмотря на варианты пигментации, все человечество принадлежит к одному и тому же биологическому виду.

– Приветствую! – сказал Питер, подхватывая стул и присоединяясь к ним.

Толстяки вытянули шею и взгляделись в чернильную графику на его груди, но, убедившись, что это только крест, а не то, что они были бы не прочь прокомментировать, вернулись в исходное положение.

– Как дела, чувак? – Чернокожий парень протянул Питеру руку.

На рукаве рубахи, у самого локтя, пестрели математические формулы.

– Прекрасно, – ответил Питер.

Он как-то никогда не задумывался раньше, почему темнокожие люди никогда не записывают цифры на коже, к примеру на руке. Каждый день узнаёшь что-то новое о разнообразии рода людского.

– Уже подзаправился?

Темнокожий только что опустошил тарелку с чем-то коричневым в соусе. Он сжимал в ладонях пластиковую кружку с кофе. Его друг кивнул, приветствуя Питера, и снял замасленную бумажную обертку с огромного бутерброда.

– Нет, я все еще функционирую на половинке маффина, – ответил Питер, моргая от ослепительного света. – Впрочем, нет, вру – с тех пор я съел еще кусок булки с изюмом.

– Не ешь эти булки с изюмом, чувак. Это ПК!

– ПК? – Питер мысленно пошарил в своей базе аббревиатур. – Пировиноградная кислота?

– Поддельная Кола.

– Что-то я не улавливаю...

– Мы так кличем то, что сделано тут, а не дома. Может содержать моноциклопарафин, или циклогексилдодекановую кислоту, или еще какое дерьмо.

На лице негра играла полуулыбка, но глаза глядели серьезно. Многоэтажные химические термины слетали с его губ с легкостью ругательств. И снова Питер вспомнил, что все служащие здесь должны обладать умениями, оправдывающими дороговизну их перелета на Оазис. Все, кроме него самого.

Темнокожий парень громко хлебнул кофе из кружки.

– Вы никогда не едите здешние продукты? – поинтересовался Питер.

– Мое тело – это мой храм, отче. «Содержи его в святости» – так в Библии сказано.

– В Библии много чего сказано, Муни, – заметил его приятель и откусил от истекающего серым соусом бутерброда приличный кусман.

Питер посмотрел на Би-Джи в другом конце зала. Мужеподобная женщина согнулась чуть ли не в три погибели от хохота. Одной рукой она для равновесия ухватила за колено Би-Джи. Музыка проникла сквозь брешь в людском гаме, оказавшись хором из бродвейской постановки середины двадцатого века; такие вещи всегда ассоциировались у Питера с провинциальными благотворительными лавочками или коллекциями грамзаписей в жилищах одиноких стариков.

– Ну, как бутерброд? – спросил Питер. – Выглядит вкусно.

– Угу, – закивал белый толстяк. – Вкусный и есть.

– С чем он?

– С белоцветом.

– Я вижу, что белого цвета, но с чем...

– Белоцвет, отче. Поджаренный белоцвет.

Муни пришел Питеру на помощь:

– Мой друг Руссос действительно имеет в виду цветок. – Элегантным движением своих пухлых пальцев Муни изобразил раскрывающийся бутон. – Здешний цветок, чуть ли не единственное, что тут произрастает...

– А на вкус как самая лучшая пастрома, какую ты только пробовал в своей жизни, – прибавил Руссос.

– Он очень хорошо приспосабливается, – согласился Муни. – В зависимости от вкусовой добавки может напоминать что угодно: курицу, фадж, бифштекс, банан, кукурузу, грибы. Добавь воды – вот тебе суп. Прокипяти – вот тебе заливное. Смели его, испеки – вот тебе и хлеб. Универсальный продукт.

– Для человека, который отказывается его есть, вы славно рекламируете этот цветок.

– Конечно он его ест, – сказал Руссос. – Он обожает банановые блинчики.

– Да, нормальная еда, – фыркнул Муни. – Я стараюсь не привыкать. Чаще всего я предпочитаю настоящее.

– Но не слишком ли это дорого, – спросил Питер, – есть и пить только... э-э... импортные продукты?

– Будь спок, отче! Зато я пью настоящую колу; по моим прикидкам, я задолжал СШИК около... пяти тысяч баксов.

– Легко! – подтвердил Руссос. – И еще «Твинки».

– Черт, да! Эти акулы такие деньги дерут за «Твинки»! Или батончики «Херши»! Скажу я тебе, не будь я таким пофигистом...

Муни подвинул свою пустую тарелку к Питеру.

– Если бы я все не съел, я бы показал тебе кое-что, – сказал он. – Ванильное мороженое с шоколадной подливкой. Ванильная эссенция и шоколад привозные, подливку, скорее всего, делают из белоцвета, но вот мороженое... мороженое – чистая энтомофагия, понял, о чем я?

После минутного раздумья Питер ответил:

– Нет, Муни, не понял.
– Жуки, чувак! Жрачка из личинок.
– Очень смешно, – промычал Руссос, продолжая жевать, но уже без прежнего энтузиазма.
– Еще они готовят вкуснейший рисовый десерт – никогда не поверишь из чего – из опарышей.

Руссос положил свой бутерброд:

– Муни, ты мне друг, и я люблю тебя, Муни, но...
– Но это же не какие-то там грязные опарыши, вы же понимаете, – пояснил Муни, – а чистенькие, свеженькие, специально откормленные.

Руссос не выдержал:

– Муни, прикрой-ка варежку, черт тебя возьми! Есть вещи, которые человеку лучше не знать.

Будто потревоженный звуками спора, Би-Джи неожиданно нарисовался на горизонте:

– Эй, Питер! Как делишки, братан?

Белой женщины рядом с ним уже не было.

– Отлично, Би-Джи. А твои?

– Всё торчком, чувак, всё торчком. Поставили солнечные панели, они теперь тянут все двести пятьдесят процентов электроэнергии. Можно подкачивать излишки в кое-какие серьезные и умные системы. – Он неопределенно кивнул куда-то в пустоту за пределами кафетерия, с противоположной от Питера стороны. – Видел то новое здание снаружи?

– Для меня они все новые, Би-Джи.

– Ну да, так там одно *действительно* новое. – Лицо у Би-Джи светилось от гордости. – Будет *возможно-о-ость*, выйди и погляди на него как-нибудь. Чудо инженерной мысли. Наша новая дождеприемная центрифуга.

– Известная в народе как Большой Лифчик, – вмешался Руссос, подбирая соус корочкой.

– Эй, мы ж не собираемся бороться за архитектурные премии, – усмехнулся Би-Джи. – Просто придумываем, как бы уловить всю эту водичку.

– Кстати, – сказал Питер, – раз вы об этом упомянули, я вот только что сообразил: несмотря на столько дождей... Я не видел ни одной реки и ни одного озера. Даже лужи.

– Тут почва как губка. Все, что в нее попадет, уже не вернешь. Но большинство дождей испаряется минут этак за пять. Этого не увидишь, но это постоянно происходит. Невидимый пар. Оксюморон, да?

– Полагаю, да, – согласился Питер.

– В любом случае мы должны захватить эту воду, пока она не исчезнет. Над этим-то моя команда и мозгует. Конструируем вакуумные сети. Концентратор потоков. Большущие такие игрушки. А ты как? Церковью уже обзавелся?

Вопрос был так невинен, как будто церковь – это набор инструментов или приспособлений, некий реквизит; впрочем, если поразмыслить – именно этим она, в сущности, и является.

– Самого здания пока нет, Би-Джи, – сказал Питер. – Но это для церкви не самое главное. Церковь строится в душах и умах.

– Малобюджетная конструкция, – съязвил Руссос.

– Имей хоть каплю уважения, засранец, – сказал Муни.

– Вообще-то, Би-Джи, – сказал Питер, – знаешь, я еще в некотором шоке или, лучше сказать, ошеломлен от счастья. Вчера вечером... э-э... сегодня утром, чуть раньше, Грейнджер возила меня в оазисанское поселение.

– Куда, братан?

– В оазисанское поселение.

Трое за столом засмеялись.

– Ты это про Город Уродов? – сказал Руссос.

– Си-два, – поправил его Би-Джи, вдруг посерьезнев. – Мы называем его Си-два.
– Дело не в этом, – продолжил Питер, – а в том, что меня потрясаяще приняли. Эти люди страстно жаждут услышать о Боге.

– Охренеть! – сказал Би-Джи.

– Они уже знают о Библии!

– Это надо отметить, братан. Дай-ка я те налью чего.

– Я не пью, Би-Джи.

Би-Джи приподнял одну бровь:

– Да я кофе имел в виду, братан. Если хочешь выпивку, то тебе придется основать церковь как можно быстрее.

– Не понял?

– Пожертвования, братан, и немаленькие. А то одно пивко отправит тебя на мно-о-ого шагов назад.

Би-Джи вразвалку отчалил к барной стойке. Питер остался один с двумя толстяками, те синхронно хлебнули из пластиковых кружек.

– Невероятно, часами ехать по одному и тому же ландшафту и не заметить самых поразительных явлений, – не успокаивался Питер. – И весь этот дождь, и то, что он не собирается в озера или какие-то резервуары... Интересно, как озианцы справляются?

– Да без проблем, – сказал Руссос. – Дождь-то каждый день. Когда приспичит – тогда и берут. Как из-под крана. – Он поднял свой пластиковый стаканчик и подставил его под воображаемое небо.

– Вообще-то, – прибавил Муни, – проблема была бы, если бы почва *не впитывала* всю эту воду. Представляете себе, какие были бы потопаы?

– О! – внезапно вспомнил Питер. – Вы слыхали про Мальдивы?

– Мальдивы? – Руссос настороженно глянул на Питера, как будто опасаясь, что тот сейчас заладит какую-нибудь евангелистскую притчу.

– Мальдивы, группа островов в Индийском океане, – сказал Питер. – Их смыло цунами. Почти все, кто там был, погибли.

– Я этого не знал, – сказал Муни бесстрастно, как будто Питер только что изложил некий фрагмент знаний из области науки, которая никак не соприкасалась с его собственной.

– Смыло начисто? – спросил Руссос. – Беда.

Вернулся Би-Джи, неся в каждой руке по дымящейся кружке с кофе.

– Спасибо, – сказал Питер, принимая свою кружку.

На ней была шутливая надпись: «ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ЗДЕСЬ, ЧЕЛОВЕКОМ БЫТЬ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО, НО ЖЕЛАТЕЛЬНО».

Би-Джи говорил как-то иначе.

– Эй, я только сейчас понял, – сказал Питер. – Эти кружки из настоящей пластмассы. Я имею в виду... э-э... толстой. Не из пенопласта, не одноразовые...

– Нам и так есть чего везти через полвселенной, помимо одноразовых стаканов, братан, – сказал Би-Джи.

– Ага, например, батончики «Херши», – сказал Муни.

– Например, христианских священников, – сказал Би-Джи без тени шутки.

Дорогая моя Би, – писал Питер часом позже. – От тебя нет никакой весточки, а может, это я тороплюсь написать тебе следующее письмо. Просто не терпится все тебе рассказать.

Я тут поговорил кое с кем из сшиковских ребят, и они мне на МНОГОЕ открыли глаза. Оказывается, я не первый христианский миссионер, которого сюда отправили. До меня здесь был некто Марти

Курцберг. Видимо, баптист, несмотря на еврейскую фамилию. Местные жители хорошо приняли его миссию, но затем он исчез. Это случилось год назад. Никто не знает, что с ним случилось. Конечно, парни шутят, что оaziанцы, должно быть, съели его, как в тех старых мультиках про миссионеров, которых связывают и варят живьем кроважные дикари. Не стоило бы им так говорить – это расизм. А все равно я сердцем чувствую, что эти люди – оaziанцы – не опасны. Не для меня, по крайней мере. Может, это и поспешное заключение, ведь я едва встретился с ними. Но ты, я уверен, помнишь те времена, когда мы с тобой проповедовали Бога в непривычном месте/контексте, помнишь, как внезапно мы начинали чувствовать, что надо как можно скорее уносить ноги, если хотим остаться в живых? Так вот теперь у меня нет подобных предчувствий.

Невзирая на людоедские шутки, между СШИК и оaziанцами, похоже, установились определенные торговые взаимоотношения. Это не тот колониальный тип эксплуатации, которого можно было бы ожидать. Это регулярный товарообмен, формальный и сдержанный. Оaziанцы снабжают нас продуктами. Насколько я понял, главное, что даем оaziанцам мы, – это лекарства. Здесь не слишком большое разнообразие растений, что удивительно, учитывая, сколько здесь выпадает дождей. Но поскольку большинство лекарств имеет растительное происхождение, я подозреваю, что условия для открытия/ производства анальгетиков, антибиотиков etc. здесь ограничены. Или, может, таков зловещий план СШИК – подсадить местных обитателей на препараты? Я не в состоянии сделать какие-то мало-мальски авторитетные выводы на этот счет, пока не смогу получше узнать этих людей.

Кстати, ты сидишь, надеюсь? Потому что у меня есть потрясающая новость, просто сногшибательная. Единственное, чего хотят оaziанцы (помимо лекарств), – это Слово о Боге! Это они попросили СШИК прислать им нового пастора. Попросили? Нет – потребовали! Как один человек рассказал мне только что, они (оaziанцы) вежливо намекнули, что от этого зависит их дальнейшее сотрудничество со СШИК! А мы-то с тобой думали, как фантастически великодушно со стороны СШИК предложить мне возможность прибыть сюда... Ну, пока я тут пребываю в глубоком неведении, оказалось, что весь проект зависит от меня! Если бы я знал об этом заранее, я бы НАСТОЯЛ, чтобы ты тоже была со мной. Правда, они могли бы тогда пробросить меня, обратив свои взоры на кого-нибудь другого, кого-нибудь более сговорчивого. У них, наверное, были сотни соискателей (я по сю пору не понимаю, ПОЧЕМУ Я? Но видимо, правильнее будет спросить: ПОЧЕМУ НЕ ДРУГОЙ?)

Как бы то ни было, ясно одно: мне предоставят все, что только понадобится для основания церкви. Автомобиль, строительные материалы, даже рабочую силу. Все складывается так, что мое бремя кажется не таким уж тяжким, легче, чем у любого миссионера со времен начала евангелизма. Вспоминая о святом Павле, побитом камнями, потерпевшем кораблекрушение, голодавшем, заключенном в темницу... А я почти с нетерпением жду своей первой неудачи (ПОЧТИ)

Он прервался. Он сказал все, что хотел, но чувствовал, что как-то должен протянуть ниточку к злосчастным Мальдивам. И укорял себя за то, что должен, но не хочет.

Люблю тебя,
Питер.

Выблевав кофе, он испытал облегчение. И в лучшие времена он не был большим поклонником сего напитка – это, в конце концов, был стимулятор, а он отучил себя от искусственных стимуляторов много лет назад, но жидкость, которую презентовал ему Би-Джи, на вкус была как грязь. Наверное, она была сделана из оазианских цветов или комбинация привозного кофе и местной воды оказалась неудачной. В любом случае, избавившись от них, он почувствовал себя лучше. Почти нормально на самом деле. Последствия Скачка наконец отступили. Он сделал большой глоток воды прямо из-под крана. Вкуснотища. С этой минуты он ничего не станет пить, кроме воды. Тело обретало прежнюю энергию, как будто каждая клетка была микроскопической губочкой, разбухшей в благодарность за то, что ее напоили. Может, так оно и было. Он застегнул ремешки сандалий и вышел из квартиры якобы для того, чтобы получше изучить окрестности, а еще чтобы отпраздновать возвращение бодрости и силы. Слишком долго он пробыл в заключении. Наконец-то он свободен!

Ну как «свободен»? Свободен прогуливаться по лабиринтам базы СШИК. Приятная перемена мест, но не то же самое, что выйти на открытый простор прерии. Лишь пустые коридоры, ярко освещенные туннели стен потолка и пола. И двери через каждые несколько метров. Каждая дверь с табличкой, на ней только фамилия и инициалы – и профессия более крупными литерами. Таким образом – «У. ХЕК, ШЕФ-ПОВАР», «С. МОРТЕЛАРО, СТОМАТОЛОГ-ХИРУРГ», «Д. РОЗЕН, ГЕОДЕЗИСТ», «Л. МОРО, ИНЖЕНЕР-ТЕХНОЛОГ», «Б. ГРЭМ, ИНЖЕНЕР ЦЕНТРИФУГИ», «ДЖ. МУНИ, ИНЖЕНЕР-ЭЛЕКТРИК» и так далее. Слово «инженер» попадалось довольно часто, как и профессии, оканчивающиеся на «-лог» и «-ист».

Из-за дверей не доносилось ни звука, и коридоры были так же безмолвны. Очевидно, персонал СШИК либо на работе, либо зависает в кафешке. Не было ничего зловещего в их отсутствии, не было причин нервничать, и все-таки Питеру было жутковато. Первоначальное облегчение оттого, что он в состоянии произвести разведку в одиночку, без присмотра, сменилось жадой увидеть хоть какие-то признаки жизни. Он ускорил шаг, поворачивая за каждый угол с большей решительностью, но его встречали все те же прямоугольные переходы да ряды дверей-близнецов. В таких местах и не поймешь, что заблудился. И вот, когда он уже начал покрываться испариной, пронзенный воспоминаниями о своих злоключениях в капканах детских исправительных учреждений, заклятье было разрушено – повернув еще раз за угол, он почти нос к носу столкнулся с Вернером.

– Эй, полегче на поворотах, где пожар? – сказал Вернер, оглаживая свое упитанное тело, словно проверяя, не нанесла ли ему урон неожиданная встреча.

– Извините, – сказал Питер.

– Все в порядке?

– Да, спасибо.

– Хорошо, – кивнул доброжелательно Вернер, но он явно не был расположен поболтать. – Пусть так и остается, приятель!

Была это просто рядовая фраза или предостережение? Трудно сказать. Несколько секунд спустя Питер снова остался в одиночестве. Паника миновала. Он уже ощутил разницу между шатанием без дела по незнакомому зданию и тюремным заключением. Вернер прав, надо взять себя в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.